

ОСТЗЕЙСКІЙ ВОПРОСЪ.

ПИСЬМО М. П. ПОГОДИНА

КЪ ПРОФЕССОРУ ШИРРЕНУ.

СЪ ПРИЛОЖЕНІЯМИ.

МОСКВА.

Типографія «Русскаго», на Дѣвичьемъ полѣ.

1869.

ПАМЯТИ

СЛАВНАГО ЗАЩИТНИКА

ДАТЫШЕЙ И ЭСТОВЪ,

ДОКТОРА ГАРЛИБА МЕРКЕЛЯ,

ВЪ ДЕНЬ СТОЛѢТНЕЙ ГОДОВЩИНЫ ЕГО РОЖДЕНІЯ,

11 Октября 1869 года,

ПОСВЯЩАЕТЪ

РУССКІЙ,

ЧТУЩІЙ НѢМЕЦКУЮ НАУКУ,

И ПРИЗНАТЕЛЬНЫЙ НѢМЦАМЪ

ЗА ДОБРО, ОТЪ НИХЪ ПОЛУЧЕННОЕ

ОСТЗЕЙСКІЙ ВОПРОСЪ.

Письмо къ профессору Ширрену.

I.

Я имѣлъ честь принимать васъ въ своемъ домѣ и дѣлить съ вами хлѣбъ-соль; мы бесѣдовали съ вами о разныхъ предметахъ исторіи. Вы видѣли глубокое мое уваженіе къ нѣмецкой наукѣ, вы слышали выраженіе моей самой искренней признательности къ услугамъ и благодѣніямъ, какія Россія, въ разныхъ отношеніяхъ, получала отъ Нѣмцовъ. Я не подавалъ вамъ, надѣюсь, ни въ своихъ сочиненіяхъ, ни въ устныхъ своихъ сообщеніяхъ, никакого повода сомнѣваться въ моемъ безпристрастїи, къ которому мы съ вами, какъ служители исторіи, обязываемся и по самому своему званію, *sine ira et studio*.

Дѣтъ пять или шесть назадъ, я писалъ, не помню при какомъ случаѣ, къ заслуженному бытописателю Богеміи, Палацкому что въ! настоя-

щемъ положеніи многихъ вопросовъ въ Европѣ, полезно было бы собираться историкамъ, и подвергать ихъ своему обсужденію, независимо отъ взглядовъ и требованій временной политики и дипломатіи. Вы подаете мнѣ теперь случай объясниться съ вами полюбовно объ Остзейскомъ вопросѣ, и передать на судъ вашъ мое воззрѣніе: вы преподавали русскую исторію въ Дерптѣ, я въ Москвѣ. Мы, слѣдовательно, свои люди—сочтемся же.

Позвольте мнѣ, для ясности, перенести вопросъ изъ области общихъ мѣстъ и отвлеченныхъ положеній, которыми исполнена ваша книга, и изъ области былей (фактовъ) и канцелярскихъ справокъ, мѣръ административныхъ, которыми исполнена книга г. Самарина,—перенести въ область исторіи, простаго здраваго смысла, государственнаго и естественнаго права. Я постараюсь привести дѣло въ самыя ясныя формулы, чтобъ не оставалось между нами никакого недоразумѣнія.

Начну съ начала. Мнѣ кажется, вы ошиблись, называя свой отвѣтъ ливонскимъ. Ливы, давшіе свое имя Ливоніи, — Эсты, отъ которыхъ произошло имя Эстляндіи,—и Куры, старожилы-хозяева Курляндіи, не имѣютъ ничего общаго съ Нѣмцами, составляющими предметъ вашей Фляндии-іере-

міады, или вашего пасквиля-элегіи. Они, то-есть, Ливы, Эсты и Куры, искони подданные русскіе; съ перваго поселенія Нѣмцовъ между ними, питали къ нимъ жесточайшую ненависть, старались всѣми силами избавиться отъ незваныхъ гостей, входили въ разные союзы, и принуждены были, наконецъ, уступить только силѣ, когда Россія, покоренная, между тѣмъ, Монголами, лишилась возможности имъ помогать, и должна была отъ нихъ на время отказаться. Впрочемъ, кровопролитныя возстанія туземцовъ противъ нѣмецкаго владычества, впродолженіи этого періода, не прекращались: напюмню, для примѣра, крестьянскую войну въ Эстляндіи, въ 1343 г., веденную черезъ 250 лѣтъ послѣ вашего водворенія. Такъ было и впродолженіи всѣхъ шести-семисотъ лѣтъ, даже до настоящаго времени, когда Нѣмцы, судя по всѣмъ извѣстіямъ, не могутъ похвалиться привязанностью туземцовъ, которые, потерявъ терпѣніе, спѣшатъ со всѣхъ сторонъ выселяться, и покидаютъ толпами землю, орошенную ихъ потомъ и кровью. Весь Петербургъ, впродолженіи двухъ лѣтъ, былъ свидѣтелемъ раздирающихъ всякое честное, благородное сердце сценъ, когда, нагіе и босые, безъ всякихъ средствъ, съ грудными младенцами на рукахъ, несчастные Эсты приходили и

приплывали на судахъ, нанятыхъ за послѣдніе гроши, искать помощи и защиты у своего при-рожденнаго Покровителя и дружелюбнаго народа. Эти туземцы, настоящіе Лифляндцы, никакъ не сочувствуютъ вашему сочиненію, не принимаютъ въ немъ никакого участія, а наоборотъ, благословляютъ имя г. Самарина, который возвысилъ свой независимый голосъ въ защиту несчастныхъ илотовъ XIX вѣка. Слѣдовательно, отвѣтъ вашъ отнюдь нельзя назвать лифляндскимъ. Лифляндскій отвѣтъ построился бы совсѣмъ на другой ладъ, противоположный вашему. Вашъ отвѣтъ есть отвѣтъ нѣмецкій, или, пожалуй, личный, если ваши соотечественники отъ него откажутся: одинъ волонтеръ, какъ вы называете себя, отвѣчаетъ другому волонтеру— и вотъ явится къ вамъ еще третій на состязаніе.

Ошибка вашего заглавія—слѣдствіе вашего вольнаго или невольнаго ослѣпленія, отражается на всемъ вашемъ сочиненіи, пропитанномъ жолчью. Вы вездѣ говорите объ Остзейскомъ краѣ, какъ будто бы онъ былъ исключительно Нѣмецкій край, какъ будто тамъ жили и владѣли одни Нѣмцы. Вы не хотите знать Латышей и Эстовъ, исконныхъ хозяевъ земли, какъ будто бы ихъ и не было на свѣтѣ.

Говоря безпрестанно о провинціи, зачѣмъ же вы не объяснили, что это за провинція? Есть ли эта провинція органическое цѣлое, изъ одного куска состоящее? Вы забываете, что эта провинція состоитъ изъ двухъ несоразмѣрныхъ между собою частей: туземцовъ-старожиловъ, Латышей и Эстовъ, и изъ приплагаго племени, которое составляетъ ничтожную часть населенія, Нѣмцовъ, овладѣвшихъ всею землею, и не оставившихъ настоящимъ хозяевамъ ни пяди ея: вы, повторяю, какъ будто и знать не хотите, что васъ въ краѣ меньше 200 тысячъ, а Латышей и Эстовъ болѣе 2-хъ милліоновъ, то-есть, что вы относитесь ко всему населенію менѣе чѣмъ 1: 10.

Согласитесь, что такую постановкою вопросъ совершенно измѣняется.

Отдайте-ка вашу книгу на судъ туземнаго ливонскаго населенія, и вы увидите, въ какіе клочки, скрежеща зубами, они разорвутъ ее, или, съ пѣною у рта, напишутъ вамъ отвѣтъ, покрѣпче, посылнѣе, не говорю уже повѣрнѣе, вашего намъ, виноватымъ не передъ вами, а передъ ними, передъ собою, передъ своею исторіей.

Обратимся же къ исторіи.

Но прежде всего позвольте мнѣ представить вамъ **собственныя мои мысли объ Остзейскомъ вопросѣ, которыя я имѣлъ случай сообщать часто во всѣхъ журналахъ и газетахъ, и которыхъ сущность напечаталъ лѣтъ за пять до книги г. Самарина, въ программѣ къ изданію литературно-политическихъ сборниковъ подъ заглавіемъ «Утро», и къ такой же газетѣ «Русскій».**

Вы увидите здѣсь стародавній мой взглядъ, совершенно независимый отъ возникающей теперь полемики.

«Я желалъ бы, чтобъ было сочтено, сколько земли, а по прежнему крестьянъ, въ губерніяхъ русскихъ принадлежитъ Нѣмцамъ, Нѣмцамъ остзейскимъ, получившимъ эти земли, и получавшимъ прежде крестьянъ, въ приданое, въ жалованье за службу, и, наконецъ, покупкою. (Объ этихъ Нѣмцахъ, по большей части, должно съ признательностью сказать, что они сдѣлались совершенно Русскими, и мы не полагаемъ никакого различія между ними и коренными Русскими.) Я увѣренъ, что такой земли окажется больше, чѣмъ занимаетъ вся Лифляндія, или Эстляндія, или Курляндія. Спрашивается, какимъ же образомъ русскій дворянинъ не можетъ пользоваться въ трехъ остзейскихъ губерніяхъ тѣми

же правами, какія имѣеть остзейскій дворянинъ во всѣхъ пятидесяти русскихъ губерніяхъ?»

«Точно также нѣмецкіе купцы разсыпаны по всей Россіи, въ Петербургъ и Москвѣ, Архангельскѣ и Одессѣ, Тифлисѣ и Кіевѣ, и пользуются вездѣ всѣми, и въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, большими преимуществами, чѣмъ русскіе купцы. Не гораздо ли ихъ больше у насъ во внутренней Россіи, чѣмъ во всѣхъ остзейскихъ городахъ?»

«Говорить ли о нѣмецкихъ ремесленникахъ, которымъ никто изъ русскихъ не только не мѣшаетъ, но всѣми силами помогаетъ и содѣйствуетъ! На что же похоже, что русскій ремесленникъ, зайдя случайно въ Ригу или Ревель, долженъ подвергаться тамъ всѣмъ возможнымъ стѣсненіямъ?»

«О русскомъ языкѣ для русскихъ—самый вопросъ есть уже оскорбленіе; русскій человекъ долженъ скрывать свое происхожденіе и не иначе можетъ быть выслушанъ въ Ригѣ, какъ заговоривъ по нѣмецки!! Помилуйте! Развѣ можетъ быть терпимо гдѣ нибудь подобное положеніе? Въ Россіи я долженъ говорить въ судѣ на иностранномъ языкѣ!!»

«Касательно землевладѣнія, крестьяне—Латыши и Эстонцы, разумѣется, уравниются въ своихъ

правахъ на землю съ крестьянами русскими, польскими, грузинскими. Что они за обсъвки въ полѣ за все свои процлыя страдація? Это великое преобразование, представляемое Россією Европѣ, по милости царствующаго нынѣ Государя Императора, не можетъ не распространяться на остзейскія губерніи. Я всегда былъ той мысли, что остзейскіе помѣщики, по извѣстному своему благоразумію, сами придумаютъ наилучшія мѣры для того, чтобъ волки были сыты такъ же, какъ и овцы цѣлы, и если до сихъ поръ этого еще не послѣдовало, то вѣрно послѣдуетъ скоро.»

Вотъ что я напечаталъ въ своемъ «Утрѣ», считая, какъ видите, Остзейскій вопросъ въ этомъ видѣ для себя лично рѣшоннымъ.

Я не читалъ даже до сихъ поръ перваго выпуска г. Самарина, потому что не хотѣлъ тратить времени, для меня слишкомъ дорогаго, на пріобрѣтеніе лишннихъ и ненужныхъ подтвержденій для своего мнѣнія. Я прочолъ только второй выпускъ, «Записки Латыша». и, признаюсь, сердце мое обливалось кровью при чтеніи этого разсказа, на которомъ, что бы вы ни говорили, какъ бы ни издѣвались, приравнивая автора къ породѣ шакаловъ, лежитъ печать правды. Этотъ

разсказъ стоитъ романа г-жи Бичер-Сгоу: «Хижина дяди Тома», и долженъ быть переведенъ на всѣ европейскіе языки, чтобъ Европа увидѣла различіе между русскими варварами, которые надѣлили 60 милліоновъ своихъ и чужихъ, польскихъ и грузинскихъ крестьянъ, свободою и землею, и нѣмецкими гуманистами, которые, *per fas et nefas*, отстаиваютъ феодальныя права среднихъ вѣковъ на основаніи изветшавшихъ пергаментовъ.

Предупредивъ васъ, такимъ образомъ, откровенно о моемъ давнемъ образѣ мыслей, я обращаюсь къ вашей книгѣ, и начинаю съ историческихъ напоминаній.

II.

Станемъ разсуждать, какъ люди XIX столѣтія, для которыхъ многіе политическіе вопросы объяснились лучше прежняго, которые освободились отъ разныхъ старинныхъ предубѣжденій, и смотрятъ на вещи по ихъ сущности, а не по наружности, не по отношеніямъ; по ихъ внутреннему достоинству, *valeur intrinsèque*, а не по зыбкому курсу непостоянной биржи; станемъ говорить, какъ свободные граждане, сознавая свое человѣческое достоинство, и не стѣсняясь никакими политическими условіями и призраками.

Вы толкуете безпрестанно о владѣніи: «мы, наше, наши права, наша земля», какъ будто бы вы выросли на ней, и составляли все ея народонаселеніе. Но позвольте васъ спросить, чтожь такое вы? кто вы? откуда вы? когда и какъ вы пришли? почему это ваша земля, и какое право имѣете вы на нее?

Не съ такими ли же правами Швеція, въ благопріятныхъ обстоятельствахъ, можетъ воскликнуть: мы, наше? А Данія поднимется въ подобномъ случаѣ съ другой стороны, и, въ свою очередь, подастъ голосъ: мы, наше! Наконецъ, вступится, пожалуй, Польша, и закричитъ громче всѣхъ: мы, наше! Да сами епископы, истые природные Нѣмцы, поднявшись изъ каменныхъ гробницъ рижскаго собора, возопіютъ гласомъ велимъ, обращаясь ко всѣмъ претендентамъ: прочь, это все наше!

Вы забываете, милостивые государи, что особенно непростительно вамъ, какъ профессору русской исторіи, что прежде всѣхъ, то-есть, прежде Нѣмцовъ, Поляковъ, Шведовъ и Датчанъ, Балтійское поморье принадлежало Россіи. «Се суть иніи языци, иже дань даютъ Руси (говоритъ древнѣйшій нашъ лѣтописецъ одиннадцатаго вѣка, Несторъ, — говоритъ слишкомъ за сто лѣтъ, прежде чѣмъ показали Нѣмцы въ устьѣ Двины), Чюдь, Ямь, Литва, Земгола, Корсь, Нарова, Ливь. Си суть свой языкъ имуще, отъ колѣна Афетова, и живутъ въ странахъ полуночныхъ».

Чудь жила въ Эстляндіи, Нарова, гдѣ нынѣ Нарва, Емь въ южной части Финляндіи, Ливь въ Лифляндіи, Корсь въ Курляндіи, Зѣмигола въ Семигаліи, Литва въ Ковенской губерніи.

Балтійское поморье искони находилось въ подданствѣ русскихъ князей. Ярославъ, въ 1030 году, основалъ Деритъ, который тогда назывался, въ честь его христіанскаго имени, Юрьевымъ, для собранія дани съ окрестныхъ жителей.

Всѣ эти страны покорены были, безъ всякаго сомнѣнія, еще Рюрикомъ, основателемъ русскаго государства.

Я долженъ войти здѣсь въ нѣкоторыя историческія подробности.

Жизнь первыхъ нашихъ норманскихъ князей проходила въ непрерывныхъ походахъ на востокъ, западъ, югъ и сѣверъ: такъ дѣйствовали — Олегъ, Игорь, Святославъ, Владимиръ, Ярославъ. Не можетъ быть, чтобъ первый изъ нихъ, Рюрикъ, призванный Новгородцами, сидѣлъ, склавши руки, семнадцать лѣтъ въ Новгородѣ. Онъ вѣрно обрабатывалъ дѣло около себя, подчиняя себѣ сосѣднія страны, какъ поступали Норманы вездѣ, гдѣ селились. Вотъ когда покорено было все Балтійское поморье по рѣку Нѣманъ, котораго ближній сѣверный рукавъ и названъ Руссою, а Курскій заливъ — Русною, почему и смежныя страны получили тогда же у насъ имя Порусья, Пруссіи, Borussia, Preussen.

Исландскія саги ясно свидѣтельствуютъ, что Владимиру, когда онъ княжилъ еще въ Новгородѣ, Балтійское поморье платило дань, и, притомъ, издавна. Когда же оно могло быть покорено? Иного времени назначить нельзя кромѣ Рюрикава.

Первыи вашъ епископъ, Мейнгардъ, *испросивъ* только *позволеніе* у Русскаго Полоцкаго князя, могъ выстроить свой монастырь и первую крѣпостцу въ устьѣ Двины, въ 1186 году, что засвидѣльствовано, къ нашему счастью, вашимъ достовѣрнымъ лѣтописателемъ Генрихомъ Латыномъ.

Вотъ его подлинныя слова (Chron. Liv. c. 1, § 2, у Боннея с. 15): «Былъ мужъ благочестивый... священникъ изъ ордена св. Августина, въ монастырь Сигебергскомъ. Для *ради-Христа* и *проповѣди* прибылъ онъ въ Ливонію, сопровождая купцовъ. Нѣмецкіе купцы, не задолго передъ тѣмъ, начали посѣщать устье Двины. *Получивъ позволеніе отъ Полоцкаго князя, которому Ливонскіе язычники дотоль платили подать...* приступаетъ онъ къ проповѣди и строить Божіи храмъ въ селеніи Икескола.» *

Fuit vir vitae venerabilis et venerandae canitiei, sacerdos ex ordine beati Augustini, in coenobio Sigeber-

Вотъ съ какою цѣлью явились Нѣмцы сначала въ нашихъ предѣлахъ!

Албертъ, третій епископъ, — охотно сознаюсь, — одинъ изъ великихъ людей Германіи, построилъ Ригу въ 1201 году, и учредилъ Ливонскій, такъ называемый орденъ Меченосцовъ, которымъ поручилъ покорять и обращать окрестныя страны, предоставляя имъ третью часть прибрѣтаемыхъ ими земель, что они успѣшно и приводили въ исполненіе. Но долго еще продолжаютъ въ самыхъ Ливонскихъ лѣтописяхъ слѣды Русскаго подданства.

Въ 1210 году епископъ Албертъ самъ ручался за Ливовъ платить Полоцкому князю слѣдующую съ нихъ ежегодную дань. *

---

gensi. Hic simpliciter pro Christo et praedicandi tantum causa cum comitatu mercatorum in Livoniam venit. Teutonici enim paulo ante mercatores Livonibus familiaritate conjuncti Livoniam frequenter navigio per Dunaе flumen adire solebant.

§ 3. *Accepta itaque licentia* praefatus sacerdos a rege Woldemare de Plosceke, cui *Livones adhuc pagani* tributa solvebant, simul et ab eo muneribus receptis, audaciter divinum opus aggreditur, Livonibus praedicando, et ecclesiam Dei in villa Ikescola construendo.

* Chron. Liv. c. XIV, § 9. Missus est Arnoldus, frater militiae, cum sociis suis, ad regem de Plosceke in

Въ 1214 году Новгородскій князь Мстиславъ Мстиславичъ Удалой прошолъ сквозь всю Чудскую землю къ морю и утвердилъ дань за Новгородомъ.

Въ 1216 году князь Володимеръ Псковскій вытребовалъ съ Унганнїи большую дань за то, что жители приняли предъ тѣмъ латинскихъ священниковъ, бывъ прежде православными, * и проч.

Согласіе рыцарей съ епископами продолжалось недолго. Начались междуособныя войны, среди которыхъ враждующія стороны прибѣгали за помощью къ иностранцамъ—и къ Датчанамъ, и къ Литовцамъ, и къ Русскимъ, и къ папѣ. Города, и въ особенности Рига, принимали участіе въ этихъ междуособіяхъ, держа то одну сторону, то другую, и

Russiam.... Qui postquam in Rigam venerunt, et regis voluntatem exposuerunt, placuit Rigensibus pacis formula, et facta est pax perpetua inter regem et Rigenses, ita tamen, ut Livones debitum tributum regi persolvant annuatim, vel Episcopus pro eis.

* Chron. Liv. c. XX, § 3: Post hoc indignati Rutheni de Plescekowe contra Ungannenses eo quod baptismum Latinorum acceperunt, et suum, id est Graecorum, contempserunt, bellumque eis comminantes, censum ac tributum ab eis exegerunt, etc.

Вотъ и доказательство православія въ Остзейскомъ краѣ прежде католичества, не только протестантства!

переходили изъ рукъ въ руки со всѣми своими привилегіями. Рыцари отняли, наконецъ, всю землю у духовенства, не посмотрѣвъ ни на какіе договоры, условія, акты, буллы, не посмотря и на свое недавнее подданство. Но и имъ часто приходилось плохо: они вскорѣ принуждены были подчиниться на нѣсколько времени сосѣднему Нѣмецкому ордену, владѣвшему въ Пруссіи.

Сколько перемѣнъ, одна за другою, слѣдовали въ судьбахъ и управленіи Остзейскаго края впродолженіи этихъ перипетій!

Очнулась, наконецъ, и Россія, которая свергла, между тѣмъ, Монгольское иго. При первомъ столкновеніи изъ-за Исковскихъ споровъ, Москва, считавшая ихъ уже своими, напомнила Нѣмцамъ о подданствѣ Балтійскаго поморья русскимъ государямъ. Началась продолжительная война. Въ 1499 году Іоаннъ III велѣлъ построить крѣпость Ивангородъ противъ Нарвы, къ величайшему безпокойству Нѣмцовъ. Это былъ первый часовой, поставленный наблюдать до времени за древнею Русскою областью.

По заключенному, въ 1503 году, перемирію, «епископъ Дерптскій обязался, за ручательствомъ магистра, платить намъ *старинную поголовную подать*, потому что земля и городъ его, основанный

Ярославомъ, считались древнею собственностью Россіи. При обнародованіи этого условія въ Псковѣ стрѣляли изъ пушекъ и звонили въ колокола».*

Въ 1509 году, при возобновленіи перемирія, магистръ обязался *блюсти Русскія православныя церкви* въ Ливоніи.

(Замѣтимъ, что въ грамотѣ на имя Великаго князя Василья Іоанновича давался ему титулъ императора.)

Въ 1534 году, во время малолѣтства Іоанна Грознаго. магистръ, преемникъ Плеттенберговъ, и Рижской архіепископъ, отъ имени всѣхъ меченосцевъ или рыцарей. *нѣмецкихъ бояръ* и ратмановъ Ливоніи, убѣдительно молилъ великаго князя о дружбѣ и покровительствѣ. Положено было, между прочимъ, «чтобъ не казнить Россіянъ въ Ливоніи, ни Ливонцовъ въ Россіи безъ вѣдома ихъ правительствъ, чтобъ Нѣмцы *берегли* церкви и жилища Русскія въ своихъ городахъ. Въ окончаніи договора сказано: а кто преступитъ клятву, на того Богъ и клятва, морь, гладъ, огонь и мечь.»**

---

* Карамзина Исторія Государства Россійскаго, т. VI, с. 323. Въ отклоненіе всякихъ подозрѣній мы извлекаемъ обобруженіе сношеній съ Ливоніею изъ сочиненія нашего славнаго историографа, котораго никто не смѣетъ обвинять въ пристрастіи.

** Тамъ же, т. VIII, с. 33.

Нѣмцы униженно просили равноправности въ 1733 году съ Русскими, а теперь, въ 1869 году, мы просимъ ихъ объ этомъ, хотъ и считаемся ихъ господами. Вотъ какъ времена перемѣнились, и надо признаться, къ стыду нашему!

По истеченіи срока, въ 1538 году, послы магистра, архієпископа и епископовъ, молили возобновить перемиріе еще на 15 лѣтъ. Правительство Русское соглашалось, съ условіемъ, чтобъ область Юрьевская, т. е. Дерптская, платила ему *ежегодно искони-установленную дань*. «Нѣмцы изъявили удивленіе: имъ показали Плеттенбергову договорную грамоту, писанную въ 1503 году, гдѣ именно упоминалось объ этой дани, забытой въ теченіи пятидесяти лѣтъ. Ихъ возраженій не слушали. Именемъ государевымъ Адашевъ сказалъ: или такъ, или нѣтъ вамъ перемирія...! Они уступили, и Дерптъ обязался грамотою, за ручательствомъ магистра, не только впредь давать намъ ежегодно по нѣмецкой маркѣ съ каждаго человѣка въ его области, но и за мишувшія 50 лѣтъ представить въ три года всю недоимку.»

«Магистръ клялся не быть въ союзѣ съ королемъ польскимъ, и возстановить наши древнія церкви, вмѣстѣ съ католическими опустошенныя фанатиками

новаго лютеранскаго исповѣданія въ Дерптѣ, Ревелѣ и Ригѣ, за что еще отецъ Іоанновъ грозилъ местию Ливонцамъ, сказавъ: Я не папа и не императоръ, которые не умѣютъ защитить храмовъ» *.

Это все представилъ Карамзинъ по подлиннымъ нѣмецкимъ документамъ.

Неужели теперь мы не сѣумѣемъ и не сможемъ сдѣлать то, что предки наши дѣлали и считали своею обязанностью дѣлать, въ отношеніи православной вѣры, за 300 лѣтъ?

«Епископъ, бургомистръ и совѣтники ихъ,» продолжаетъ Карамзинъ, «ужаснулись быть данниками Россіи,» (точно какъ вы, г. Ширренъ!) «Тогда епископскій канцлеръ, тонкій политикъ, предложилъ совѣту обмануть Іоанна: Царь силенъ оружіемъ, а не хитръ умомъ, сказалъ онъ.—Чтобъ не раздражать его, утвердимъ договоръ, но объявимъ, что не можемъ вступить ни въ какое обязательство безъ согласія императора Римскаго, нашего законнаго покровителя; отнесемъ къ нему, *будемъ ждать, медлить — а тамъ что Богъ дастъ!* Это мнѣніе одержало верхъ: присягнули и возвратили грамоту послу Іоан-

---

* Тамъ-же, с. 258.

нову, съ оговоркою, что она не имѣетъ полной силы, безъ утверждения императорскаго. Царю моему нѣтъ дѣла до императора—сказалъ посолъ — дайте мнѣ только бумагу, дадите и серебро. Ведѣвъ дѣяку завернуть трамоту въ шолковую ткань, онъ примолвилъ съ усмѣшкою: береги, это важная вещь. Терцигоревъ донесъ государю, что обрядъ исполненъ, но что Нѣмцы замышляютъ обманъ».

Терцигоревъ, видно, былъ попроницательнѣе нѣкоторыхъ изъ нашихъ генераль-губернаторовъ!

Юаннъ началъ писаться государемъ Ливонской земли, какъ значится въ письмѣ къ Англійскому королю Эдуарду III, отъ февраля 1351 г., помѣщенному въ сборникѣ Гаклюйта.

«Въ февралѣ 1357 г. снова явился въ Москвѣ послы магистровы и Дерптскаго епископа. Узнавъ, что они прѣѣхали не съ деньгами, а съ пустыми словами, царь велѣлъ имъ ѣхать назадъ съ отвѣтомъ: Вы свободно и клятвенно обязались платить намъ дань. Дѣло рѣшено. Если не хотите исполнить обѣта, то мы найдемъ способъ взять все».

«Онъ запретилъ купцамъ Новгородскимъ и Псковскимъ ѣздить въ Ливонію, объявивъ, что

---

* Тамъ-же, с. 259.

Нѣмцы могутъ торговать у насъ спокойно; послалъ околичнаго, князя Шастунова, заложить городъ съ пристанью въ самомъ устьѣ Наровы, желая имѣть моремъ вѣрное, безопасное сообщеніе съ Германіей, и началъ готовиться къ войнѣ, которая, по вѣрнѣмъ вѣроятностямъ, обѣщала намъ «дешевые успѣхи и легкое завоеваніе».

Вотъ какимъ образомъ описываетъ Карамзинъ тогдашнее положеніе Ливоніи:

«...Орденъ, лишенный опоры Нѣмецкаго, предѣлся еще слабѣе, и пятидесятилѣтній миръ обогативъ землю, умноживъ пріятности жизни, роскошь, пѣгу, совершенно отучилъ рыцарей отъ суровой воинской дѣятельности: они въ великолѣпныхъ замкахъ своихъ жили единственно для чувственныхъ наслажденій и низкихъ страстей; (какъ уверяютъ современные лѣтописцы,) жили, веселились, забывъ древнее происхожденіе ихъ братства, вину и цѣль онаго; гнушались не пороками, а скудостью; безстыдно нарушая святыя уставы нравственности, стыдились только уступать другъ другу въ пышности, не имѣть драгоценныхъ одеждъ, множества слугъ, богато убранныхъ коней и прекрасныхъ любовницъ. Тунеядство, пиры, охота, были глав-

лымъ дѣломъ знатныхъ людей въ семь, по выраженію историка, *земномъ раю*: а какъ жили орденскіе, духовные сановники, такъ и дворяне свѣтскіе, и купцы, и мѣщане въ своемъ избыткѣ; одни земледѣльцы трудились въ потѣ лица, обременяемые налогами алчнаго корыстолюбія, но отличались не лучшими нравами, а грубѣйшими пороками въ безмыслии невѣжества и въ гибельной заразѣ пьянства. Многосложное, раздѣленное правительство было слабо до крайности: пять епископовъ, магистръ, орденскій маршалъ, восемь командоровъ и восемь фохтовъ владѣли землею; каждый имѣлъ свои города, волости, уставы и права, каждый думалъ о частныхъ выгодахъ, мало заботясь о пользѣ общей. Введеніе лютеранскаго исповѣданія, принятаго городами, свѣтскимъ дворянствомъ, даже многими рыцарями, еще болѣе замѣшало Ливонію: волнуемый усердіемъ къ новой вѣрѣ, народъ мятежничалъ, опустошалъ латинскія церкви, монастыри; властители, отчасти за вѣру, отчасти за корысть, возставали другъ на друга. Такъ, преемникъ магистра фон-Галена, Фирстенбергъ, свергнулъ и заключилъ архіепископа Рижскаго, маркграфа Вильгельма, (послѣ освобожденнаго угрозами короля Августа). Для храненія самой внутренней тишины, нанимая

воиновъ въ Германіи, миролюбивый орденъ не думалъ о способахъ противиться сильному врагу виѣшнему; не имѣя собственной рати, не имѣлъ и денегъ: магистры, сановники богатѣли, а казна скудѣла, изводимая для ихъ удовольствія и пышности; они считали достояніе орденское своимъ, а свое не орденскимъ»

«Всякое бореніе слабого съ сильнымъ», разсуждаетъ безпристрастный Карамзинъ, «возбуждая въ сердцахъ естественную жалость, склоняетъ насъ искать справедливости на сторонѣ перваго; но и Россійскіе, и Ливонскіе историки, винятъ орденъ въ томъ, что онъ, своимъ *явнымъ недоброжелательствомъ, коварствомъ, обманами*, раздражилъ Іоанна, дѣйствуя по извинительному чувству нелюбви къ сосѣду опасному, но дѣйствуя неблагоразумно. Истинная политика вѣдѣть быть другомъ, ежели нѣтъ силъ быть врагомъ; прямодушіе можетъ иногда усовѣстить и властолюбца, отнимая у него предметъ законной мести: потому что не легко наглымъ образомъ топтать уставы нравственности, и самая коварная или дерзкая политика должна закрываться ея личиною. Іоаннъ, начиная войну Ливонскую, могъ тайно дѣйствовать по властолюбію, рождаемому или

---

* Тамъ-же, с. 230.

питаемому блестящими успѣхами; однакожь, могъ искренно увѣрять себя и другихъ въ своей справедливости, обязаный этою выгодною лудому разсчоту Ливонскихъ властителей, которые, зная физическую силу Россіянъ, *надлялись ихъ проводить хитростью, посольствами, учтивыми словами, льстивыми обещаніями*, и навлекли на себя ужасное двадцатипятилѣтнее бѣдствіе, въ которомъ, среди развалинь и могилъ, палъ ветхій орденъ, какъ утлое дерево»

Возвратимся къ описанію войны.

«Свѣдавъ о нашемъ вооруженіи, магистръ Фирстенбергъ и Дерптскій епископъ требовали отъ царя опасной грамоты для проѣзда въ Москву ихъ новымъ посламъ... Они приѣхали съ богатыми дарами и краснорѣчіемъ. Іоаннъ не хотѣлъ ни того, ня другаго. Алексѣй Адашевъ и дьякъ Иванъ Михайловъ, указывая имъ на договорную хартію, требовали дани. Согласились, наконецъ, чтобъ Дерптъ, вмѣсто поголовной, ежегодно присылалъ намъ тысячу венгерскихъ золотыхъ, а Ливонія заплатила *45,000 ефимковъ за воинскія издержки. Написали договоръ; оставалось исполнить его; но

---

* Тамъ-же, с. 265.

послы объявили, что съ ними нѣтъ денегъ. Тогда государь, какъ нишуть, пригласилъ ихъ обѣдать во дворцѣ, и велѣлъ подать имъ только *пустыя* блюда; они встали изъ-за стола голодные и поѣхали назадъ ни съ чѣмъ; а за ними войско наше, среди холодной, снѣжной зимы, 22-го января, съ огнемъ и мечемъ вступило въ Ливонію»

Не правда ли, читатели, что наши варварскіе предки были себѣ на-умѣ и умѣли лучше нашего справляться съ своими врагами, не только оружіемъ, но и мирными средствами?

Что касается войны Іоанна, мы ждемъ безпристрастнаго описанія отъ васъ, г. Ширренъ, и заранее скажемъ, что не будемъ защищать нашихъ предковъ во всемъ, что, по справедливости, подвергается осужденію, тѣмъ болѣе, что ваши не уступятъ имъ ни въ чемъ,—и, вмѣстѣ, мы воздадимъ честь подвигамъ вашихъ предковъ. Смѣю напомнить здѣсь кстати, что я самъ, съ чувствомъ особеннаго почтенія, сохранилъ надгробный камень, найденный покойнымъ Калайдовичемъ, славнаго бургомистра Бея, который скончался въ Московскомъ плѣну **

---

* Тамъ-же, с. 266.

** Гдѣ находится теперь этотъ камень?

Русское войско осадило Нарву, и Нѣмцы въ ужасѣ, забывъ гордость, требовали пощады, дали заложниковъ и послали въ Москву депутатовъ. «Спросили, чего хотятъ они. Быть, какъ были, не перемѣнять нашихъ законовъ: остаться городомъ Ливонскимъ; удовлетворить всѣмъ инымъ требованіямъ царя милостиваго.

Точь въ точь, какъ говорили и говорятъ Нѣмцы въ наше время, но не точь въ точь съ нынѣшними отвѣтами отвѣчали наши старики: «Нѣтъ, сказалъ Адашевъ, мы не смѣемъ донести ему о такихъ условіяхъ... Царю угодно, чтобъ вы немедленно прислали въ Москву своего орденскаго властителя (фохта Шнейенберга), и сдали намъ городъ: однимъ словомъ, (царю угодно) владѣть Нарвою, какъ *владѣли ею сановники орденскіе*. Такъ и не иначе. Депутаты, заплакавъ, присягнули Россіи за себя и за всѣхъ согражданъ; были представлены государю, и получили отъ него жалованную грамоту» **

Городъ былъ взятъ. «Архіепископъ Новгородскій долженъ былъ немедленно отправить туда архимандрита Юрьевского и Софійскаго протоіерея, чтобъ освятить мѣсто во имя Спасителя; крестнымъ

---

* Тамъ-же, с. 260

** Тамъ-же, с. 271.

ходомъ и молебнами, *очистить отъ вѣры латынско-ю и лютеровой*, соорудить церковь въ замкѣ, другую въ городѣ, и поставить въ ней ту икону Богоматери, отъ коей загорѣлась Нарва, (что содѣйствовало ея взятію), и которую нашли цѣлою въ пеплѣ»

Краснѣя за наше время, привожу я эти мѣста; мы должны стыдиться нашихъ предковъ, съ такою ревностію оберегавшихъ свое вѣроисповѣданіе, старавшихся объ его распространеніи, объ его силѣ и славѣ,—а мы до сихъ поръ оставляемъ тамъ русскія церкви въ нищетѣ и униженіи, боясь долго даже прикоснуться къ нему, чтобъ не поднасть подозрѣнію въ пропагандѣ, то есть въ усердіи!!

Новымъ посламъ Ливонскимъ, которые обѣщали платить дань на будущее время, и просили простить ее за прошедшее, государь отвѣчалъ чрезъ Адашева, послѣ упрековъ въ вѣроломствѣ:

«Пусть магистръ, архіепископъ Рижскій, епископъ Дерптскій, лично ударятъ мнѣ челомъ, заплатятъ дань *со всей Ливоніи*, и впредь повинуются мнѣ, какъ цари Казанскіе, Астраханскіе и другіе знаменитые владѣтели, или я силою возьму Ливонію» **

* Тамъ-же, с. 266.

** Тамъ-же, с. 374.

Города Ливонскіе покорялись побѣдителямъ одинъ за другимъ безъ всякихъ условій.

Явились, наконецъ, ходатаи за Ливонію. Фридрихъ II, король Датскій, убѣдительно просилъ, чтобъ Іоаннъ не тревожилъ Эстоніи, издревле области Датской, только на время порученной магистру, и даровалъ миръ самому ордену.

Русское правительство съумѣло отвѣчать сообразно ходатаю. Адашевъ, именемъ царя, сказалъ: ... «Удивляемся, что онъ находитъ Датскія владѣнія въ той землѣ, которая уже *шестьсотъ лѣтъ принадлежитъ Россіи*. Великій князь Георгій Владиміровичъ, именуемый Ярославомъ, завоевалъ Ливонію, основалъ городъ Юрьевъ, построилъ тамъ церкви греческія, обложилъ всю землю данью, и съ того времени она не бывала достояніемъ иныхъ государей. Знаю, что ея жители безъ вѣдома Россіи взяли-было къ себѣ двухъ королевичей датскихъ; но прѣдки мои казнили ихъ за сію вину огнемъ и мечомъ, а королевичей выслали; казнили и вторично, свѣдавъ, что Ливонцы тайно признали надъ собою мнимую власть римскаго цесаря. Если Фридерикъ не знаетъ сего, то мы велѣмъ явить вамъ древніе договоры ордена съ намѣстниками

новгородскими; и тайте и разумѣте истину сказаннаго нами. Быдо время, когда мы, сиротствуя въ младенчествѣ, не могли защитить правъ своихъ: враги, ликоваяди, дѣлаиди, губили Россію. Тогда и магистръ и епископы Ливонскіе не захотѣли платити намъ дань; брали сепсь земельныицевъ, съ городовъ, но для себя. И такъ да не вступается Фридерикъ въ Естонию. Его земля Дании и Норвегія, а дружина не имаетъ вѣрѣи и кротости.

«А чѣмъ что отвѣтали мы другому ходатаю, польскому королю Сигизмунду Августу:

«Не только Богу и всѣмъ государямъ, но и самому народу извѣстно, кому принадлежитъ Ливонія. Она, съ вѣдома и согласія нашего избирая себѣ нѣмецкихъ магистровъ и мужей духовныхъ, всегда платила дань Россіи. Твои требованія смѣшны и непристойны. Знаю, что магистръ ѣздилъ въ Литву и незаконно отдалъ тебѣ нѣкоторыя крѣпости: если хочешь мира, то выведи оттуда всѣхъ своихъ начальниковъ, и не вступайся за измѣнниковъ, коихъ судьба должна зависѣть отъ милосердія» **

---

* Тамъ-же, с. 291.

** Тамъ-же, е. 302.

Въ крайности, Кетлеръ, послѣдній магистръ, предался Польшѣ, и владѣнія Ордена раздѣлились между имъ, Польшею, Швеціей и Даніей. Курляндія, какъ наслѣдственное герцогство, предоставлена магистру. Часть, завоеванная Россіей, отошла отъ нея вслѣдствіе новой войны, начатой за Ливонію польскимъ королемъ Стефаномъ Баторіемъ, и возвращеніе Ливоніи отложилось на сто слишкомъ лѣтъ, до времени императора Петра Великаго. Петръ Великій, начавъ войну со Швеціей неудачно, подъ Нарвою, кончилъ рѣшительной побѣдой подъ Полтавою, и возвратилъ Россіи Балтійское поморье. Обращаемся къ этому времени.

III.

Вы ссылаетесь на капитуляцію, подписанную фельдмаршаломъ Шереметевымъ, и принятую императоромъ Петромъ I, и думаете утверждаться на ней, какъ на незыблемомъ своемъ основаніи.

Поговоримъ о ней сперва вобщемъ.

Развѣ возможно, позвольте васъ спросить, даже физически, остановиться на этой точкѣ вашего замерзанія? Всякое государство въ мірѣ подчиняется своимъ законамъ развитія, и проходитъ разныя его степени. При естественномъ порядкѣ вещей, оно не можетъ, не исключая самого Китая, оставаться въ одномъ положеніи, какъ въ цѣломъ, такъ и въ частяхъ. Случилась революція во Франціи: она уничтожила не только всѣ особыя привилегіи провинцій, но и все свое общее законоположеніе.

Можно ли было отъ нея требовать, чтобъ она въ этомъ общемъ переворотѣ сохранила феодальныя преимущества Альзаса или Лотарингii?

Продолжаю примѣры:

Разныя владѣнія пользовались пошлиною на Рейнѣ, и должны были отказаться отъ нея, когда вся рѣка объявлена свободною.

Наполеонъ III съ знаменитыми юристами Франціи, нашолъ законнымъ секвестровать имѣнія Орлеанской фамиліи, находя ихъ владѣнія несомвѣстными съ безопасностью и пользою Французскаго государства.

Императрица Екатерина дала грамоту росіійскому дворянству за себя и за своихъ потомковъ; но эта грамота, въ силу обстоятельствъ, должна была въ наше время измѣниться сама собою.

Ливонія нѣсколько разъ переходила изъ рукъ въ руки и никогда не оставалась въ одномъ своемъ положеніи. Всѣ владѣтели ея, чрезъ короткое время по присоединеніи, видѣли невозможность, по своимъ обстоятельствамъ, оставить ее *in statu quo* и вводили перемѣны въ ея управленіи. Такъ поступали и Шведы и Поляки, при самыхъ лучшихъ и умѣйшихъ своихъ государяхъ, по собственнымъ вашимъ показаніямъ.

Такъ тотчасъ увидѣла и императрица Екатерина, указала разныя преобразованія, о которыхъ вы отзываетесь такъ глухо, спѣша, не къ чести своей, какъ бы во избѣжаніе уликъ, обратиться къ императору Павлу.

Да вы сами, то есть рыцари, развѣ оставили землю въ томъ положеніи, какъ она была у епископовъ?

Передъ нашими глазами въ самой Германіи совершаются событія, которыя вполне противорѣчатъ притязаніямъ вашимъ, господинъ Ширренъ. Не лишена ли Саксонія верховнаго права надъ своимъ войскомъ, хотя она есть и независимое государство—свой братъ, не такъ, какъ Остзейскія губерніи, перемѣнившія пятерыхъ господъ? А Ганноверъ, а Гессенъ, а Нассау, потеряли не только то или другое право, но самую независимость. Такъ требуютъ обстоятельства. Пруссія нашла нужнымъ присоединить ихъ къ себѣ безъ всякихъ околичностей, (что, вѣроятно, вы одобряете!?), и ввела тамъ вездѣ свое законоположеніе, а вы хотите, чтобъ мы только, владѣя уже вами по всеѣмъ правамъ, не осмѣливались прикасаться къ вашему средневѣковому устройству, вредному для подданныхъ имперіи, въ наше время.

Да еслибъ вы были до сихъ поръ свободны и независимы, то мы теперь должны бы покорить

вась съ большимъ правомъ, чѣмъ Пруссія покоряла Ганноверъ, Гессенъ, Нассау, и вольной городъ Франкфуртъ.

Скажите, какое независимое, самостоятельное государство въ Европѣ сохранилось въ такомъ положеніи, въ какомъ было въ 1710 году? Вы хотите, чтобъ только мы Русскіе, побѣдители, работали, терпѣли, страдали и берегли покоренную провинцію подъ стекляннѣмъ колпакомъ, дабы ея рыцари спокойно могли пользоваться феодалными похищеніями. Въ такомъ случаѣ выгоднѣе быть побѣжденнымъ, чѣмъ побѣдителемъ.

— Новые обстоятельства испоконъ вѣка измѣняютъ статьи договоровъ даже между равноправными, независимыми сторонами.

Россія присоединила Остзейскія губерніи, когда имѣла 10 милліоновъ жителей, и претендала за самое свое существованіе. Какъ же вы хотите, чтобъ она, имѣя теперь 80 милліоновъ, относилась къ нимъ по прежнему? Мы брались вась защищать съ десятью милліонами, а теперь насъ 80 милліоновъ! Еслибъ Россія окончила, равно какъ и Лифляндія, то условія, разумѣется, должны бы были сохранены, но этого не было: слѣдовательно,

всякая перемѣна въ цѣломъ должна физически производить перемѣну и въ частяхъ, несмотря ни на какіе трактаты и граматы.

Да, Россія при Александрѣ II не то, что при Петрѣ I. Русскій Государь предпринимаетъ коренныя преобразованія внутри своего государства — а въ покоренной за 150 лѣтъ провинціи дѣла должны оставаться въ томъ положеніи, какъ онѣ были въ минуту покоренія, и какъ по тогдашнимъ обстоятельствамъ были допущены! Александръ произнесъ великое слово свободы, и съ 50 милліоновъ крѣпостныхъ крестьянъ спали мгновенно цѣпи рабства: какимъ же образомъ вы, профессоръ исторіи, можете питать богохульное желаніе, чтобъ эти цѣпи оставались на тѣхъ несчастныхъ рабахъ, которыхъ кровью и потомъ питалось впродолженіи семи вами славимыхъ вѣковъ благородное нѣмецкое рыцарство, отнявшее ихъ у епископовъ? Вы скажете, что крестьяне у васъ свободны. Нѣтъ, не свободны, потому что личная свобода безъ земли хуже всякаго рабства, что отлично и доказано настоящимъ положеніемъ Остзейскаго края. Никакой договоръ, подписанный фельдмаршаломъ Шереметевымъ, не въ силахъ лишить Остзейскія губерніи Божьихъ благодѣяній, на востокъ Европы ниспосылаемыхъ

руками нашего Освободителя. Какъ могутъ онѣ остаться въ положеніи 1710 года, и не подчиниться всѣмъ требованіямъ времени, требованіямъ въ высшей степени законнымъ и человѣчнымъ? Что можетъ сказать русское правительство этимъ несчастливѣйшимъ изъ своихъ подданныхъ, которые не принимали, замѣтимъ кстати, *никакою участія* въ договорахъ фельдмаршала Шереметева, и вѣряютъ теперь безусловно свою судьбу великодушнѣйшему Царю-Освободителю? Русское дворянство принесло свою жертву, грузинское принесло свою жертву, наконецъ, теперь и польское *bon-gré mal-gré* подѣлилось землею съ поселенцами. Что же они подумаютъ или скажутъ, если только нѣмецкое будетъ спокойно пользоваться крѣпостнымъ правомъ? Повторяю, я былъ увѣренъ, * что нѣмецкіе помѣщики, понявъ требованія времени, предупредятъ всѣ распоряженія правительства и устроятъ дѣло лучше нашего—но, къ сожалѣнію, ошибся.

Освобожденіемъ и надѣломъ крестьянъ землею варварская, по западнымъ убѣжденіямъ, Россія подала примѣръ и образчикъ всей просвѣщенной Европѣ, и обязанность всѣхъ друзей добра, въ

---

* См. выше, с. 8.

особенности служителей исторіи, призывать ее къ этому соціальному великому преобразованію—а вы ссылаетесь на свои 900 листовъ сгорѣвшихъ дигестовъ! Въ нашемъ вотчинномъ департаментѣ есть ихъ девять милліоновъ, но они остаются тамъ только для справокъ, а права, на нихъ написанныя, наше дворянство прпрнесло на алтарь отечества. Да во всѣхъ нѣмецкихъ городахъ, императорскихъ и королевскихъ, вольныхъ и невольныхъ, вплоть до Франкфурта и Кракова, сколько осталось изъ прежнихъ ихъ привилегій? А вѣдь, вѣрно, у каждаго города было ихъ написано не на 900 листахъ а на 9,000, или болѣе! Вы хотите, чтобъ мы только сберегали эту ветошь вамъ на здоровье, Ливамъ, Эстамъ и Курамъ на медленную смерть! Вы хотите остаться *status in statu*, застрахованные, привилегированные, патентованные, да еще съ преміями, смотря на насъ свысока, съ презрѣніемъ, и называя себя съ гордостью нѣмецкою провинціею, а не русскою губерніею! *Wir stehen noch heute so, wie wir zum Reiche kamen: die Stirn nach Osten.* *

---

* Мы стоимъ теперь такъ, какъ пришли къ государству, (соединились съ государствомъ): лицомъ къ Востоку! (с. 194).

Замѣчаете ли вы, въ какомъ смѣшномъ противорѣчїи вы находитесь съ здравымъ смысломъ? Желая быть отдѣльною провинціей, предъявляя совершенную во всемъ противоположность съ Россїею, вѣдь вы можете имѣть интересы не только несогласные съ нами, но положительно для насъ вредные и опасные, и мы должны имъ покровительствовать по трактату 1710 года!! Съ чѣмъ это сообразно? Побойтесь Бога, господинъ профессоръ!

И такъ, положенія вещей 1710 года въ Остзейскихъ губерніяхъ никакимъ образомъ оставить нельзя.

Посмотримъ на вопросъ теперь съ другой стороны.

Благосостояніе Остзейскихъ провинцій впродолженіи 150 лѣтъ, вслѣдствіе усиленія Россїи, увеличилось или нѣтъ? При императрицѣ Екатеринѣ, при Александрѣ I, при Николаѣ, получилъ ли Остзейскій край болѣе выгодъ, чѣмъ во время Шведской войны, опустошаемый врагами со всѣхъ сторонъ?

Проведя желѣзную дорогу отъ Динабурга къ Ригѣ, и отъ Орла къ Динабургу, русское правительство обезпечивало проценты или ваше нѣмецкое братство? Кто приплачиваетъ теперь за васъ ежегодно? Что же—Россія дѣйствуетъ такъ по обязанностямъ, принятымъ въ трактатѣ фельдмаршала Шереметева?

И всѣ эти благодѣянiя вы хотите получать даромъ, безъ всякихъ съ вашей стороны пожертвованiй, пользуясь услугами восьмидесяти миллюновъ народа, не позволяя Русскимъ имѣть даже тѣ права, какiя вы имѣете у насъ на пространствѣ пятнадцати тысячъ верстъ въ длину и семи тысячъ верстъ въ ширину? И вы ссылаетесь на трактатъ фельд-маршала Шереметева, господинъ профессоръ!

Вы приписываете великое значенiе вашей капитуляци. Но позвольте васъ спросить: развѣ она была добровольною? Развѣ вы были въ такихъ обстоятельствахъ, что для васъ былъ возможенъ выборъ? Развѣ вы сдѣлали какiя-нибудь пожертвованiя? Развѣ вы принесли себя въ даръ русскому правительству, которое не могло имѣть никакихъ средствъ взять васъ иначе, безъ дальнихъ разговоровъ? Развѣ вы могли сказать: нѣтъ, мы не хотимъ сдаваться? Да вѣдь стоило употребить немного лишняго пороха, — вы соглашаетесь сами, — чтобы принудить васъ къ сдачѣ! За что же было покупать вашу уступчивость, чисто формальную, дорогою цѣною на вѣки вѣчныя! И потому напрасно говорите вы о своихъ предкахъ, что они сотворили право, которое безъ нихъ не имѣло значенiя: *Sie schufen das Recht,*

welches ohne sie nicht bestand (с. 159) * Такому хвастовству нельзя не посмѣяться: вы уступали необходимости, вы спасали себя, вамъ дѣлать больше было нечего!

Я понимаю условія, на которыхъ Техась, Мексика или Канада, могутъ входить въ составъ Соединенныхъ Штатовъ Америки; но какого рода условія могъ предлагать лоскутокъ земли, переходившій изъ рукъ въ руки въ продолженіи столѣтій, и никогда не пользовавшійся независимостью и самостоятельностью!

Вы предались *de facto*, но *de jure* вы, все-таки, принадлежали Швеціи, которая, по Ништатскому миру, принуждена была уступить васъ Россіи. Неужели Шведы рѣшились заключить Ништатскій миръ потому только, что Рига и Ревель сдались Русскимъ за нѣсколько лѣтъ до времени его заключенія? Такъ точно и мы не предъявили никакихъ правъ Шведамъ, и ни на какія сдачи не ссылались: война шла своимъ порядкомъ, и кончилась, какъ всѣ, уступками отъ побѣжденной стороны.

Въ 1604 году по договору съ Польшею Петръ I обязывался «всѣ города и крѣпости въ Лифляндскомъ

---

* Они сотворили право, которое безъ нихъ было несостоятельнымъ.

княжествѣ, покоренныя побѣдоноснымъ Русскимъ оружіемъ, *уступить Рѣчи Посполитой*, какъ древнюю собственность ея, безъ всякаго вознагражденія».

Въ Октябрѣ 1709 года, Августъ II, при личномъ свиданіи съ Петромъ въ Торнѣ, *отказался* отъ всякаго притязанія Рѣчи Посполитой на Лифляндію.

Что же вы суетесь съ своими капитуляціями: Польша, Швеція, Россія, во всѣхъ своихъ сношеніяхъ, толковали объ васъ какъ о принадлежащей имъ области, безъ всякаго совѣщанія съ вами, и дѣлали съ вами, что хотѣли, сообразно съ своими обстоятельствами.

Позвольте напомнить вамъ статью Ништалскаго мира: § 9. Его царское величество обѣщаетъ притомъ, что всѣ жители... города и магистраты, при нихъ подѣ Свѣйскимъ правленіемъ имѣвшихъ привелегіяхъ, обыкновеніяхъ, правахъ и справедливостяхъ, постоянно и непоколебимо содержаны и защищены будутъ.

§ 4... Какъ оными корона Свѣйская владѣла, пользовалася и употребляла.

А какъ корона Свѣйская владѣла, пользовалась вами, и употребляла васъ? Вотъ что говорите вы сами

---

* Исторія Императ. Петра I, соч. Устрялова, т IV, ч. 1, с. 351.

Die schwedische Periode beginnt mit der Restauration; die polnischen Krystallisationen lösen sich auf; für ein Jahrzehent tritt politisches Stilleben ein, und weicht dann der Regsamkeit, welche sich von oben entfaltet. Im Einklange mit Bedürfnissen und Traditionen des Landes vollziehen sich die schwedischen Reformen im Ganzen ohne Hemmniss, und schlagen, fast zwey Menschenalter hindurch, eine nach der andern, tiefgehende Wurzeln. Die Provinz blüht auf, und von ihren Früchten erntet das Reich. Als aber die schwedische Reform ihrerseits zum dem wird, was die polnische von Anfang an gewesen war, zur Revolution; als sie ihr eigenes Werk zu zerstören unternimmt, und einen völlig neuen Rechtszustand zu schaffen trachtet, da bricht die zweite, grosse Katastrophe seit Beginn der Fremdherrschaften ein, und Russland übernimmt das von Schweden verspielte Erbe. *

---

* С. 182. Шведскій періодъ починається возстановленіємъ; польскія кристаллизаціи уничтожаються; на десять лѣтъ водворяется политическое упокоеніе, и потомъ уступаетъ возбужденности, которая происходитъ сверху. Въ согласіи съ потребностями и преданіями страны, совершаются шведскія преобразованія безъ препятствія, и пускають въ продолженіи почти двухъ поколѣній, одно за другимъ, глубокіе корни. Провинція цвѣтетъ, и плоды ея пожинаетъ государство. Но когда *шведское преобразование, съ своей стороны, дѣлается тѣмъ, чѣмъ было сначала польское, революціею* (переворотомъ), когда оно *вознамыривается разрушить свое собственное дѣло, и думаетъ сотворить новое право*, тогда наступаетъ вторая великая катастрофа отъ начала чуждыхъ владычествъ, и Россія получаетъ проигранное Швеціею наслѣдство.

Вотъ въ какомъ положеніи, по собственнымъ вашимъ словамъ, господинъ Ширренъ, оставлены вы Швеціей!

Это говорите вы сами, а вотъ что говорилъ, за шестьдесятъ лѣтъ, государственный мужъ Екатерининскаго времени, Дмитрій Прокофьевичъ Трощинскій, въ запискѣ своей для Императора Александра I, сочиненной въ 1810 году, и напечатанной нынѣ въ Сборникѣ Русскаго историческаго общества:

«Въ Оливскомъ трактатѣ, заключенномъ 23 Апрѣля 660 года, Польша окончательно уступила Лифляндію Швеціи. Въ трактатѣ ничего не постановлено въ пользу привилегіи, что весьма легко усмотрѣть изъ самаго документа, хотя дворянство лифляндское предполагало всегда, что трактатомъ симъ привилегіи его подтверждаются.» *

«Въ 1661 году и Россія заключила въ Кардисѣ миръ съ Швеціею, вслѣдствіе котораго часть Лифляндіи, занимавшаяся русскими войсками, сдана Швеціи. Во все продолженіе занятія Лифляндіи Русскими она управлялась по російскимъ формамъ,

---

* Шуфендорфъ, Исторія Карла Густава, приложенія, стр. 39, и послѣдующія.

и только по выходѣ Русскихъ изъ Дерпта, возстановленъ паки гофгерихтъ, и возстановлены прочія правительственныя шведскія власти.» *

«Непосредственно по заключеніи Оливскаго мира, на мѣсто Дугласа, которымъ дворянство весьма было недовольно, сдѣланъ генераль-губернаторъ Оксенштіерна. Новый генераль-губернаторъ ознаменовалъ прибытіе свое въ Лифляндію объявленіемъ отъ имени шведскаго правительства, чтобы ландраты не назывались впредь *отцами отечества и поборниками правды.*»

«Король Карль XI-й, усматривая, что Тевтоническое дворянство чрезъ посредство своихъ ландратовъ усиливалось овладѣть всѣми судами и всѣмъ управленіемъ, какъ гражданскимъ, такъ и духовнымъ, — что посредствомъ сего оно уничтожало права и привилегіи какъ всѣхъ классовъ, постороннихъ его сословію, такъ даже и помѣщиковъ, кои не происходили отъ древнихъ братьевъ, — рѣшился ввести въ управленіе и въ повинности феодалныхъ и аллодіальныхъ лифляндскихъ помѣстій шведскія правила и порядокъ. Въ силу опредѣленія генеральнаго сейма, бывшаго въ 1670 году въ Стокгольмѣ, онъ учредилъ нѣсколько комиссій, которыя, вслѣдствіе данныхъ имъ инструкцій, должны были:

1) Рассмотрѣть всѣ документы на владѣніе феодалными и аллодіальными помѣстьями, для обращенія въ казенное вѣдомство тѣхъ, кои незаконно были завлажены;

2) Повѣрить пространство и качество земель и число крестьянъ для опредѣленія обязанностей помѣщиковъ казнѣ;

3) Учредить повинности крестьянъ на помѣщиковъ, соразмѣрно пространству и качеству земель, находящихся у нихъ въ пользованіи.»

«Сколько дворянство ни возставало противъ сей ревизіи, яко несогласной съ его привилегіями, сколько ни ходатайствовало оно посредствомъ депутатовъ объ отмѣнѣ сего положенія, но всѣ усилія его остались безуспѣшны, и въ 1682 году король именно воспретилъ ссылаться на привилегіи, подъ опасеніемъ подвергнуться гнѣву его величества.»*

«Въ 1690 году Карлъ XI-й сократилъ число 12-ти ландратовъ до 6-ти, объявивъ, что они болѣе были ненужны, и вмѣстѣ съ тѣмъ приказалъ прислать въ Стокгольмъ собраніе всѣхъ древнихъ привилегій съ людьми свѣдущими и могущими въ случаѣ нужды

---

* Истерія Карла XI, 1680 года, Фрибе, томъ V, с. 37, 40, 46 и 60; и Пузендорфъ, Истерія Швеціи, кн. 8.

объяснить то, что показалось бы темнымъ. Въ 1691 году сіе собраніе привиллегій разсмотрѣно въ Королевской канцеляріи, и даже грамота Сигизмундова, которую потомки тевтоническихъ братьевъ почитаютъ своею первою грамотою, не была признана заслуживающею уваженія.»*

«Король формально изъявилъ депутатамъ, что онъ не намѣренъ чинить дворянству никакой обиды, но желаетъ только установить порядокъ въ дѣлахъ лифляндскихъ. Дворянство, видя, что древнія его привиллегіи не были признаваемы законными, въ собраніи сейма составило новую просьбу, включивъ въ оную между прочимъ, что оно въ противномъ случаѣ найдется вынужденнымъ оставить Лифляндію, и вмѣстѣ съ тѣмъ украдкою отъ генераль-губернатора составило для себя собственную свою конституцію. Не останавливаясь замѣчаніями генераль-губернатора на неправильность сего поступка, дворянство съѣхалось на новый сеймъ, и снова составило жалобу, подтверждавшую предъидущую его рѣшимость. По полученіи сей послѣдней жалобы, король приказалъ какъ ландратамъ, такъ и ландмаршалу предстать къ себѣ для принесенія оправданія. Какъ всѣ дѣйствія дворянства, такъ и

---

* Фрибе, томъ V, стр. 61 до 63.

поведеніе ландратовъ и ландмаршала, изслѣдованы были особою комиссією, которая приговорила ландратовъ къ смертной казни, но король смягчилъ сіе наказаніе шести-мѣсячнымъ заключеніемъ въ тюрьму».

«Указомъ 1694 года король изъявилъ, что ч^аходя равно нужнымъ, какъ для блага государственнаго, такъ и для блага самага дворянства, ввести новой порядокъ въ управленіе Лифляндію, онъ уничтожаетъ должность ландратовъ, которые въ 1643 году учреждены были только для вспомо^ществованія генераль-губернатору въ дѣлахъ, касавшихся до пользы казенной и частной, поелику они, мѣшаясь въ не принадлежація до нихъ дѣла, и уотребляя вліяніе свое на сеймахъ во зло, вовлекають дворянство въ непозволенные поступки, и усиливаясь воспользоваться самодержавною властію, принуждаютъ его величество къ употребленію мѣръ строгости, что вмѣстѣ съ званіемъ ландратскимъ уничтожаются и всѣ постановленія, касающіяся до должностей и преимуществъ ландратовъ.»

«Въ силу сего указа, дворянство долженствовало впредь не иначе собираться на сеймъ, какъ

Фрибе, томъ V, стр. 42, 73 до 75, и Пуффендорфъ, Исторія Швеціи, кн. 11.

по позыву генераль-губернатора. Повелѣно составить новую дворянскую книгу соотвѣтственно порядку, установленному въ Швеціи; ландмаршала и депутатов назначать самому генераль-губернатору. Дворянское собраніе долженствовало заниматься пріисканіемъ средствъ къ удобнѣйшему исполненію воли Государя, не мѣшаясь ни подъ какимъ предлогомъ въ дѣла частныя, и не пріемля никакихъ отъ частныхъ лицъ жалобъ, или прошеній. Веѣ дѣйствія и положенія сейма долженствовали вноситься въ протоколъ и подписываться всѣми помѣщиками, находящимися на лицо; по закрытіи сейма протоколъ отдавался генераль-губернатору, и должность ландмаршала пресѣкалась вмѣстѣ съ сеймомъ. Управленіе церквами, вмѣсто ландратовъ, поручено было по части духовной оберъ-консисторіи, а по части полицейской губернскому правленію, прочія же городскія консисторіи закрывались. Въ дѣлахъ духовныхъ и опекунскихъ вводились шведскія учрежденія. Вмѣсто ордунгсъ-рихтеровъ, избравшихся дворянствомъ, учреждены отъ короны крейсефохты. Наконецъ фискаламъ повелѣно наблюдать за точнымъ исполненіемъ сего учрежденія.»*

---

* Указъ короля Карла XI-го, Декабря 20-го дня, 1694 года.

«Съ сего времени Лифляндія управляема была однимъ только королемъ. Лифляндское дворянство тевтоническаго происхожденія не имѣло уже возможности дѣлать своихъ постановленій и давать имъ силу закона въ дѣлахъ судебныхъ. Всѣ вообще дворяне, духовенство, города и жители всѣхъ состояній вступили въ полное пользованіе своими правами и собственными каждому привилегіями, и никакихъ другихъ постановленій и учрежденій въ Лифляндіи не было, кромѣ напечатаннаго въ Стокгольмѣ свода, подъ именемъ *Ландесъ-Ордуниенъ* извѣстнаго.»

Въ семь положеній Лифляндія найдена Императоромъ Петромъ 1-мъ.»

До сихъ поръ записка Трощинскаго.

Вотъ въ какомъ положеніи⁰ достались вы намъ отъ Швеціи, господинъ Ширренъ. Чтоже вы морочите глаза, толкуя о своихъ привилегіяхъ, коихъ вы не имѣли, вступая подъ русское владычество!

Ясно-ли, что Ништатскимъ миромъ, заключеннымъ чрезъ 10 лѣтъ послѣ Шереметевской капитуляціи, Лифляндія поступила въ безусловное подданство русскаго государя?

Напрасно, господинъ Ширренъ, говорите вы и вообще: Ein Land, das durch Recht gebaut ist, kann sich nicht dem Instinct (?!) unterwerfen. *

Какимъ правомъ? Кто имѣлъ право? Епископы? Рыцари? Шведы? Датчане? Поляки? Что говорили епископы рыцарямъ объ этомъ правѣ, или рыцари епископамъ? А что вопіютъ такъ-называемые вами латышскіе и эстонскіе шакалы?

Вы ссылаетесь, впрочемъ, на капитуляцію фельд-маршала Шереметева только въ надеждѣ на наше невѣжество, которое съ успѣхомъ и запугиваете часто, пуская пыль въ глаза своими учеными и дерзкими фразами...

Наконецъ, есть положительное и рѣшительное опроверженіе всѣхъ вашихъ софизмовъ, хотя и ненужное въ виду приведенныхъ доказательствъ. Въ трактатѣ находятся ясныя слова—слова, которыя передаютъ всѣ ваши мнимыя права, привилегіи, условія, въ распоряженіе русскаго правительства, и налагаютъ на васъ молчаніе, хотя вы и называете ихъ eine Clausel, понимая хорошо, что эта Clausel заключаетъ въ себѣ непререкаемое наше право.

---

* Страна, основанная правомъ, не можетъ покориться инстинкту.

Вамъ оставлены прежнія права, «елико сообразны они съ общими государства нашего постановленіями и законами».

А въ заключеніи сказано:

«Однакожь и наше и нашихъ государствъ высокочество и права предоставляя безъ предосужденія и вреда.»

Петръ I-й понималъ положеніе дѣла, понималъ, что вѣчныхъ обязанностей по здравому разсудку нельзя ему было физически принимать на себя за будущую Россію, и потому помѣстилъ ограниченіе съ цѣлью развязать руки, въ случаѣ нужды, своимъ преемникамъ.

Такъ понимала данное фельдмаршаломъ Шереметевымъ обѣщаніе и императрица Екатерина.

Вамъ тяжело сознавать себя, чувствовать себя русскимъ подданнымъ. Это ясно выражено въ словахъ вашихъ, которыя я не смѣю и перевести исполнѣ для своихъ читателей (стр. 117).

Мы ничего не имѣемъ сказать противъ этого чувства: насильно милъ не будешь. Но кто же мѣшаетъ вамъ оставить русское подданство? Идите, куда вамъ угодно, на всѣ четыре стороны, идите, какъ пришли, т. е. въ чомъ мать родила; но вы

хотѣли бы уйти съ землею, а это несправедливо и невозможно: земля принадлежитъ, во-первыхъ, тѣмъ, кто заселилъ ее прежде васъ, кто ее обрабатывалъ для васъ семьсотъ лѣтъ, и потомъ тѣмъ, кому она платила дань прежде васъ, и къѣмъ она завоевана не у васъ, а у вашихъ враговъ и вашихъ господъ.

Ваме народное самолюбіе страдаетъ, — я понимаю это, — и еслибъ родился въ Галичинѣ, то страдалъ бы не меньше вашего, обязанный признавать власть австрійскаго императора, употребилъ бы все усилія, не побоялся бы никакихъ пожертвованій, чтобъ возвратиться въ святую Русь, подъ покровительство бѣлаго Царя: зачѣмъ же у васъ дѣло стало?

Знаете ли что? Съ вами вѣдь можно сладить и уснокоить, даже не шевеля костей фельдмаршала Шереметева, и не уничтожая ни одной іоты въ капитуляціи.

Запрѣтить привозъ русскихъ товаровъ въ Ригу, и въ тѣ остзейскія гавани, которыя недовольны соединеніемъ своимъ съ Россією, и имѣютъ какія бы то ни было притязанія; дозволить торговлю только съ безусловно-покорными подданными. Тоѣ-часъ и откажется большая часть балтійскихъ горо-

довъ отъ всѣхъ своихъ пергаментовъ! Кенигсбергъ и Данцигъ, несмотря на кровное родство съ вами, возрадуются такому рѣшенію, и поспѣшатъ построениемъ желѣзныхъ дорогъ, ведущихъ къ нимъ мимо васъ. Ну, вотъ вы и будете принуждены упасть въ ноги къ великодушному своему Государю, и принести ему съ повищеною головою изодранную капитуляцію Фельдмаршала Шереметева!

Да не хотите ли вы совершенной независимости, не только съ старыми правами и дарованными привилегіями, но съ полнымъ внутри себя самодержавіемъ? Возведите около себя хоть китайскую стѣну, или прокопайте канаву поглубже, чтобъ и вѣтромъ на васъ не пахнуло съ русской варварской стороны! Какъ вы думаете: проживете вы долго безъ нашей помощи?

Безъ шутокъ, правительство царя Ивана Васильевича Грознаго употребило подобную мѣру съ успѣхомъ для усмиренія балтійскихъ Нѣмцовъ своего времени, * и вамъ не худо подумать о ней, господинъ профессоръ!

---

* См. выше, с. 20

Присоединяемъ подтвержденія положеній, выраженныхъ нами, изъ вышеприведенной записки Д. П. Троицкаго, который, на основаніи, историческихъ и политическихъ, тщательныхъ изслѣдованій, предлагаетъ слѣдующія свои заключенія о всѣхъ четырехъ періодахъ остзейской исторіи.

I. Отъ прибытія Нѣмцовъ до покоренія Польши:

1) Лифляндія въ самомъ началѣ не принадлежала Нѣмцамъ, и ни одна изъ партій и крамоль; ее раздиравшихъ, не могла пріобрѣсти въ теченіи столь долгаго времени, трехъ съ половиною столѣтій, права спокойнаго владѣнія, которое, замѣняя насиліе и безначаліе тишиною и общественнымъ устройствомъ, одно только можетъ сдѣлать завоеваніе законнымъ.

2) Тевтоническіе братья, выпрашивающіе законы и захирающіе въ тюрму законодателя, раздѣляющіе съ архіепископомъ добычу, заграбленную у уроженцевъ, и раздѣвающіе архіепископовъ до нага, признающіе владычество папы и ругающіеся его буллами, уважающіе власть императора и неповиновущіеся его повелѣніямъ, не смѣли никогда сами себя именовать властителями, но не терпѣли другихъ властителей; не могли никогда установить

правильнаго образа управленія, но не хотѣли слышать ни о какомъ другомъ управленіи, кромѣ своего собственнаго.

3) Впродолженіи сихъ 350 лѣтъ анархическаго завладѣнія Лифляндію вооруженными нѣмецкими пришельцами, каждая изъ этихъ трехъ партій дѣйствовала самодержавно: давала законы, раздавала имѣнія, устанавливала порядокъ наслѣдства, дѣлала союзы, заключала мирные трактаты, набирала войско и проч.

4) Слѣдственно, въ Лифляндіи во время сего періода не было ни государя, ни республики, ни народа, и, слѣдственно, не было никакой законно установленной власти, которая бы могла издавать законы и раздавать привилегіи.

II. Во второмъ періодѣ, отъ покоренія Польши до завоеванія Шведами:

1) Грамата короля Сигизмунда, называемая лифляндскимъ дворянствомъ великою граматою, сохранена была безъ перемѣны впродолженіи только четырехъ лѣтъ, и дворянство первое подало поводъ къ ея нарушенію.

2) Тевтоническіе братья, желавшіе сдѣлаться алодіальными помѣщиками, не отступая, однакожь,

отъ привилегій ордена, побудили польское правительство заняться этими неизвѣстными привилегіями и войти въ разсмотрѣніе правъ, которое лишило новыхъ помѣщиковъ большей части ихъ помѣстій.

3) Великая, но стѣснительная для всѣхъ состояній въ Лифляндіи грамота нарушена была уже самимъ дворянствомъ, исправлена была уже самимъ давшимъ ее королемъ Сигизмундомъ, и совершенно уничтожена была королемъ Стефаномъ Баторіемъ на сеймѣ, съ согласія всѣхъ лифляндскихъ штатовъ.

4) Послѣ сего униженія не существовало никакого важнаго различія между подданными польскими и подданными лифляндскими, и

5) Привилегіи дворянъ сей польской провинціи ничѣмъ не обширнѣе были привилегій прочихъ польскихъ дворянъ.

III. Отъ завоеванія Шведами до завоеваній императора Петра I-го:

1) Лифляндія завоевана Шведами въ то время, когда всѣ особенныя привилегіи древнихъ Тевтоническихъ братьевъ, покольку оныя несогласны были съ государственными польскими правами, не имѣли уже дѣйствія.

2) Привилегіи сіи, ни во время завоеванія Густавомъ Адольфомъ, ни во время формальной уступки Лифляндіи Польшею, не были возстановлены, и Лифляндія изъ польской провинціи сдѣлалась провинціею шведскою.

3) До тѣхъ поръ, пока существовалъ сей порядокъ вещей, Лифляндія наслаждалась спокойствіемъ и дворянство пользовалось имѣніями, законно или незаконно имъ приобрѣтенными.

4) Только передъ окончаніемъ царствованія королевы Христины, дворянство исходатайствовало учрежденіе ландратовъ и неопредѣлительное подтвержденіе древнихъ его привилегій.

5) Сіи оказанныя королевою милости, усугубивъ требованія дворянства тевтоническаго происхожденія, которое, считая себя отдѣльнымъ отъ прочаго лифляндскаго дворянства, принимало или исключало изъ своего матрикула по своему благоусмотрѣнію, и ежедневно вчинало новыя требованія къ приращенію своей власти, подвигли правительство обратиться къ началу привилегій дворянства тевтоническаго происхожденія и углубиться въ изысканія, которыя открыли не только зыбкость требованій дворянства, но и незаконность документовъ на владѣніе имѣніями.

6) Сіе открытіе, сдѣланное шведскимъ правительствомъ, произвело тѣ же послѣдствія, коими сопровождено было и открытіе, сдѣланное правительствомъ польскимъ, т. е. что привилегіи признаны ничтожными, что большая часть имѣній найдены не принадлежащими дворянству, и что матрикуль, несообразный ни съ правами государя, ни съ выгодами прочаго дворянства, посредствомъ коего нѣмцы могли исключить прочихъ дворянъ изъ дворянскаго сословія и лишить ихъ правъ дворянскихъ, уничтоженъ и замѣненъ новымъ общимъ матрикуломъ, въ который внесено все лифляндское дворянство, безъ исключенія.

7) При разсмотрѣніи привилегій и поступковъ ландратовъ, шведское правительство никогда не удалялось отъ строгой формы, и не прежде признало привилегіи сіи ничтожными, какъ по зрѣломъ и порядочномъ ихъ разсмотрѣніи въ совокупности съ депутатами отъ самого дворянства и по удостовѣреніи, что сей особенный родъ тевтоническаго сословія, въ отчужденіи себя отъ прочаго дворянства и отъ прочихъ жителей Лифляндіи, имѣлъ единственную цѣлью овладѣть исключительно воѣми имѣніями, воѣми правами жителей всѣхъ состояній и всею властью правительства.

8) Жители всѣхъ состояній вступили въ спокойное пользованіе своими правами, и Лифляндія начала воскресать съ того только времени, когда король принялъ самъ на себя управление Лифляндіею и даровалъ ей конституцію, сообразную съ конституціею государства.

9) Въ теченіи сего только періода показались въ первый разъ ландраты, изъ коихъ половина была шведовъ, а половина лифляндцовъ; ландратской же коллегіи не было, и сіи простые ландраты, не составлявшіе коллегіи, не взирая на всѣ принятыя предосторожности, были начинщиками всѣхъ безпорядковъ, побудившихъ правительство къ уничтоженію сего званія.

10) Ландраты и учреждены и уничтожены были шведскимъ правительствомъ, и, слѣдственно, древнія привилегіи ни мало не касаются до ландратовъ.

IV Отъ завоеванія императора Петра I-го до Александрова времени:

1) Лифляндія поступила подъ власть Россіи безъ какихъ-либо особенныхъ привилегій Тевтоническихкихъ братьевъ или ихъ потомковъ, а съ шведскою конституціею, съ сословіемъ дворянства, соотвѣтствовавшимъ сей конституціи, и съ пра-

вами всѣхъ классовъ, равными правамъ тѣхъ же классовъ въ прочихъ шведскихъ провинціяхъ.

2) Императоръ Петръ I-й утвердилъ, 30-го сентября 1710 года, тѣ только привилегіи, кои были законно пріобрѣтены и сохранены до времени покоренія Лифляндіи, поколику оныя могли соответствовать новой конституціи и новымъ обстоятельствамъ.

3) Слѣдственно, подъ конфирмаціею привилегій дворянства онъ не могъ разумѣть другихъ привилегій, кромѣ общихъ всему сословію дворянства, каковымъ оно было въ правленіе шведскаго короля и каковымъ оно найдено было 30-го сентября 1710 года, а не особенному и исключительному сословію Тевтоническихъ рыцарей, или ихъ потомковъ.

4) Нейштатскимъ трактатомъ именно постановлено, что всѣмъ состояніямъ сохранятся тѣ привилегіи, коими они пользовались подъ властью короля шведскаго.

5) Слѣдственно, акордные пункты графа Шереметева, резолюція, сообщенная графомъ Гошовкинымъ, и наказъ барону Левенвольду, предшествующія всѣ помянутому нейштатскому трактату, не иначе могутъ быть разсматриваемы, какъ только временныя

рѣшенія, не могущія отмѣнить привилегій, подтвержденныхъ *всѣмъ классамъ* нейштатскимъ трактатомъ.

6) Разныя грамоты и подтвержденія привилегій, состоявшіяся въ послѣдующія царствованія по просьбамъ дворянства, относившіяся вообще до всего сословія лифляндскаго дворянства и утверждавшія привилегіи съ такими же точно ограниченіями, съ какими утверждалъ оныя и императоръ Петръ I-й, не отмѣняютъ ни въ чомъ нейштатскаго трактата, равно какъ ни одного права и ни одной привилегіи, которыми дворянство нетевтоническаго происхожденія и всѣ прочіе классы жителей Лифляндіи пользовались подъ властью шведскихъ королей, и кои торжественно утверждены нейштатскимъ трактатомъ.

7) Привилегіи никогда не были представляемы къ утвержденію російскихъ государей въ такомъ видѣ, по которому бы можно было судить о ихъ существѣ и пространствѣ. Напротивъ того, не взирая на всѣ усилія, которыя прилагали дѣйствовавшіе отъ имени дворянства, представлять вещи сообразно ихъ видамъ, *столько разъ подтвержденныхъ привилегій, о подтвержденіи коихъ они непрестанно возобновляли исканія, оставались всегда неясственными и одна другой проти-*

воръчущими, что замѣтилъ и императоръ Петръ II-й въ указѣ 1728 года.

8) Изъ соображенія указа сего съ указомъ императора Петра I-го, подтверждавшаго тѣ только привилегіи, кои законно приобрѣтены и не противны государственнымъ установленіямъ и новому положенію Лифляндіи, открывается, что російскіе государи въ неопредѣлительныхъ своихъ подтвержденіяхъ разумѣли тѣ только привилегіи, кои явственны и основаны на законахъ, а не привилегіи всякаго рода безъ разбора, неявственныя и другъ другу противорѣчущія.

9) Сія неявственность привилегій происходитъ отъ постоянной уловки, возобновлявшейся при каждой перемѣнѣ царствованія, просить отъ имени всего дворянскаго сословія о неопредѣленномъ подтвержденіи привилегій, какъ будто бы всѣмъ извѣстныхъ и находящихся въ полномъ дѣйствиі; потомъ выпросивши, прилагать подтвержденіе сіе къ одному только сословію дворянства Тевтоническаго происхожденія, употреблять въ пользу свою всѣ привилегіи, послѣдовавшія съ самаго учрежденія ордена, оставлять въ забвеніи всѣ конституціи, законы, договоры, привилегіи

и подтвержденія привилегій, противящіеся сему плану, и для преуспѣянія въ семъ намѣреніи сокрывать всѣ документы, не исключая и самыхъ новѣйшихъ, отъ свѣдѣнія тѣхъ, кои непричастны тайнѣ привилегированнаго сословія. Отъ сего-то и самъ правительствующій сенатъ, верховная инстанція по дѣламъ лифляндскимъ, не имѣетъ свѣдѣнія о большей части нѣмецкихъ, польскихъ и шведскихъ законовъ, по которымъ онъ долженъ постановлять окончательныя рѣшенія. Отъ сего-то большая часть подтвержденій привилегій, состоявшихся даже во время російскаго правленія, не находится въ сенатѣ, а спрятаны въ рыцарскомъ архивѣ, дабы на всякій случай пользоваться ими, не упоминая о заключающихся въ нихъ ограниченіяхъ; словомъ, посредствомъ однихъ только многотрудныхъ и упорныхъ изысканій можно открыть что-либо, касающееся до исторіи и существа привилегій, что подтвердилъ и правительствующій сенатъ въ вышеприведенномъ опредѣленіи отъ 13-го и 14-го іюля 1786 года, ибо только посредствомъ формальнаго разбора взаимныхъ лифляндскихъ жалобъ получилъ сенатъ возможность приобрести важнѣйшіе документы.

10) Привилегія, въ силу которой потомки Тевтоническихъ братьевъ присвоили себѣ подъ видомъ

матрикула право возводить по своему произволу въ дворянство кого заблагоразсудятъ и лишать правъ дворянъ петевтоническаго происхожденія, формально уничтожена была во времена, какъ польскаго, такъ и шведскаго правленія. Она не согласна съ конфирмаціею императора Петра I-го, которою выговорено все то, что не согласно съ правами новаго владычества; она несогласна съ нейштатскимъ трактатомъ, который подтверждаетъ привилегіи всего лифляндскаго дворянства, коими пользовалось оно подъ властью шведскаго короля, и таковою признана она и высочайшимъ указомъ 12-го августа 1786 года.

11) Государыня императрица Екатерина II-я, желавшая искоренить всё сіи безпорядки, имѣла въ виду сколько благо всего лифляндскаго дворянства вообще, не менѣе того и благо самихъ потомковъ Тевтоническихъ братьевъ въ особенности. Она удостовѣрилась, что сіи потомки Тевтоническихъ братьевъ никакой другой причины не имѣли запутывать дѣла, кромѣ желанія удержать за собою владѣнія орденскими имѣніями, которыя, не взирая на ихъ привилегіи, и по смыслу самихъ сихъ привилегій, никогда имъ не принадлежали; ибо, даже по силѣ достопамятной привилегіи архі-

епископа Сильвестра, имѣнія сіи долженствовали принадлежать имъ только до пятого колѣна, которое давно уже пресѣклось. Ея императорское Величество, въ 1783 году, однимъ разомъ рѣшила всѣ сіи затрудненія, предоставивъ въ полную и совершенную собственность всѣ феодальныя и аллодіальныя помѣстья, находившіяся только во времени владѣнія, и обезпечивъ дворянство симъ благотвореніемъ, котораго оно не имѣло права даже надѣяться, она ввела въ Лифляндію всеобщее для Россійской имперіи учрежденіе, то есть въ одно и тоже время съ установленіемъ въ Лифляндіи образа управленія, долженствовавшаго наконецъ пресѣчь беспорядки, злоупотребленія, толь долго раздиравшіе сію провинцію, она великодушно покрыла прошедшее завѣсою великодушнаго забвенія, и обезпечила благосостояніе всѣхъ помѣщиковъ, даровавъ силу закона правамъ самымъ сомнительнымъ.

12) Послѣ сего сопротивленіе ландратовъ введенію дворянскаго положенія ни отъ чего другаго не могло происходить, кромѣ желанія продолжать въ роды родовъ злоупотребленія произвольной власти, которою они пользовались самовольно. Ни общія выгоды дворянства всей губерніи, ни частная выгода владѣльцовъ аллодіальными помѣстьями не

оправдываютъ ня въ какомъ отношеніи ~~приняе-~~
мыхъ разорительнымъ ихъ управленіемъ ~~чрезвычай-~~
ныхъ издержекъ. Совершенно уже было бесполезно
употреблять новыя издержки и испрашивать новыхъ
подтверженій при наступленіи каждаго царствованія
привилегіи архіепископа Сильвестра, простиравшейся
только на пять поколѣній, послѣ того какъ вели-
чество російскаго престола всѣ сомнительныя права
ограниченнаго владѣнія превратило въ одинъ досто-
вѣрный документъ вѣчнаго и потомственнаго владѣнія,
и неявственныя привилегіи сословія арендаторовъ
иностраннаго происхожденія превратило въ непо-
колебимыя привилегіи сословія государственныхъ
помѣщиковъ.

13) Ландратская коллегія никогда не имѣла
законнаго происхожденія; соединеніе ландратовъ
въ коллегію и всѣ присвоенныя ими посредствомъ
сего соединенія власти, со стороны ихъ, осно-
ваны на одномъ только похищеніи, а со стороны
правительства на недоразумѣніи, произшедшемъ отъ
несообщенія всѣхъ требуемыхъ документовъ, и
слѣдственно высочайшій указъ Государыни Импе-
ратрицы Екатерины II-й, уничтожившій по пред-
ставленію правительствующаго сената ландратскую
коллегію, не что иное былъ, какъ дѣйствіе

строгаго правосудія и благотворительности ко всей ливондской провинціи, жители которой всѣхъ состояній, хотя содержимые подъ игомъ небольшого числа привилегированныхъ лицъ, не представляли взывать о возстановленіи учрежденія, которое одно только могло доставить каждому возможность пользоваться привилегіями, согласно Нейштатскому трактату.

Равнымъ образомъ исторію Ливондіи доказано:

1) Что магистратъ города Риги есть магистратъ одного только сословія тевтоническихъ купцовъ, которые не имѣли на Ливондію никакого права, и что во время перваго періода они не получили ни одной законной привилегіи.

2) Что подъ польскимъ владычествомъ неопредѣленное подтвержденіе ихъ привилегій княземъ Радзивиломъ не было ратификовано ни королемъ Сигизмундомъ, ни его преемниками, и что всѣхъ ихъ привилегіи ограничиваются только привилегією Стефана Баторія, которая хотя весьма обширна, но между тѣмъ не исключаетъ ни польскихъ купцовъ, которымъ предоставлена свободная торговля по рѣкѣ и истоку рѣки Двины, ни католическаго

исповѣданіи, которое торжественно возстановлено было въ Ригѣ.

3) Что подь шведскимъ владычествомъ хотя согласіе въ оисповѣданіи нѣсколько и благоприятно было для рижскаго магистрата, ибо по коренному государственному закону всѣ мѣста въ городѣ Ригѣ заняты были протестантами, однакоже торговая монополія пресѣчена была тремя другъ за другомъ послѣдовавшими торжественными трактатами, дозволявшими свободную навигацію и торговлю по всему Балтійскому морю и по всѣмъ рѣкамъ, въ него впадающимъ, и именно по рѣкѣ Двинѣ и Болдераа.

4) Что подь россійскимъ владычествомъ Императоръ Петръ I-й и его преемники не иначе подтверждали привилегіи города Риги, какъ поколику оныя согласны съ государственными узаконеніями; Императрицею Екатериною II-ю вовсе были уничтожены, а нынѣ царствующимъ Императоромъ торжественно обѣщано уничтоженіе оныхъ введениемъ общаго городского положенія.

IV.

Покочивъ съ историческими справками, мы спрашиваемъ васъ: чего ходите вы?

Мы хотимъ, отвѣчаете вы итогомъ, свободы совѣсти, нѣмецкаго управленія, нѣмецкаго языка, нѣмецкаго права, (Gewissensfreiheit, Deutsche Verwaltung und Sprache; Deutsches Recht). (с. 116).

Свобода совѣсти. Пользуйтесь ею, сколько угодно; оставайтесь протестантами, кальвинистами, герингутерами; поклоняйтесь Магомету, или Изидѣ, Кришну, —мы вамъ никогда не мѣшали, не мѣшаемъ и мѣшать не будемъ.

Но если ваши рабы, работавшіе на васъ впродолженіи семисотъ почти лѣтъ, и худо наученные вами закону Божію, желаютъ присоединиться къ нашему православію, то и вы не мѣшайте имъ также, и предоставьте имъ такую же свободу

совѣсти, какую пользуетесь сами, какая вѣнана вамъ въ обязанность даже капитуляціей фельдмаршала Шереметева:

§ 10. «Однакоже въ такихъ уступленныхъ земляхъ не имѣетъ никакое принужденіе въ совѣсти введено быть... и вѣра Греческаго исповѣданія впредь такожь свободно и безъ всякаго помѣшательства отправлена быть можетъ и имѣется».

Слышите?

Пльмское управленіе. Судитесь между собою, какъ вамъ угодно, но если Русскій подвергается у васъ какимъ бы то ни было обвиненіямъ или взысканіямъ, то онъ въ Русской имперіи не можетъ судиться иначе, какъ по русскимъ законамъ и на русскомъ языкѣ.

Лифляндца, Эстляндца, Курляндца мы не можемъ оставить подъ вашимъ безусловнымъ судомъ, потому что семисот-лѣтнимъ своимъ управленіемъ вы доказали свое пристрастіе, и довели ихъ до того, что у нихъ не осталось ни кола, ни двора, между тѣмъ какъ вы пресыщаетесь всякими благами. Лифляндцы, Эстляндцы и Курляндцы должны быть изъяты изъ вашей юрисдикціи, или, по крайней мѣрѣ, пользоваться третейскимъ судомъ, т. е. съ участіемъ Русскихъ.

Нѣмецкій языкъ. Мы чтимъ и уважаемъ нѣмецкій языкъ, и желаемъ ему всякаго преуспѣянiя вашими трудами, на славу германской литературы.

Вы не хотите учиться по русски, и говорите (с. 84): «Русскій языкъ, вводимый вездѣ (?), портитъ наши школы, замѣшиваетъ наше управленiе, угрожаетъ нашей культурѣ. И мы должны молчать!» *

Бѣдный Русскій языкъ, какiе злокачественные мiазмы ты заключаешь въ себѣ! Каково отзывается о тебѣ русскiй подданный, профессоръ въ русскомъ университетѣ, получившiй воспитанiе на русскiя деньги!

Не могу удержаться отъ эпизода: Нѣмцы учатся всѣмъ языкамъ на свѣтѣ, съ одинакимъ жаромъ трудятся надъ разборомъ египетскихъ iероглифовъ и клинообразнаго письма вавилонскаго, изслѣдуютъ всѣ нарѣчiя въ мiрѣ, во внутренней Африкѣ и Америкѣ; еслибъ пришло хоть невѣрное извѣстiе о прослышанныхъ языкахъ на лунѣ, то они тотчасъ стали бы думать, какъ бы туда забраться, (а Англичане, какъ смастерить для нихъ лѣсенку), и прислать бы оттуда данныя для

---

* Die russische Sprache wird überall eingeführt, sie verdirbt unsere Schulen; sie verwirrt unsere Verwaltung; sie bedroht unsere Cultur: nur schweigen!

сравнительной грамматики Боппа и Потта: только русскимъ языкомъ они не хотятъ заниматься, несмотря на то, что считаются подданными Русской имперіи, находятся въ непрерывныхъ сношеніяхъ съ русскими людьми, ѣдятъ русскій хлѣбъ; несмотря на то, что русскій языкъ въ системѣ языковъ занимаетъ одно изъ первоклассныхъ мѣстъ! Не знаю, какъ объяснить себѣ это сами читатели, а я очень радъ, и крѣпко жму руку г. Ширрену, повторяя за нимъ:

«Еслибъ я родился Русскимъ, любилъ бы, разумѣется, свое отечество, и долженъ былъ бы сказать свое мнѣніе, то я позволилъ бы молодежи въ остзейскихъ провинціяхъ учиться по китайски, по французски, только не по русски». *

Я совершенно согласенъ съ вами: крайности сходятся! Bravo, г. Ширренъ: учитесь по китайски, по французски, только не по русски!

Почему же я такъ думаю? А вотъ почему:

Нѣмцы перебиваютъ теперь дорогу Русскимъ по всѣмъ отраслямъ службы: военной, гражданской и

---

* Wäre ich als Russe geboren, und liebte mein Vaterland, wie ich gewiss thäte, und hätte etwas zu sagen, so sollte mir in den OstseeProvinzen die Jugend chinesisches und französisches lernen, so viel wollte, nur nicht Russisch.

ученой; выучите ихъ всёхъ русскому языку, да отъ нихъ нигдѣ отбою не будетъ, и бѣдные Русскіе должны будутъ только ходить за сохою и бороною, и довольствоваться только черными работами. И такъ, слава Богу, что остзейскіе Нѣмцы не хотятъ учиться по русски! Я сталъ бы гладить ихъ по головкѣ за ихъ отвращеніе отъ русскаго языка, и никакъ не порицать, не ободрять къ его изученію, себѣ во вредъ.

Нѣмецкому языку для Нѣмцовъ должно покровительствовать, какъ языку образованному, которымъ говорить часть, хотя ничтожная, государственнаго народонаселенія. Русить Нѣмцовъ—оборони Богъ отъ такой святотатственной мысли, которой не понимаютъ только сами Нѣмцы, относительно другихъ національностей.

И такъ, главныя требованія, вами заявляемая, соблюдаются свято въ отношеніи къ вамъ: вы, Нѣмцы, исповѣдуете свою религію, говорите своимъ языкомъ, и управляетесь своими законами. Но для васъ дѣлается гораздо больше.

Г. Самаринъ открываетъ намъ теперь глаза, и осязательными чертами изображаетъ нѣкоторыя пристрастныя, близорукія, одностороннія распоряженія

посредствующихъ чиновниковъ, ихъ ошибки и промахи, въ пользу остзейскихъ феодаловъ, въ ущербъ несчастныхъ туземцовъ, въ оскорбленіе естественнаго права и законной справедливости, вопреки духу всѣхъ законоположеній нашего Освободителя, начавшаго новую эру въ исторіи не только Россіи, но и Европы.

По этой причинѣ, принимаясь за вашу книгу, господинъ Ширренъ, я думалъ найти въ пей, вмѣстѣ съ упреками г. Самарину, трогательныя восхваленія русскому правительству прошедшаго времени, которое осыпало благодѣяніями нѣмецкое меньшинство трехъ губерній, и которое подверглось такимъ сильнымъ обвиненіямъ г. Самарина. Не тутъ-то было! Вы такъ отдѣливаете русское правительство за его мнимыя угнетенія, за его несправедливыя, будто бы, притязанія, за его преступныя намѣренія, за всѣ его незаконныя дѣйствія, какъ даже у г. Кюстина, недоброй памяти, не срывалось съ языка. (Что жъ было бы, спрошу мимоходомъ, еслибъ г. Самарину, и всѣмъ Русскимъ съ нимъ, не было на что пожаловаться?).

Я не стану разбирать вашей книги относительно подробностей и частныхъ, потому что недоста-

точно знакомъ съ ихъ предметомъ. Вѣроятно, найдутся люди, которые отвѣтятъ вамъ, и разберутъ ваши діатрибы по достоинству.

Взявшись разсмотрѣть дѣло только съ общей стороны, я скажу, что нѣкоторыя замѣчанія ваши, можетъ быть, и справедливы, но справедливы, по-скольку относятся и къ управленію вообще всѣхъ русскихъ губерній. Прочія могутъ объясниться только излишкомъ деликатности, снисходительности, великодушія русскаго правительства, которое старалось щадить нѣмецкія феодалныя привилегіи, и, по возможности, только согласовать ихъ съ настоятельными требованіями новаго времени.

Вы осуждаете и поносите ихъ поголовно и безусловно въ самыхъ изысканно-оскорбительныхъ выраженіяхъ, на какія можетъ рѣшиться только закоренѣлая вражда, и, вмѣстѣ, ослѣпленная гордость—въ этомъ-то отношеніи вы оказали русскому дѣлу великую услугу. Нѣтъ, видно, худа безъ добра: ваша книга должна имѣть благодѣтельное для насъ послѣдствіе.

Какимъ образомъ?

Вотъ какимъ: вы изобразили себя ясно, и слѣныя теперь должны увидѣть ваши симпатіи къ

Россіи, понять, что вы думаете о себѣ, что вы думаете объ насъ, въ какомъ смыслѣ надо принимать вашу вѣрность, вашу преданность и вашу гражданскую честность, (Lojalität), по вашимъ собственнымъ словамъ, (какъ волка, видно, ни корми, а онъ все въ лѣсъ смотритъ!), — и я приведу ихъ, къ свѣдѣнію соотечественниковъ и всѣхъ, кому о томъ вѣдать надлежитъ, *не прилагая никакихъ толкованій*, — кромѣ невольныхъ знаковъ удивленія, — считая ихъ совершенно ненужными.

Вы говорите намъ, на примѣръ (стр. 95):

«Кромѣ совмѣстной принадлежности къ одному государству, вы (то есть Русскіе) не имѣете ничего общаго съ нашимъ народомъ. Все у васъ и у него разное: способности, тѣлесныя и душевныя, темпераментъ, степень выдержки, послѣдовательность личнаго развитія, семейная жизнь, отношенія собственности, право, языкъ, общество, политическія преданія, прошедшее и настоящее».

---

* Wir haben *ausser der Reichsgemeinschaft* nichts mit ihrem Volke gemein. Alles ist anders an ihm unth an uns: Anlage des Leibes und Gemüthes, Temperament, Grad des Ausdauer, Rhythmus der individuellen Entwicklung Familie Eigenthumsverhältnisse, Recht, Sprache, Gesellschaft, politische Traditionen, Vergangenheit, Gegenwart.

Благодаримъ за откровенное противоположенію!

Стр. 94: «Наше племя, сколько могъ я замѣтить, въ развитіи образованія провинціи, не занимаетъ нынѣ другаго положенія, нежели въ прежнее время. Русскіе здѣсь то, чѣмъ они по праву и должны быть, и всегда въ самомъ дѣлѣ бывали, *гости*, съ преимуществомъ гостя, жить, пребывать, но не строить (не хозяйничать).» *

Слышите, Русскіе люди! Вы только гости въ балтійскомъ поморьѣ, неимѣющіе права хозяйничать! Благодарите и за то, что васъ сколько-нибудь терпятъ!

Стр. 108: «Большія государства поняли, что негодится имъ границами соприкасаться между собою очень близко. Я очень хорошо знаю, что Лифляндія не есть нейтральная Бельгія, но она не есть также русская губернія. Это есть западно-протестантская страна, а не русская губернія, несмотря на officialную терминологию (!). Былъ *нѣкотораго рода нейтралитетъ* (Oго!), предоставленный этимъ провин-

---

* Soweit ich zu sehen vermag, nimmt sie (ihre Race) in der Culturentwicklung der Provinz heute keine wesentlich andere Stellung ein, als in vergangenen Zeiten. Die Russen sind hier, was sie dem Rechte nach sein sollten, auch der That nach alle Zeit geblieben,—Gäste, mit dem Vorrechte des Gastes zu wohnen, ohne zu bauen.

цімъ: безъ политической независимости, безъ отчужденія отъ политической власти государства, но *въ рѣшительнѣйшемъ смыслѣ (!!) отчужденіе относительно господствующаю племени и его народнаго образованія*. Провинціи должны были служить государству, но онѣ имѣли быть, при томъ, охранены на вѣки вѣковъ въ своемъ западно-протестантскомъ бразованіи.» *

Несчастное племя Русское! Въ какой проказѣ, въ какой чумѣ, ты находишься, само того не сознавая!

---

* Die grossen Staaten haben begriffen, dass es nicht gut ist, mit den Gränzen zu hart auf einander zu stossen.... Ich weiss es sehr wohl, es ist (то есть Лифляндія) kein neutrales Belgien, aber es ist auch kein russisches Gouvernement; es ist ein abendländisches protestantisches Land, und ein russisches Gouvernement ist, trotz der officiellen Terminologie, zur Zeit auch Liffland nicht. Es war eine gewisse *Neutralität*, welche diesen Provinzen garantirt wurde: keine politische Selbstständigkeit, keine Isolirung gegenüber der politischen Machtstellung des Reiches, aber im entschiedenstem Sinne eine Isolirung gegenüber der herrschenden Race und ihrer nationaler Cultur. Dem Reiche sollten die Provinzen dienen, aber sie sollten dabey in ihrer abendländisch - protestantischen Cultur auf ewig geschützt sein.

Стр. 194: «Нѣмецкая нація и ея потомство въ этихъ странахъ, и эти страны для нѣмецкой націи и ея потомства—вотъ сумма всѣхъ капитуляцій.» *

Довольно! Господа остзейскіе генераль-губернаторы, прошедшіе, настоящіе и будущіе, прочтите хоть эти знаменательныя строки, и намотайте ихъ себѣ на усъ!

Ничего не желалъ бы я столько, какъ чтобъ ваша книга, господинъ Шпренъ, была переведена на русскій языкъ, и распространена въ русскомъ народѣ. Впрочемъ, и въ нѣмецкомъ подлинникѣ она должна, какъ я сказалъ выше, оказать сильное дѣйствіе на русское правительство, которое увидитъ, какъ чувствуются и цѣнятся его благодѣянія, и приметъ, безъ сомнѣнія, свои мѣры, которыхъ съ нетерпѣніемъ ожидаютъ Латыши, Эсты, Русскіе, всѣ благомыслящіе и благонамѣренныя люди.

Но вы не довольствуетесь, г. Шпренъ, безпримѣрными ругательствами противъ правительства, которое, въ отношеніи къ остзейскимъ Нѣмцамъ,

---

* Die deutsche Nation und deren Nachkommen in diesen Landen und diese Lande für die deutsche Nation und deren Nachkommen—das ist die Summe aller Capitulationen.

не только право, какъ выше мы объяснили, но чуть не свято—вы, въ нылу своей ненависти, не щадите русскаго народа, русскаго государства, русскаго языка, русской исторіи, которую преподавали русскимъ подданнымъ шесть лѣтъ и получали русское, а не нѣмецкое жалованье.

Вы называете себя, мнимую свою страну, переднею охраною, стѣною западнаго христіанства, Vormauer. Отъ кого же? отъ Россіи? И это говоритъ профессоръ русской исторіи! Хороша же являлась она въ его лекціяхъ!

Вы утверждаете, что Ливонія охраняла Европу отъ русскаго варварства! Позвольте лучше напомнить вамъ, что ваша Ливонія, то-есть, нѣмецкое населеніе, была долго, для насъ, Русскихъ, стѣною, и старалась всѣми силами не пускать къ намъ европейскаго образованія. Позвольте вамъ послужить выпискою изъ Карамзина:

«Саксонецъ Шлиттъ, въ 1547 году, былъ въ Москвѣ, выучился языку нашему, имѣлъ доступъ къ царю и говорилъ съ нимъ объ успѣхахъ художествъ, наукъ, въ Германіи, неизвѣстныхъ Россіянамъ. Іоаннъ слушалъ, разспрашивалъ его съ любопытствомъ, и предложилъ ему ѣхать отъ насъ

посланникомъ въ нѣмецкую землю, чтобъ вывезти оттуда въ Москву не только ремесленниковъ, художниковъ, лекарей, аптекарей, типографщиковъ, но и людей искусныхъ въ древнихъ и новыхъ языкахъ, даже теологовъ! Шлиттъ охотно взялся услужить тѣмъ Государю и Россіи; нашолъ императора, Карла V-го, въ Аугсбургѣ, на сеймѣ, и вручилъ ему Іоанновы письма о своемъ дѣлѣ. Императоръ хотѣлъ знать мнѣніе сейма: долго разсуждали, и согласились исполнить желаніе царя, но съ условіемъ, чтобъ Шлиттъ именемъ Іоанновымъ обязался клятвою не выпускать ученыхъ и художниковъ изъ Россіи въ Турцію, и вообще не употреблять ихъ способностей ко вреду Нѣмецкой имперіи. Карлъ V далъ нашему посланнику грамоту, съ дозволеніемъ искать въ Германіи людей, годныхъ для службы царя, и Шлиттъ набралъ болѣе ста-двадцати человекъ и готовился плыть съ ними изъ Любека въ Ливонію. Но все разрушилось отъ низкой, завистливой политики Ганзы и Ливонскаго ордена».

«Уже Россія такъ опасна—писали чиновники орденскіе къ императору—что всѣ христіанскіе сосѣдственные государи преклоняютъ главу предъ ея вѣщеносцемъ—юнымъ, дѣятельнымъ, власто-

любивымъ, и молятъ его о мирѣ. Благоразумно ли будетъ умножать силы *природнаго врага нашего* сообщеніемъ ему искусствъ и снарядовъ воинскихъ? Если откроемъ свободный путь въ Москву для ремесленниковъ и художниковъ, то подъ симъ именемъ устремится туда множество людей, принадлежащихъ къ злымъ сектамъ анабаптистовъ, сакраментистовъ и другихъ гонимыхъ въ нѣмецкой землѣ: они будутъ самыми ревностными слугами царя. Нѣтъ сомнѣнія, что онъ замышляетъ овладѣть Ливонією и Балтійскимъ моремъ, дабы тѣмъ удобнѣе покорить всѣ окрестныя земли: Литву, Польшу, Пруссію, Швецію.»

Таково искони было ваше доброжелательство къ намъ, господинъ Ширренъ!

Въ другомъ мѣстѣ вы сравниваете насъ съ Монголами: «Die Mongolen waren einst in ihrem Lande die herrschende Race, auch wenn sie in Massen nur vor seiner Thüren sassen, wie sie heute vor unsern.» *

Каково? Но гдѣ же *ваши ворота*, господинъ профессоръ?

---

* Монголы были нѣкогда въ вашей землѣ господствующимъ племенемъ, хотя и стояли массами только передъ вашими воротами, какъ вы передъ нашими!!

Не больше ли къ вашему лицу идетъ сравненіе вашего племени съ Монголами, относительно Латышей и Эстовъ, среди которыхъ вы насильственно, не предъ воротами, а во дворѣ, поселились?

Г. Ширренъ считаетъ своею обязанностью отдать честьшведскому герою въ противоположность Петру I, прославить Польшу, которая въ XVI столѣтіи умѣла заставить всѣхъ уважать себя (162); одна только бѣдная Россія при всякомъ случаѣ подвергается его хуленію. Какими ужасными красками описываетъ онъ покореніе Лифляндіи фельдмаршаломъ Шереметевымъ! Какія слова извлекаетъ изъ его донесеній и сопоставляетъ: *Verheeret, verheeret, verheeret!* опустошилъ, опустошилъ, опустошилъ!

Для чего онъ все это дѣлаетъ? Для того, чтобъ возбудить негодованіе противъ русскаго варварства?

Я не стану оправдывать никакихъ жестокостей, но только напому вамъ, господинъ Ширренъ, что ужасное опустошеніе Германіи въ продолженіи тридцатилѣтней войны самими Нѣмцами случилось вѣдь очень не задолго прежде сѣверной войны и Шереметевского похода. Вспомните объ одномъ разореніи Нюрнберга баварскимъ фельдмаршаломъ Тилли, котораго статуя украшаетъ мюнхенскую площадь!

А разореніе Пфальца по распоряженіямъ Лувуа, министра, принадлежавшаго государству самыхъ утонченнѣхъ правовъ, съ Лудовикомъ XIV во главѣ?

А какъ опустошали Ливонію сами нѣмцы-рыцари, воюя съ епископами, и епископы, стараясь причинить вредъ рыцарямъ съ помощью городовъ?

Все это очень обыкновенныя явленія своего времени, и мы можемъ только радоваться, что живемъ въ лучшее.

Представимъ теперь нѣсколько отрывковъ изъ приговоровъ г. Шпрена Русскому народу.

«Herschende Race», повторяете вы безпрестанно съ ироніею, представляя Россію не органическою единицею, не цѣльнымъ кускомъ, но агломератомъ нѣсколькихъ племенъ, изъ которыхъ одному-де удалось захватить на время власть надъ остальными.

Помните ли вы, что говорите? Русскихъ въ Россіи нельзя называть племенемъ въ государственномъ, политическомъ смыслѣ: это есть Русскій народъ.

Эта «herschende Race» считаетъ у себя 80 милліоновъ, а васъ сто тысячъ! Считите лучше себя хоть только въ отношеніи тѣхъ племенъ, среди которыхъ живете вы: тамъ-то составляете вы едва десятую

долю населенія! Какъ же вы, капля въ морѣ, осмѣливаетесь приравнивать себя къ Россійской имперіи, и весь шестидесятимилліонный народъ Русскій называть только «*herschende Race*»? Не напомнить ли вамъ русскую пословицу: «знай сверчокъ свой шестокъ»?

Стр. 101. «Вашъ народъ—объявляетъ г. Ширренъ г. Самарину,—не зрѣлъ и недостойнъ властвовать надъ нами. Вы произносите ему судъ, издѣваясь надъ нашими учрежденіями, съ которыми мы желаемъ лучше оставаться въ угнетеніи и мукахъ, лучше сносить ихъ тѣсноту и духоту, нежели получать *отъ васъ и вашего племени* (!) просторъ и свободный воздухъ. Посадите свой инстинктъ на цѣпь и выучите его управлять собою—вотъ просторъ, котораго мы требуемъ. Отдайте намъ свободу совѣсти—вотъ воздухъ, котораго мы желаемъ». *

---

* Nein, Ihr Volk ist nicht reif und nicht werth, über uns zu herrschen, und sie sprechen ihm das Gericht, wenn sie unsere Institutionen verhöhnen, in denen wir gedrückt sässen, und uns abquälten, und lieber ihre Enge und ihre Schwüle ertragen, als uns von Jhnen und Ihrer Race Raum und freie Luft schaffen zu lassen. Legen sie Ihren Instinct an die Kette und lehren ihn sich selber zu beherrschen; das ist der Raum, den wir fordern. Geben sie uns die Freiheit der Gewissen zurück, das ist die Luft, nach der uns verlangt.

Стр. 102: «Когда императорская воля и благоусмотрѣніе правительства предлагаютъ безцѣнный даръ вашему народу—это все только подарокъ сверху, а не выслуженное честно добро. Одинъ только случайный голосъ (?) поднялся изъ вашей среды—принять это началомъ благороднѣйшей жизни. Ему не отвѣчало никакое эхо. Весь колосальный народъ оставался тупымъ и равнодушнымъ, безъ понятія и безъ требованія (?!), и изъ этой душной среды донеслась до насъ только ваша звѣнящая хула, господинъ Самаринъ.

Эти же уста призываютъ насъ принести въ жертву господствующему племени наше право!» *

«Еслибѣ, по крайней мѣрѣ, продолжалъ г. Ширренъ свою рѣчь,—въ характерѣ вашего племени вы могли

---

* Und wenn der Kaiserliche Wille und die Einsicht der Regierung Ihrem Volk das unschätzbare Geschenk einmal darbringen: es wird wieder nur ein Geschenk von oben sein, nicht ein ehrlich verdientes Gut. Nur *eine* verirrte Stimme hat sich aus der Mitte der Ihren erhoben, es als den Anfang eines edleren Lebens beredt in Anspruch zu nehmen: ihr hat kein Echo geantwortet. Das ganze, riesige Volk hat stumm und theilnahmlos, ohne Begriff und ohne Verlangen gesessen, und aus dieser schwülen Mitte ist an unser Ohr nichts gedrungen, als Ihr gellender Hohn, Herr Samarin!

Es ist derselbe Mund, welcher uns aufruft, unser Recht der herrschenden Race zum Opfer zu bringen.

предъявить превосходство, дающее право властвовать надъ другими племенами; еслибъ вы могли общать намъ управление, хотя отяготительное, но, всетаки, сильное и послѣдовательное: это, всетаки, было бы что-нибудь, и мы съумѣли бы распорядиться.» * (Можно ли выразить презрѣніе оскорбительнѣе?).

«Главный признакъ крѣпости силы — надѣяться на самихъ себя».

«Вопрошающій славянскихъ запѣвалъ получаетъ въ отвѣтъ только стоны и жалобы, въ тѣхъ случаяхъ, когда языку дерзости нечего бываетъ сказать. Если славянскія племена не выказали такъ своего духа, не развили такъ своего образованія, не распространили такъ далеко своей церкви, какъ бы намъ хотѣлось, всегда виноваты въ томъ бываютъ обстоятельства, или должны отвѣчать чужія племена: то Турки, то Нѣмцы, то папа имѣетъ это на своей совѣсти. Совершенно со всѣхъ сторонъ подвергшійся нападѣніямъ и угнетенію, колоссальный народъ Русскій уберегъ свое тяжелое существованіе: съ востока терзали его Монголы, съ юга Татары и Турки, съ запада Поляки, Шведы, Нѣмцы. Какъ бы то ни было, инстинктъ

---

* *Dürften sie wenigstens für den Charac er Ihrer Race die Ueberlegenheit in Anspruch nehmen, welche über andere Stämme zu herrschen berechtigt und kämen sie, uns ein drückendes, jedoch starkes und consequentes Regiment zu verheissen.*

Es wäre immerhin etwas, und wir würden uns einzu-
richten wissen.

учить: единственный путь къ свободѣ и образованію —отмщеніями, и никакого достойнѣйшаго употребленія нельзя сдѣлать изъ снисканной возможности двигаться, какъ мучить, въ свою очередь, Монголовъ и Турокъ, какъ угнетать, въ свою очередь, до крайности Поляковъ, Шведовъ, Нѣмцовъ. Только такимъ образомъ нація приходитъ къ самопознанію». *

---

* Das vornehmste Merkmal der Stärke ist Verlass auf sich selbst.

Wer die Stimmführer der Slaven befragt, vernimmt, wo die Sprache des Uebermuths schweigt, nur Jammer und Klage. Wenn slavische Stämme ihren Geist nicht so entfaltet, ihre Cultur nicht so entwickelt, ihre Kirche nicht so weit ausgebreitet haben, als ihnen erwünscht wäre: immer sind die Umstände daran schuld oder fremde Stämme haben es zu vorantworten; bald die Türken, bald die Deutschen; bald hat es der Papst auf seinem Gewissen. Vollends von allen Seiten angefallen und bedrückt, hat das riesige Volk der Russen sein kümmerliches Dasein gefristet: von Osten haben es die Mongolen geplagt; von Süden Tartaren und Türken, von Westen die Polen, die Schweden, die Deutschen. So Lange das her sein mag, der Instinet lehrt: es giebt keinen Weg zur Freiheit und zur Cultur als mitten durch die Revanche und keinen würdigeren Gebrauch der wiedergewonnenen Eigenbewegung, als nun die Mongolen und Türken zu plagen, die Polen, die Schweden, die Deutschen gründlichst wieder zu drücken. Nur so kommt die Nation zum Bewusstsein ihrer selbst.

Вотъ какія любезныя добродѣтели приписываетъ намъ господинъ Ширренъ.

Русскіе читатели! что вы чувствуете, слыша такія слова изъ устъ профессора, преподававшего шесть лѣтъ русскую исторію въ императорскомъ дерптскомъ университетѣ?

Господа попечители, ректоры и деканы, что вы объ этомъ скажете?

Стр. 103: «И въ этой роли не измѣняетъ себѣ древле-славянская страсть считать себя страдающею и обижаемою! Сила давить, ярость разрушительная ниспровергаетъ послѣднія границы, а дикая прихоть удерживаетъ истерическую мину оскорбленной невинности. Вотъ онъ—инстинктъ племени: великій народъ неистовствуетъ и вмѣстѣ плачетъ о своей незаслуженной участи. Это больше Тиберія!» *

Читая эти слова, нельзя не вспомнить объ одной эпиграмѣ Пушкина, гдѣ онъ говоритъ объ опиумѣ чернилъ, разведенномъ слюною бѣшеной собаки.

---

* Auch in diesem Amte verleugnet sich die *ur-slavische* Passion, sich leidend zu fühlen, und angegriffen zu halten. Die *Übermacht* darf noch so *erd-rückend* sein, die *Zerstörung Wulh* mag die letzten Schranken niederreißen; auch die wildeste Laune behält die hysterische Miene gekränkter Unschuld. *Ein grosses Volk wüthet* und weint dabey über sein unverdientes Loos. Da ist mehr als Tiberius.

Стр. 103: «*Въ несчастномъ круговращеніи инстинкта движется половина вашей исторіи. По правдѣ можете вы скорбѣть о безсиліи изобрѣсти національное управленіе, и въ стремленіи къ національному образованію лежитъ не неразрѣшимое противорѣчіе. Но желать образованія и не отказываться отъ инстинкта невозможно, и въ сущности, все это стремленіе къ національному образованію есть только болѣзненное стремленіе слѣдовать необузданному инстинкту, который душитъ всякое образованіе въ сѣмени. Здѣсь лежитъ противорѣчіе, котораго ничѣмъ разрѣшить нельзя.» **

«Кто станетъ отказывать вашему народу въ счастливыхъ способностяхъ; но въ вашемъ характерѣ не нахожу я ничего, что давало бы вамъ право на властвованіе: ни степенности, ни мѣры, ни выдержки, ни нѣкотораго рода умѣнья пользоваться опытами, чтобъ не попадать безпрестанно въ однѣ и тѣ же

---

* *In dem unseligen Kreisgange des Instincts bewegt sich Ihre halbe Geschichte.* Gewiss dürfen sie bedauern, keine nationale Verwaltung erfinden zu können, und in der Sehnsucht nach einer nationalen Cultur liegt kein unlösbarer Widerspruch. Aber Cultur ersehnen, und zugleich vom Instincte nicht lassen, ist unmöglich, und im Grunde ist alle diese Sehnsucht nach einer nationalen Cultur nichts, als das krankhafte Verlangen, dem ungezügelter Instincte zu folgen, der jede Cultur in der Saat erstickt. Darin liegt der Widerspruch, den nichts heßt.

мечтанія. Настроений нахожу я довольно, но никакого твердаго правила.» *

«Едва ли есть какой другой народъ, который бы въ равной степени ошибался относительно разстоянія между желаніемъ и возможностью, между намѣреніемъ и исполненіемъ.»

«Только такимъ образомъ объясняется страшная мечта, съ которою предаются у васъ мысли объ исторической мисси...» **

Россія подъ управленіемъ великодушнаго Царя возбуждается къ новой жизни: 50 милліоновъ крестьянъ освобождено и надѣлено землею, введено гласное судопроизводство, устроено земство, прокладываются вездѣ желѣзныя дороги, университеты

---

* Wer wollte Ihrem Volke glückliche Anlagen abstreiten? Aber an seinem Character finde ich nichts, was zu herrschen berechtigte: weder Ernst, Maass, Ausdauer, noch eine gewisse Uebung, Erfahrungen zu nutzen, um nicht immer in dieselben Illusionen zu fallen; Stimmungen finde ich genug; nicht einen männlichen Grundsatz.

** Schwerlich giebt es ein zweites Volk, welches sich über den Abstand zwischen Wollen und Können, Wünschen und Vollbringen, in gleichem Grade täuscht.

Nur daraus erklärt sich die furchtbare Illusion, mit der man unter Ihnen von welthistorischer Mission träumt.

получаютъ огромное содержаніе, и проч. и проч. Всѣ эти явленія имѣютъ великое значеніе для Европы, потому что простираются на четверть ея населенія, а вы имѣете... не могу назвать по имени этого свойства, (съ присоединеніемъ непереводаемаго вашего на с. 117 нарѣчія)... а вы имѣете, ну, хоть дерзость, наглость, говорить, стр. 104:

«У насъ (въ Остзейскомъ краѣ) сомнѣваются, чтобъ Россія на проложенномъ пути, при продолжающейся иллюзіи о достоинствѣ своихъ дѣйствій, достигла той цѣли, къ которой нынѣ мечтаетъ себя подошедшею. Это было бы въ первый разъ, съ тѣхъ поръ, какъ свѣтъ стоить, чтобъ народъ приобрѣлъ что нибудь, *не участь ничему и не сдѣлавъ ничего.* Въ злополучномъ ослѣпленіи у васъ льстятъ себѣ нѣкоторымъ параллелизмомъ съ Америкою. Американскій народъ въ высшей степени трудолюбивъ, практиченъ, исполненъ самаго живого почина — Русскій народъ беззаботенъ, умѣренъ до любезности, до варварства, и *совершенно неспособенъ сотворить изъ себя самого что-нибудь значительно прочное.* Таковъ онъ былъ во все времена, и не видать ни малѣйшаго признака, чтобъ его натура сколько-нибудь измѣнилась.» *

---

* Bey uns bezweifelt man, ob Russland auf dem eingeschlagenen Wege unter fortdauernder Illusion über den Werth seiner Leistungen je das Ziel erreichen werde,

Стр. 105: «Эту неспособность творить и выдерживать (ausharren), эту силу въ затѣяхъ, (Illusionen), и это безсиліе въ исполненіи, какъ вы ни становитесь на дыбы, вы носите ихъ въ сознаніи, и вотъ есть демонъ, который не даетъ вамъ покою и мучитъ васъ не терпѣть ничего подобнаго въ другихъ. *У васъ нѣтъ никакого прошедшаго, и вы не имѣете никакого будущаго* (Типунъ бы вамъ на языкъ, съ позволенія сказать, господинъ Ширренъ!). *Только нынче! Только сейчасъ!* Вотъ крикъ вашей тоски и вашего неистовства. Нынче хотите вы этого, завтра вы хотите того; въ сущности какъ нынче, такъ и завтра, ничего, кромѣ стремленія убѣжать отъ чувства собственной пустоты въ волѣ. *

---

an welchem es sich bereits heute angekommen wähnt. Es wäre das erste Mal, seit die Welt steht, das ein Volk etwas erreicht hätte, *ohne etwas gelernt und gethan zu haben*. Man schmeichelt sich bey ihnen in unheilvoller Verblendung eines gewissen Parallelismus mit Amerika. Das amerikanische Volk ist in eminentem Sinne arbeitsam, practisch, voll der lebendigen Initiative; das russische Volk fahrlässig, genügsam *bis zur Liebenswürdigkeit*, bis zur Barbarey, und völlig unfähig, irgend etwas bedeutsam Dauerndes aus sich selbst zu schaffen. So ist es zu allen Zeiten gewesen, und noch liegt nicht das entfernteste Anzeichen vor, dass seine Natur sich geändert habe.

* Diese Unfähigkeit zu schaffen und auszuharren, diese Force in Illusionen und diese Ohnmacht im vollbringen so sehr sie sich auch sträuben, sie

«Если многочисленный, независимый извнѣ народъ, едва почувствовавъ самаго себя, вмѣсто того чтобъ устраивать прилежно свою судьбу, ищетъ себѣ удовлетворенія въ разрушеніи (?!), преслѣдуетъ съ ненавистью все, что не раздѣляетъ его свойствъ (seine Natur), то онъ осуждаетъ самаго себя и подвергается опасности проиграть свою будущность».

«Мы находимъ въ вашей ненависти рѣшительный знакъ вашей слабости. Слабый народъ не можетъ властвовать надъ другими». (См. ниже).

«Но онъ не можетъ властвовать и надъ собою. Владычество племени въ вашемъ смыслѣ, пагубно не только для провинціи, но и для государства». *

---

tragen sie im Bewusstsein, und das ist der Dämon, der Ihnen keine Ruhe lässt, und der sie peinigt, sie auch Andern nicht zu gönnen. *Sie kennen keine Vergangenheit und sie haben keine Zukunft.* Nur heute! Nur gleich! ist Ihr Angst—und Wuthgeschrei. Heute wollen sie dieses, morgen jenes, im Grunde heute wie morgen, nichts als dem Gefühle der eigenen Willensöde entfliehen.

* Wenn ein grosses, nach aussen unabhängiges Volk, nachdem es kaum zum Gefühle seiner selbst gekommen, statt am eignen Schicksale arbeitsam zu bauen, in Zerstörung Befriedigung sucht und, von Instincte getrieben, Alles, was seine Natur nicht theilt, mit Hass verfolgt, dann hat es sich selbst gerichtet, und läuft Gefahr, seine Zukunft zu verspielen.

Итакъ, намъ остается только призвать гг. Эккарта или Бока, или васъ, г. Ширренъ, и вручить вамъ бразды правленія, подъ царю графу Бейсту въ Цислейтанской Австріи?

Да управитесь ли вы съ нашими инстинктами-то?

Все это было бы очень оскорбительно и огорчительно, еслибъ не было такъ смѣшно, господинъ Ширренъ! Вы говорите, что у Русскаго народа нѣтъ силы сотворить что-нибудь, а Русское государство, спрошу я васъ, съ 80 милліонами жителей (въ числѣ которыхъ есть даже двѣсти тысячъ *подданныхъ* Нѣмцовъ), государство въ 15,000 верстъ длиною и въ 8,000 верстъ шириною? А Русскій народъ, съ царемъ во главѣ, который освободилъ всю Германію отъ Наполеонова ига, въ 1813 году? Все это ничего, господинъ профессоръ Исторіи!

Wir finden in Ihrem Hasse das entscheidende Zeichen Ihrer Schwäche. Ein schwaches Volk ist nicht berufen, über andere zu herrschen.

Aber es vermag sich auch selbst nicht zu beherrschen. Die Herrschaft der Race in Ihrem Sinne ist nicht nur für die Provinz auch für das Reich ist sie verderblich.

Вы напоминаете того Крыловскаго любопытнаго, который въ музеѣ *слона* не примѣтилъ!

Еще смѣшнѣе всей выше-переданной хулы на Русскій народъ и на Русскую исторію, г. Ширренъ представляетъ апотеозу Лифляндской исторіи.

Стр. 179: Wahrlich, die Geschichte dieses Landes, восклицаетъ онъ торжественно, braucht sich ihre politischen Ideale nicht von Ihnen und Ihren Wolynskis zu erbetteln. *

Г. Ширренъ объясняетъ великое значеніе Ливоніи для Сѣвера и его исторіи, съ намекомъ даже на будущее. Положимъ такъ—мѣстность Балтійская имѣетъ для насъ значеніе, почему и была покорена нами еще въ первыя времена нашей Исторіи. Но одна рѣка Нева можетъ состязаться съ нею, или вы и на нее имѣете притязаніе?

Господинъ Ширренъ прославляетъ вѣрность и благородство своихъ представителей, видя у себя верхъ человѣческихъ добродѣтелей и полное совершенство, противъ котораго протестуютъ, вѣроятно, всѣ блаженной памяти епископы, лежащіе подъ сводами рижскаго собора.

---

* Исторія этой страны не имѣетъ нужды вымаживать свои политическіе идеалы отъ васъ и вашихъ Волынскихъ.

Ну, да Богъ съ вами, г. Ширренъ, хвалитесь сколько угодно, и только позвольте намъ при этомъ случаѣ обратить къ вамъ обвиненіе въ тщеславіи. Мы имѣемъ много пороковъ, но тщеславіемъ мы не грѣшимъ; напротивъ, грѣшимъ въ порокѣ противоположномъ: самоуниженіи, которое у насъ часто бываетъ даже въ модѣ.

Впрочемъ, довольно о нашихъ порокахъ и вашихъ добродѣтеляхъ; довольно о нашемъ дикомъ деспотизмѣ и о вашемъ ангельскомъ терпѣніи: пора намъ обратиться къ несчастнымъ Латышамъ и Эстамъ, «упоминаемымъ въ капитуляціяхъ—по вашимъ словамъ—только съ обязанностями, а не правами» * (стр. 188).

Ха, ха, ха! Остзейскій гуманистъ имѣетъ духъ говорить о людяхъ безъ правъ, съ одними обязанностями!

Въ какомъ столѣтіи вы живете, г. Ширренъ?

---

* Der Bauerschaft ist in der Capitulation nicht mit Rechten, sondern mit Pflichten bedacht!!!

Латышское племя, населяющее искони губерніи Ревельскую, Рижскую и Митавскую, вмѣстѣ съ сосѣдними странами, не имѣетъ ничего общаго съ Нѣмцами, и находится въ ближайшемъ племенномъ родствѣ съ Славянами. Сначала оно было въ подданствѣ русскихъ князей, а потомъ покорено было Нѣмцами, которые получили позволеніе здѣсь водвориться для торговли и распространенія христіанской вѣры.

Въ 1710 году, при заключеніи капитуляціи, Латыши и Эсты молчали, и не участвовали ни въ какихъ переговорахъ, но заговорили, застонали теперь, и требуютъ поруганныхъ и оскорбленныхъ правъ своихъ.

Въ одномъ мѣстѣ вашей книги, вы говорите, что «угнетенный становится (въ такомъ-то случаѣ)

сознательнымъ, ненавистнымъ, можетъ быть, внушающимъ страхъ врагомъ, котораго преслѣдовать какъ можно жесточе и терзать какъ можно безмилосерднѣе дѣлается главною задачею того, кому власть попадаетъ въ руки». *

Все это совершенно такъ, если разумѣть подъ угнетеннымъ несчастливцомъ Латыша и Эста, а подъ жестокимъ господиномъ—Нѣмца, который стремится преслѣдовать его все жесточе и давить все безмилосерднѣе.

Справедливы слова великаго Тацита, избранныя вами эпиграфомъ вашего сочиненія: *solitudinem faciunt, pacem auferant!* Нищета и дикость господствуютъ въ большинствѣ Остзейскаго края, по милости вашихъ привилегій, а вы называете эти привилегіи основаніемъ благосостоянія!

По этой причинѣ*вы позвольте возвратить вамъ адресованную на наше имя басню Крылова: «Рыбы пляски.» Она самымъ нагляднымъ образомъ пред-

---

* Der bedrängte gilt so lange noch als bewusster, gehasster, vielleicht als gefürchteter Feind, den immer härter zu verfolgen und immer erbarmungsloser zuzertreten zur vornehmsten Aufgabe dessen wird, der die Macht hat (стр. 66).

ставляетъ положеніе Ливовъ, Эстовъ и Куровъ подъ
вашимъ шестисотлѣтнимъ высокоправственнымъ и
просвѣщеннымъ управленіемъ.

Имѣя въ области своей

Не только что лѣса, но даже воды,

Левъ собралъ на совѣтъ звѣрей:

Кого бѣ надъ Рыбами поставить въ воеводы?

Какъ водится, пошли на голоса:

И выбрана была Лиса.

Вотъ Лисынька на воеводство сѣла.

Лиса примѣтно потолстѣла.

У ней былъ Мужичокъ пріятель, свать и кумъ;

Они вдвоемъ взялись за умъ:

Межъ тѣмъ, какъ съ бережку Лисица рядить,
судить,

Кумъ рыбку удить

И дѣлать съ кумушкой ее, какъ вѣрный другъ.

Но плутни не всегда удачно сходятъ съ рукъ.

Левъ какъ-то взялъ по слухамъ подозрѣне,

Что у него въ судахъ скривился вѣсы,

И, улуча свободные часы,

Пустился самъ своеосматривать владѣнье.

Онъ идетъ берегомъ; а добрый куманекъ,

Наудя Рыбъ, раскладъ у рѣчки огонекъ,

И съ кумушкой пошпровать собирался;

Бѣдняжки прыгали отъ жару, кто какъ могъ:

Всякъ, видя близкій свой конецъ, метался.

На Мужика разинувъ зевъ,

«Кто ты, что дѣлаешь?» спросилъ сердито Левъ.

«Великій государь!» отвѣтствуетъ плутовка.

(У Лисыньки всегда въ запасъ есть уловка.)

«Великій государь!

Онъ у меня здѣсь главный секретарь:

За безкорыстіе уваженъ всѣмъ народомъ;

А это, караси, все жители воды:

Мы всѣ пришли сюды

Поздравить, добрый царь, тебя съ твоимъ прихо-
домъ.»

«Ну, какъ здѣсь судъ идетъ? Доволенъ ли вашъ
край?»

«Великій государь, здѣсь *не житье имъ—рай:*

Лишь только бѣ дни твои безцѣнные продлились.»

(А рыбки между тѣмъ на сковородкѣ бились).

«Да отчего же», Левъ спросилъ: «скажи ты мнѣ,
Хвостами такъ онѣ и головами машутъ?»

«О мудрый Левъ!» Лиса отвѣтствуетъ: онѣ

На радости, тебя увидя, пляшутъ.»

Не могли болѣ тутъ Левъ *явной лжи стерпеть,*

Чтобъ не безъ музыки плясать народу,.

Секретаря и воеводу

Въ своихъ когтяхъ заставилъ пѣть.

Я вамъ очень благодаренъ, г. Ширренъ, за выборъ этой басни изъ поученій нашего знаменитаго наставника. Это дагеротипическое изображеніе Остзейскаго края:

Пришельцы пресыщаются.

«А рыбки между тѣмъ на сковородкѣ бьются!»

Рыбки—Ливы, Эсты, Куры.

Какъ это живо! Какъ это вѣрно!

«Да отчего же...

«Хвостами такъ онѣ и головами машутъ?»

(Поджариваемыя на сковородкѣ).

«Отъ радости...»

проводглашаютъ намъ празднователи обезземеле-
нія Латышей и Эстовъ, и твердятъ намъ гг.
Экартъ, Боккъ, Сиверсъ *es tutti quanti*, къ кото-
рымъ такъ блистательно присоединяетесь теперь и
вы, господинъ Ширренъ.

Кто же не пожелаетъ, во имя священныхъ правъ
человѣчества, (отъ всей души и отъ всего сердца),
музыкальнаго финала трагической ливо-эсто-кур-
ляндской пляски!

Это мѣсто въ вашей книгѣ, господинъ Ширренъ,
такъ мнѣ понравилось, что я привелъ бы его сполна

для русскихъ читателей, подчеркнувъ нѣкоторыя строки, еслибъ письмо мое не было и безъ того уже такъ длинно.

Да, Нѣмцы благоденствуютъ въ Лифляндіи, Эстляндіи и Курляндіи, а русское правительство, образованное общество и, всѣхъ болѣе, благословенный нашъ Царь-Освободитель желаетъ, во исполненіе священнаго долга, на себя, по вдохновенію Божію, по завѣщанію родительскому, принятаго, чтобъ всѣ его подданные, Промыслomъ ему порученные, были устроены одинаково; чтобъ забытые, загнанные, оскотиненные Латыши и Эсты, эти шакалы, по выраженію гуманиста, вопіющаго о западной культурѣ, вздохнули, наконецъ, свободно, сдѣлались людьми и воспользовались всѣми человѣческими гражданскими и историческими своими правами. Словомъ, эманципація Латышей и Эстовъ— вотъ чего не можетъ вынести благородное рыцарство, феодальное дворянство, и изъ-за чего поднимается теперь гвалтъ на всю Европу, чуть не призывается война ея съ Россією. Какъ вы ни стараетесь прикрыть эту настоящую причину вашего гнѣва, вашихъ жалобъ, вашихъ воплей, всей вашей книги, она очевидна для всякаго безпристрастнаго наблюдателя.

Я понялъ бы эти побужденія, присущія английскимъ лордамъ, маркизамъ сен-жерменскаго предмѣстья, нѣмецкимъ баронамъ, и по преимуществу остзейскимъ рыцарямъ, въ которыхъ Булгаринъ еще замѣтилъ какую-то необыкновенную нравственную организацію, или физическое слѣдствіе привычки властвовать надъ безответными рабами, презрѣнными иноплеменниками; но какъ образованный человѣкъ, какъ служитель науки, какъ профессоръ исторіи, въ концѣ 19 столѣтія, можетъ раздѣлять подобныя чувствованія—это понять трудно!

Говорятъ у насъ, что вашъ отвѣтъ написанъ по заказу, по подпискѣ. Я не вѣрю этому слуху: такое оправданіе было бы хуже вины.

Итакъ, споръ нашъ сводится къ вопросу о національностяхъ, къ вопросу о рабочемъ народѣ, о которомъ Европа только что думаетъ, а Россія, съ Царемъ во главѣ, давно рѣшила.

Вы жалуетесь на нарушеніе вашихъ средневѣковыхъ привилегій, видя только себя въ Остзейскомъ краѣ, а мы увидѣли тамъ угнетенныхъ и порабощенныхъ Латышей и Эстовъ, и жалуемся не на нарушеніе, а на совершенное пограніе ихъ естественныхъ правъ вашими привилегіями. Всю вашу книгу мы

оборачиваемъ на васъ, какъ басню Крылова, ставя вездѣ имя Нѣмцовъ вмѣсто Русскихъ, и Латышей съ Эстами вмѣсто Нѣмцовъ.

Вы требуете свободы совѣсти для себя — мы предоставляемъ ее вамъ, и требуемъ ея же для Эстовъ, Ливовъ и Куровъ, обвиняя васъ въ святотатственномъ посягательствѣ на ихъ душу, ссылаясь на Ништатскій договоръ.

Я помню, въ какомъ положеніи возвратился изъ Риги покойный преосвященный Филаретъ, и рассказывалъ мнѣ въ Петербургѣ о тамошнемъ положеніи дѣлъ. Точно въ такомъ положеніи оставилъ прежде Ригу и преосвященный Иринархъ. А что перенесъ преосвященный Платонъ, то ясно было видно изъ прощальной его рѣчи. Въ самомъ дѣлѣ, что должна была чувствовать душа этихъ почтенныхъ служителей церкви, когда они видѣли общее стремленіе народа къ православію, и когда они должны были не только удерживаться отъ всякаго ободренія, призыва, составляющаго душу католичества и протестантства, открыто ими вездѣ исповѣдуемую, но отказываться, уклоняться, прибѣгать даже къ хитростямъ, чтобъ удалять съ приличіемъ желающихъ, *pour sauver les apparences!*

Страшный духовный грѣхъ на свою душу приняла русская церковь, уклоняясь отъ принятія этихъ новыхъ чадъ, стремившихся въ ея объятія! Страшный гражданскій грѣхъ приняли себѣ на душу наши гражданскіе начальники, которые, изъ подобострастія, изъ корыстныхъ видовъ, а всего болѣе по невѣденію, старались препятствовать распространенію православія, и обливали холодною водою со льдомъ горячія просьбы и молитвы жителей латышскаго племени. Впрочемъ отъ начальниковъ-протестантовъ нельзя было и ожидать другаго.

Наше невѣжество всему виною: мы не знаемъ достаточно своей исторіи, своей географіи, своей статистики, своего народа, его духа, мы, профессора, служащіе, чиновники, по всѣмъ ступенямъ правительственной лѣстницы! Но теперь времена перемѣнились къ лучшему. Государь даетъ свободу мысли; мы можемъ пользоваться печатью довольно свободною, разсуждать о государственныхъ вопросахъ, сообщаться свѣдѣніями, хоть иногда и оправдывается простая пословица нашихъ умныхъ предковъ: жалуеть Царь, да не жалуеть псарь!

Если воспитанники римской коллегіи de propaganda fide разсыпаются по всему свѣту, если про-

тестантскіе миссіонеры, англійскіе и нѣмецкіе, работаютъ и въ Америкѣ, и въ Китаѣ, и за Кавказомъ, и въ Малой Азїи, гдѣ я, напримѣръ, недавно видѣлъ даже прусскія училища въ Смирнѣ, въ Бейрутѣ, въ Іерусалимѣ, то какимъ образомъ русскіе проповѣдники не могутъ явиться въ русскихъ областяхъ, куда ихъ призываютъ изъ всѣхъ силъ алчущіе и жаждущіе туземцы?

По моему мнѣнію, надо тотчасъ распорядиться о построеніи церквей въ губерніяхъ Ревельской, Рижской и Митавской, о переводѣ всѣхъ священныхъ и богослужебныхъ книгъ на туземныя нарѣчїя, о напечатаніи ихъ русскими буквами, объ основаніи училищъ при всякой церкви на казенномъ содержаніи. Трактатъ фельдмаршала Шереметева не запрещаетъ намъ строить церкви и совершать богослуженіе на латышскомъ языкѣ, по книгамъ, напечатаннымъ русскими буквами. Позвольте вамъ напомнить опять статью изъ Ништатскаго мира.

Сообщу вамъ кстати, г. Ширренъ, что одинъ мой товарищъ, бывшій профессоръ въ московскомъ университетѣ, оставляетъ скопленный имъ трудами капиталъ, кажется около 25 тысячъ рублей, въ пользу церквей Балтійскаго края, дѣлая меня своимъ душеприкащикомъ...

Вы не хотите ничего Русскаго, вы считаете себя Нѣмцами, такъ за что же мы будемъ учить васъ и употреблять милліоны для вашего образованія себѣ на голову? Сумма, употребляемая по министерству народнаго просвѣщенія на Лифляндію, Эстляндію и Курляндію, должна быть раздѣлена между племенами соразмѣрно ихъ числу. Если придется на долю Нѣмцовъ уже слишкомъ мало, то можно, въ уваженіе ихъ развитія, изъ милости, измѣнить нѣсколько пропорцію въ ихъ пользу. Въ латышскихъ училищахъ и гимназіяхъ всѣ предметы должны, разумѣется, преподаваться порусски.

Лѣтъ тридцать назадъ я представлялъ свои мысли о содѣйствіи образованію славянскихъ племенъ, которыя не были приняты, а теперь оказывается на дѣлѣ, какую пользу могли бы онѣ принести впродолженіи этого времени. Дай Богъ, чтобъ теперешнее настоятельно-нужное мое предложеніе имѣло счастливѣйшій успѣхъ.

Обрусить Эстовъ, Ливовъ и Куровъ есть политическая необходимость, и надо быть слѣпу, чтобъ не видать ея!

Ваше враждебное расположеніе, г. Ширренъ, сквозитъ на всякой страницѣ. Оно дышетъ во всей

вашей книгѣ, какъ это показалъ я выше изъ собственныхъ вашихъ словъ. Васъ удерживаетъ при насъ таже необходимость, которая заставила сдаться фельдмаршалу Шереметеву. Когда Ливы, Эсты и Куры потянутъ сознательно къ Россіи, и сдѣлаются настоящими православными русскими, когда мы будемъ имѣть въ нихъ вѣрныхъ, безусловныхъ подданныхъ, тогда только принадлежность Остзейскаго края закрѣпится за Россіей твердо, мы можемъ быть спокойными за его цѣлость во всякомъ случаѣ; тогда сдѣлаются безопасными для насъ нѣмецкія симпатіи къ Западу; тогда гг. Эккарты, Бокп, Сиверсы, и вы, г Ширренъ, понизите свой голосъ, и мы будемъ спокойно смотрѣть въ глаза г. Бисмарку, слушать равнодушно словоизверженія разныхъ депутатовъ въ нѣмецкихъ палатахъ и читать со смѣхомъ нелѣпности взбалмашныхъ и злонамѣренныхъ газетъ.

Славяне прозѣвали Одеръ, Вислу, Прегель, даже Мемель—такъ надобно заблаговременно застраховать Двину. А то, чего добраго, долго ли до грѣха! Вы хотите отнять Двину, а Поляки Дибиръ—вотъ мы и останемся, какъ раки на мѣли. А что скажегъ на томъ свѣтѣ Петръ Великій? О томъ не думали въ послѣднее время нѣкоторые мѣстные

начальники: при всей своей благонамѣренности и преданности, съ отведенными и отуманенными глазами, они работали на враговъ часто больше ихъ самихъ. Но вотъ теперь они прочтутъ вашу книгу, увидятъ вашу чувствительную имъ благодарность, и образумятся. Русскіе же вѣдь они люди—поймутъ въ чемъ дѣло, отворятъ широкія двери православію и русскому языку между Латышами и Эстами, отстранятъ отъ нихъ всѣ препятствія, полагаемыя помѣщиками и пасторами, дадутъ средства, сохраняя свою національность, сдѣлаются Русскими, а не Нѣмцами, чего, слава Богу, Нѣмцы впродолженіи семи-сотъ лѣтъ своего господства не сѣумѣли, не успѣли и не могли сдѣлать.

Угнетая эти несчастныя племена, низведя, по собственному вашему выраженію, на степень пакаловъ (хотя г. Ширренъ и говоритъ много о *Gleichberechtigung der Menschenwürde* (на стр. 173), вы возбудили противъ себя ненависть, въ которой и получаете наказаніе за свое безчеловѣчіе.

Еслибъ Нѣмцы-помѣщики и Нѣмцы-пасторы умѣли привлечь ихъ къ себѣ, еслибъ сельское сословіе составило одно съ городскимъ и владѣльческимъ,

тогда Россіи не легко было бы управлять въ иномъ возможномъ случаѣ балтійскими своими окраинами.

Великъ русскій Богъ! Поклонимся ему. Только и есть надежда, что на него, да на вдохновеніе Освободителя. Но надо намъ спѣшить; надо, чтобъ Латыши и Эсты не потеряли терпѣнія, не лишились довѣренности къ русскому правительству, о чомъ *такъ хлопочутъ теперь спохватившіеся Осетейцы*. То-есть, надо русить Латышей и Эстовъ во что бы то ни стало, и какъ можно скорѣе. Caveant consules, ne quid respublica detrimenti capiat, восклицаю я къ нашимъ государственнымъ дѣятелямъ.

Вы возстаете противъ этой руссификаціи болѣе всего, г. Ширренъ. Поговоримъ и о ней:

Руссификація... но вѣдь вы хотите онѣмеченія: чѣмъ обрусѣніе грѣшнѣе, преступнѣе онѣмеченія? Вы запрещаете дѣлать намъ то, къ чему сами стремитесь. Позвольте же намъ дѣйствовать по своему усмотрѣнію, какъ мы считаемъ для себя полезнѣе. Въ этомъ отношеніи мы правѣе васъ. Мы будемъ дѣйствовать не насильственно, потому что Латыши и Эсты сами желали и желаютъ русской вѣры и русскаго языка. А вы хотите чтобъ мы продолжали помогать вамъ для вашего

насильственнаго онѣмеченія, точно такъ, какъ русскими штыками помогали мы нѣкогда (что, кажется, не прекращается) польскимъ помѣщикамъ, себѣ на голову, противъ русскихъ крестьянъ. Генералъ-губернаторы-Нѣмцы могли дѣлать это по своимъ понятіямъ, но отъ Русскихъ этого нельзя ожидать вамъ болѣе.

Я говорилъ о насильственномъ вашемъ онѣмеченіи. Чтобъ еще вѣрнѣе и справедливѣе рѣшить въ нашу пользу этотъ вопросъ, не угодно ли употребить въ модѣ *suffrage universel* (всеобщая подача голосовъ). Ну, спросите же Латышей: съ кѣмъ хотятъ они сблизаться больше—съ вами, или съ нами? Вы убѣдитесь, что я говорю правду.

Скажу мимоходомъ вообще: не Нѣмцамъ жаловаться на мѣры этого рода, принимаемыя гдѣ бы то ни было, въ государственномъ смыслѣ—не Нѣмцамъ, которые въ теченіи вѣковъ употребляли и употребляютъ всякія насильственныя и даже сатанинскія средства, чтобъ нѣмечить Славянъ: такъ Пруссаки сдѣлали нынѣшнюю *момеранію* изъ славянскаго *Поморья* съ его Старгардомъ и проч. Такъ Пруссаки онѣмечили Восточную и Западную Прусію и больше половины Познани, Силезію. То же дѣлали и дѣлаютъ Австрійцы въ многочи-

сленныхъ своихъ славянскихъ владѣнiяхъ. Вотъ и Мадьяры—куда конь съ копытомъ, туда и ракъ съ клешней—насилуютъ несчастныя славянскiя племена, попавшiяся имъ въ лапы, благодаря предательской политикѣ Австрiи.

Пора, пора Русскимъ приниматься за умъ, и спасибо вамъ, г. Ширренъ, что вы надоумливаете насъ убѣдительное самого г. Самарина. Ваша книга составитъ вѣрно эпоху въ исторiи русскаго управленiя Остзейскимъ краемъ.

VI.

Я кончилъ препираніе съ вами, господинъ Ширренъ, и доказалъ, если не вамъ, то, надѣюсь, многимъ изъ читателей, исторически, логически, аналогически и всячески, наше право и несправедливость вашихъ притязаній, недостойныхъ времени—пользоваться, попрежнему, безданно, безпозволенно, трудами несчастнаго остзейскаго населенія, изъ-за которыхъ вы, послѣдніе могикане, послѣдніе феодалы въ Европѣ, ломаете теперь свои копья, полученныя въ наслѣдство отъ рыцарей покойныхъ-безпокойныхъ меченосцевъ.

Намъ остается объяснить въ нѣкоторыхъ частныхъ недоразумѣніяхъ.

Вы приписываете книгу г. Самарина какой-то демократической партіи.

Въ томъ-то и горе наше, (а, можетъ быть, выгода и добро), что у насъ нѣтъ никакихъ партій,

а случаются иногда люди, имѣющіе одинаковый образъ мыслей о нѣкоторыхъ предметахъ, хотъ и несогласные между собою въ другихъ. Они дѣйствуютъ, или, вѣрнѣе сказать, не дѣйствуютъ сообща, а говорятъ иногда одно и то же, нисколько не сговариваясь между собою, въ разсыпную, кому, какъ и когда случится, безъ вѣдома прочихъ единомышленниковъ, часто даже между собою не знакомыхъ, а иногда и враждебныхъ. Развѣ партіи западныя такъ поступаютъ? * Въ вопросѣ остзейскомъ всѣ почти московскія и петербургскія газеты совершенно согласны между собою. «Московскія Вѣдомости», покойная «Москва» и покойный «Русскій», «Современныя Извѣстія», «Русскія Вѣдомости», «Голосъ», «Биржевыя Вѣдомости», «Петербургскія Вѣдомости». Скажу еще болѣе: объ этомъ вопросѣ издавна ведется одно и то же мнѣніе между настоящими русскими людьми, *de pur sang*. Я привелъ вамъ въ доказательство мѣста

---

* Вотъ вамъ самое свѣжее тому доказательство: мое письмо напечатано было въ «Голосѣ», и я получилъ по его поводу множество заявленій, адресовъ и телеграмъ со всѣхъ концовъ Россіи, а въ русскихъ газетахъ нигдѣ не сказано о немъ ни единого слова, не упомянуто даже содержаніе: похоже это на партію?

изъ недавно напечатанной записки знаменитаго государственнаго мужа время императрицы Екатерины, Д. П. Трощинскаго, который говорилъ совершенно то же, что говорятъ гг. Аксаковъ, Катковъ, Самаринъ,—не принадлежа ни къ какой партіи.

А хотите ли вы знать, кто такое г. Самаринъ, глашатай сочиненной вами партіи, котораго вы осыпаете ругательствами, не опровергнувъ, однакожь, его показаній, а отдѣлываясь отъ нихъ однѣми общими мѣстами, восклицаніями, и отвлеченными разсужденіями?

Это одинъ изъ образованнѣйшихъ русскихъ людей нашего времени, принадлежащій къ знатной фамиліи (его отецъ, по прежнему счету, имѣлъ до 10,000 душъ крестьянъ, которые раздѣлились между братьями). Онъ былъ однимъ изъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ въ редакціи комиссіи по крестьянскому дѣлу въ Россіи и Польшѣ, и отстаивалъ мнѣніе объ освобожденіи крестьянъ съ землею. Вотъ благородный и высокій источникъ дѣйствій этого велико-и многодушнаго помѣщика и причина живаго участія его въ судьбѣ Латышей и Эстовъ.

Вся образованная Россія рукоплескала его гражданскому мужеству, нынѣ столь рѣдкому и въ

Европѣ, съ которымъ онъ возвысилъ свой голосъ вопреки противной сильной партіи, на пользу племени, угнетеннаго феодальными привилегіями среднихъ вѣковъ.

Въ ослѣпленіи страсти, вы, впрочемъ, уничтожаете сами сочиненную вами партію, угрожающую великими бѣдствіями отечеству, и распространяете ея замыслы на всю породу, Race, по вашему любезному, деликатному выраженію, то-есть на весь Русскій народъ.

Партія въ этомъ случаѣ дѣлается представительницею всего народа, выражающею его мысли и чувствованія; обвиненіе должно вѣнчаться ей въ заслугу и составлять ея славу.

Вы твердите потомъ въ другихъ мѣстахъ о необузданномъ инстинктѣ зловредной породы, (о Русскіе люди! какъ честятъ васъ ваши лойяльные друзья), инстинктѣ, опасномъ для Европейской культуры!! (а порода, какъ Илья Муромецъ, молчитъ и, сидя сиднемъ, досиживаетъ, видно, свои урочные года.)

У страха глаза велики—это правда, но оче видно намѣреніе ваше, госнодинъ Ширренъ, запугать русское правительство открываемою вами перспективою

какого-то народнаго собранія, которое существуетъ только въ вашемъ озлобленномъ воображеніи, возбуждать пустыя подозрѣнія, отвратить отъ законныхъ намѣреній, судя по нѣкоторымъ выраженіямъ, поднять даже всю Европу на насъ изъ-за остзейскаго вопроса, не приносить вамъ чести въ глазахъ благородныхъ людей.

Но оставимъ всѣ эти нелѣпыя и недостойныя сплетни и дразги, обвиненія и оправданія....

Позвольте, въ заключеніе длиннаго моего письма, предложить вамъ только слѣдующій простой вопросъ: Полтора́ста лѣтъ вы живете подь русскимъ владычествомъ. Скажите, положи́те руку на сердце, когда нѣмецкое населеніе Лифляндіи, Эстляндіи и Курляндіи было счастливѣе этого времени?

Подь владычествомъ епископовъ? рыцарей? Подь владычествомъ Польши? Даніи? Швеціи? Проходили ли у васъ когда-нибудь десять лѣтъ въ мирѣ и тишинѣ безъ грабежа, пожаровъ и опустошеній, подь всѣми этими господами? И наоборотъ, что въ послѣднія полтора́ста лѣтъ нарушало ваше спокойствіе? Лифляндія, Эстляндія, Курляндія, благоденствовали вѣдь въ полномъ смыслѣ слова?

Имѣло ли какое-нибудь Европейское самостоятельное, независимое государство, такія внутреннія права, соединенныя съ такими внѣшними выгодами, какія вы имѣли? Есть ли теперь какое-нибудь нѣмецкое владѣніе въ такомъ положеніи? Вы дѣлали дома, что хотѣли, пользуясь безотчетно работою двухъ милліоновъ рабовъ, и бывъ безопасными извнѣ, подъ охраною могущественнаго народа. Вы жили, говоря по просту, какъ у Христа за пазухою.

Этого мало. Жители этихъ губерній, поступающія на Русскую службу, (и не говоря, подобно вамъ, что они ничего не имѣютъ съ нами общаго, не выражая той ненависти и того презрѣнія, которыя дышутъ во всѣхъ вашихъ строкахъ), пользовались и пользуются во всѣхъ сферахъ нашей жизни всѣми возможными правами, преимуществами, выгодами, почестями. Гдѣ жить Нѣмцамъ лучше, чѣмъ въ Россіи? Сколько Нѣмцовъ между министрами, генералами, сенаторами, прокурорами, губернаторами, полковыми командирами, профессорами, медиками и пр. и пр. (а посланники такъ всегда почти всѣ).

Въ какой Европейской странѣ иноплеменники пользуются такими правами и преимуществами, такимъ почетомъ, такими выгодами, какъ Нѣмцы

Россіи? Сколько Нѣмцовъ засѣдаетъ въ англійскомъ парламентѣ? Какіе Италіянцы участвуютъ во французскихъ палатахъ? Есть ли одинъ Англичанинъ въ италіянскомъ управленіи, или одинъ Французъ въ германскомъ? Только Россія, какъ вы сами хвастаетесь, допускаетъ, терпитъ и награждаетъ съ поклонами иноплеменное, по вашему собственному сознанию, нашествіе.

Напомню вамъ кстати отвѣтъ одного изъ самыхъ заслуженныхъ и геніальныхъ русскихъ государственныхъ людей, А. П. Ермолова, который на вопросъ, какой награды онъ желаетъ себѣ, отвѣчалъ еще въ началѣ нынѣшняго столѣтія: «Пусть пожалуютъ меня въ Нѣмцы, а тамъ я буду получать ужь все безъ затрудненія».

Нѣмецкая партія очень сильна. Я печатаю теперь не безъ страха свой отвѣтъ вамъ, отвѣтъ чисторусскій, который у васъ, вѣрно, назовутъ пристрастнымъ, панславянскимъ, кваasio-патріотическимъ. Не безъ страха, говорю, потому что увѣренъ во многихъ для себя непріятностяхъ всякаго рода изъ-за него; но *считаю своимъ гражданскимъ долгомъ, живо чувствуя оскорбленіе народнаго достоинства*, сказать откровенно свое мнѣніе, что бы оно

на меня ни навлекло —разумѣется, въ какихъ-нибудь
трущобахъ. *

И вотъ, за наши благодѣянія, за наши милости,
за наше гостепріимство, господа Ширрены, фонъ-
Бонки, Эккарты *et tutti quanti*, награждаютъ насъ
такою ненавистію, такою злобою и такимъ презрѣ-
ніемъ, изображаютъ Россію такими черными крас-
ками, какими нигдѣ не изображается Турція, смуща-
ютъ Австрію, —накликаютъ на насъ чуть не новой
крестовый походъ, въ подражаніе походамъ Ордена
Нѣмецкаго и Ордена Меченосцевъ на язычниковъ.
Вѣдь это слишкомъ неблагодарно, чудовищно,
даже послѣ австрійскаго Шварценбергова образа
дѣйствій!

Россіи не привыкать-стать къ неблагодарности:
она проливала свою кровь за Прусію и вообще за
Германію въ 1805 и 1806 годахъ, она спасла
Прусію и вообще Германію въ 1813 году отъ вла-
дычества Наполеона, она отвратила при императорѣ
Николаѣ междоусобную войну въ Германіи. А какъ
отзываются теперь о ней члены нѣмецкихъ сеймовъ,
и какія статьи пишутъ сотрудники нѣмецкихъ газетъ!

---

* По долгу справедливости считаю себя обязан-
нымъ заявить, что опасенія мои, слява Богу, оказа-
лись совершенно неосновательными.

Читая ихъ, часто сожалѣешь, что покойный императоръ Александръ не послушался совѣта Кутузова—не переходить Нѣмана и заключить миръ съ Наполеономъ. Вы сами вѣдь говорите (стр. 104), что, по испытанному правилу политики, надо всегда быть въ *доброй дружбѣ съ сосѣдомъ сосѣда*. По крайней мѣрѣ, послѣ лейпцигскаго сраженія, когда союзники сами подавали Александру примѣръ, порываясь къ сепаратнымъ договорамъ, былъ прекрасный случай ихъ прошколить. Александръ I-й могъ получить тогда отъ Наполеона все, что ему угодно, и договариваться поуспѣшнѣе чѣмъ въ Тильзитѣ; мы послушали бы тогда, какимъ голосомъ Германія запѣла бы Артову пѣсню!

Это все позабыто, и въ воспоминаніяхъ о войнѣ освобожденія (Befreiungskrieg) почти не представляется и участія Русскимъ!

Да и теперь;—развѣ судьба Германіи не зависитъ отъ благоволенія Императора Александра II. Прими онъ руку Наполеонову, и мы посмотримъ, что заговоритъ нѣмецкая гордость.

Мы, сѣверные варвары, привыкли, говорю, къ гуманному обращенію съ нами нашихъ западныхъ сосѣдей; но чтобъ нѣмецъ, русскій подданный,

житель Остзейскаго края, служитель науки, профессоръ русской исторіи могъ забыться до такой степени и забыть всё приличія—этого я вообразить не могъ, и отношу къ фізіолого-психологической племенной причинѣ.

Позвольте итогомъ объяснить откровенно.

Мы различаемъ три рода Нѣмцовъ:

1) Нѣмцы нѣмецкіе, обитатели Германіи — мы чтимъ ихъ и уважаемъ, какъ первоклассный народъ въ Европѣ, которому она, и въ ней мы, обязаны за многія услуги наукѣ, искусству, гражданственности, общежитію.

2) Нѣмцы русскіе, обрусѣлые, находящіеся у насъ на службѣ, живущіе между нами — мы ихъ любимъ и благодаримъ за многія услуги, ими намъ оказанныя. Памятникъ Барклаю-де-Толли предъ Казанскимъ соборомъ въ Петербургѣ, рядомъ съ Кутузовымъ, свидѣтельствуетъ о нашей признательности. Къ Тотлебену вся Россія питаетъ одно чувство уваженія. Мы смотримъ на нихъ какъ на нашихъ братьевъ.

3) Нѣмцы остзейскіе, заматорѣлые въ лѣтахъ зрѣлыхъ, поколику согласны они съ сочиненіями фон-Бокковъ, Экартовъ и вашихъ, г. Ширренъ,

являются самыми къ намъ враждебными, оправдывая пословицу: «не воспоя. и не воскормя, не нажить себѣ врага». Вы ненавидите внутренно насъ и несчастныхъ своихъ батраковъ, которыхъ называете шакалами,—и это чувство ненависти, замѣчу мимоходомъ, служитъ самымъ убѣдительнымъ доказательствомъ вашей слабости, по собственнымъ вашимъ словамъ.

А мы, Русскіе, все-таки не ненавидимъ васъ, и въ этомъ чувствѣ безпристрастія, незлобія, *въ этомъ словѣ на мирѣ*, вы должны увидѣть, слѣдовательно, господинъ Ширренъ, нашу силу. Ваше обвиненіе падаетъ на вашу голову.

Мы исповѣдуемъ только, что вѣкъ феодальный, со всѣми своими привилегіями, кончился, и никакихъ провинцій Россія признавать у себя не можетъ, не хочетъ и не должна; Рижская, Митавская и Ревельская губерніи суть, въ государственномъ смыслѣ, совершенно то же, что Московская, Ярославская, Кіевская, и eine gewisse Neutralität есть смѣшной фантомъ, который могъ зародиться только въ головѣ избалованнаго остзейца. Если во

---

* С. 106. Wir finden in Ihrem Hasse das entscheidende Zeichen Ihrer Schwäche.

всей Европѣ съ 1710 года не осталось ни одного трактата въ цѣлости изъ заключенныхъ между самостоятельными равноправными государствами, то какая капитуляція можетъ удерживаться въ странѣ завоеванной! Россія терпѣла тамъ феодальныя, гильдейскія и цеховыя права среднихъ вѣковъ, а теперь терпѣть ихъ больше нельзя, и она должна стремиться, вопервыхъ, къ полной эманципации и обрусенію Латышей и Эстовъ, съ землею, а вовторыхъ, къ уравниенію правъ нашихъ съ вашими въ балтійскихъ губерніяхъ, какъ ваши права равны съ нашими во всѣхъ прочихъ.

Мы желаемъ вамъ образумиться, опомниться, повиниться предъ нами, отказаться отъ 900 листовъ сгорѣвшихъ вашихъ дигестовъ (гори огнемъ и остальные, кромѣ оригиналовъ для *историческиххъ* справокъ), и рука въ руку идти съ нами дружно, на встрѣчу новой жизни, открываемой благодушнымъ Государемъ, по слѣдамъ незабвенной его прабабки, Императрицы Екатерины II, Нѣмки по происхожденію, но Русской по своимъ чувствамъ и любви къ отечеству, сознавшей глубоко свои великія царственныя обязанности.

Она сказала о себѣ торжественно: «я не Курляндская Герцогиня, а Всероссийская Императрица». Такъ точно Александръ II есть не Герцогъ Лифляндскій, а Императоръ Всероссийскій, за котораго мы, Русскіе, и молимся:

Боже, Царя храни,
Освободителя!

Сильный, державный,
Царствуй на славу намъ,
Царствуй на страхъ врагамъ,
Царь *православный*.

Боже, Царя храни!

Июля 12.

Post-scriptum.

I.

...Остзейскихъ Нѣмцевъ мы, Русскіе, не считали никогда намъ чуждыми, и даже не могли никогда вообразить, чтобъ они относились къ намъ такъ, какъ даетъ понять книга г. Ширрена. Я писалъ объ ней, сознаюсь, сгоряча, въ совершенномъ раздраженіи, оскорбленный въ чувствѣ своего національнаго достоинства, а на брань слово купится, говоритъ пословица. Успокоясь теперь, я прихожу къ мысли, что книга г. Ширрена выражаетъ убѣжденія и чувствованія, взгляды, принадлежащія ему съ немногими, можетъ быть, знакомыми, и, вѣроятно, осуждается большинствомъ.

Въ такомъ случаѣ пусть большинство торжественно откажется отъ нея, опровергнетъ ее, изъявитъ глубокое свое сожалѣніе, что такая книга напечатана, — и мы, русскіе люди, съ величайшимъ удовольствіемъ извинимся въ минутномъ подозрѣніи, обнимемъ братски попрежнему, и забудемъ, что между нами пробѣгала черная кошка; пожелаемъ, чтобъ новая какая-то нерусская партія въ Остзейскомъ краѣ перевелась какъ можно скорѣе, или перестала сѣять раздоръ. Для общей пользы, для общаго блага, знамъ нужно единомысліе и взаимное доброжелательство. Худой миръ лучше доброй ссоры.

Мнѣ случилось увидѣть письмо остзейскаго помѣщика, не подписавшаго своего имени, къ русскому помѣщику, съ вопросами о русском хозяйствѣ. Письмо написано въ нѣмецкомъ духѣ, но такимъ тономъ и такимъ языкомъ, какимъ говорить и спорить можно, нисколько не сердясь. Это не то, что г. Ширренъ, поднимающій всю желчь. *Audiatur et altera pars.* Русскіе люди, вѣрно, будутъ готовы взять пазадъ тѣ обвиненія, коихъ докажется несправедливость. Авторъ анонимнаго письма свидѣтельствуешь о хорошемъ состояніи эстонскаго крестьянскаго хозяйства. Исключенія бываютъ вездѣ, въ этомъ нѣтъ никакого сомнѣнія. Во всякомъ случаѣ, мы желаемъ слышать подтвержденія его извѣстія, и вмѣстѣ имѣть подробныя свѣдѣнія о Лифляндіи и Курляндіи.

Что касается до моихъ словъ о состояніи крестьянъ въ Остзейскомъ краѣ, основаніемъ ихъ служили: донесеніе генераль-губернатора Палена, записка генераль-губернатора Головина, мною лично отъ него полученная, кажется, въ 1851 году, сочиненіе г. Самарина того же времени, «Записки Латыша», корреспонденціи всѣхъ почти русскихъ газетъ, и, наконецъ, множество писемъ, полученныхъ мною самимъ изъ края во время изданія мною газеты «Русскій».

Село Песочна.

Августа 6.

II.

Въ отвѣтъ на этотъ post-scriptum отозвался лифляндскій помѣщикъ присланнымъ на имя рязанскаго помѣщика письмомъ, котораго я не имѣю права напечатать, но имѣю право объяснить въ томъ, что до меня касается.

Лифляндскій помѣщикъ упрекаетъ меня, почему я, въ исполненіе историческаго долга, не ознакомился съ сочиненіями нашихъ противниковъ, гг. Эккарта, Бокка, Штиллинга и самаго г. Ширрена, а ссылаюсь только на однѣ вышеупомянутыя показанія, которымъ онъ не придаетъ никакой цѣны и осуждаетъ безусловно. Отвѣчаю:

Еслибъ онъ прочелъ мое письмо къ г. Ширрену, то увидѣлъ бы, съ какой точки я смотрю на вопросъ, и нужно ли мнѣ короткое знакомство съ поименованными господами.

Я знаю гг. Эккарта, Бокка, Штиллинга, Ширрена, достаточно, чтобъ судить объ ихъ духѣ, объ ихъ направленіи, объ ихъ правѣ. Г. Ширренъ представилъ намъ ясное зеркало, въ которомъ они всѣ, какъ онъ самъ, отразились съ поразительной истиной, за что всѣ мы Русскіе, замѣчу мимоходомъ, и обязаны ему искреннѣйшей благодарностью.

Впрочемъ безъ ихъ сочиненій я знаю, что латышскіе и эстонскіе крестьяне не получили до сихъ поръ во владѣніе земли, на одинакихъ, законами опредѣленнчхъ, правахъ, съ крестьянами русскими, польскими и грузинскими; я знаю, что множайшіе изъ нихъ желаютъ учиться по русски и обратиться къ православію, даже для того только, чтобъ не имѣть ничего общаго съ своими угнетателями, и на каждомъ шагу встрѣчаютъ препятствія; я знаю, что Русскіе люди въ этихъ русскихъ губерніяхъ стѣснены въ своихъ дѣйствіяхъ. Вотъ основанія, по которымъ я считаю нынѣшній порядокъ вещей въ губерніяхъ Ревельской, Рижской, Митавской, не сообразнымъ, не совмѣстнымъ съ настоящимъ состояніемъ Русской имперіи и Русскаго народа.

Ежедневныя извѣстія, получаемыя оттуда всѣми русскими газетами, утверждаютъ меня въ этомъ мнѣніи; вотъ, на примѣръ, что вчера напечатано въ Московскихъ Вѣдомостяхъ, № 233, о расправѣ одного помѣщика съ четырьмя эстонскими мальчиками, — того нѣтъ силы даже повторить здѣсь: такъ оно возмутительно!

Г Самаринъ напечаталъ еще недавно исторической свой очеркъ: Православные Латыши въ 1841 и 1842 годахъ: здѣсь представлены такія возмутительныя дѣйствія, о которыхъ нельзя читать безъ жгучаго негодованія. Желалъ бы я услышать

отъ лифляндскаго помѣщика опроверженіе всѣхъ тѣхъ бытей (фактовъ), которыя здѣсь подъ числами, и съ помѣтами, авторъ выставляетъ.

Лифляндскій помѣщикъ, сколько я могу судить по двумъ его прочтеннымъ мною письмамъ, есть честный, благородный человекъ, любить Русскихъ, и преданъ Россіи *, — точь въ точь, какъ покойный баронъ Паленъ, столь живо изображенный г. Самаринымъ,—и между тѣмъ такой достойный человекъ не можетъ, видно, освободиться отъ своихъ предубѣжденій, съ которыми родился, не можетъ освободиться отъ тѣхъ понятій, которыя всосалъ въ себя съ молокомъ, отъ тѣхъ правилъ, которыхъ набрался изъ окружающаго воздуха, и въ которыхъ утвердился всею своею жизнію.

Онъ убѣжденъ «въ преслѣдованіяхъ несчастныхъ (!!!) Нѣмцевъ прибалтійскаго края.»

Неужели Латыши и Эсты ихъ счастливые?!

Онъ думаетъ, что N. N. N. и «подобныя передовыя личности современной Россіи требуютъ, чтобъ Нѣмцы—подданные въ порядочно-организованномъ(?) прибалтійскомъ краѣ, отреклись отъ языка, вѣры,

---

* Лифляндскій помѣщикъ такъ говоритъ о себѣ въ заключеніи своего письма: «въ этомъ (см. ниже) убѣждаетъ васъ старикъ, разбирающій и наблюдающій объективно возникшее разномысліе,—старикъ, искренно любящій Русскихъ, которымъ онъ премного обязанъ и благодаренъ за оказанное добро, съ самыхъ дѣтскихъ лѣтъ и до старости.»

обычаевъ, отцевъ своихъ. Эти до сихъ поръ препорядочные люди,» говоритъ онъ, «образцовые полезные подданные, непремѣнно сдѣлаются сплошь и рядомъ негодяями съ той поры, какъ совершится безстыдная измѣна противъ самыхъ священныхъ залоговъ ихъ духовной и нравственной жизни.»

Да будетъ проклятъ тотъ, скажу я въ отвѣтъ ему, вмѣстѣ съ нимъ, торжественно, за себя, и почти за всѣхъ изъ тѣхъ Русскихъ людей, которыхъ обвиняетъ онъ, — да будетъ проклятъ тотъ, кто осмѣлится посягнуть на языкъ, вѣру, обычай Нѣмцевъ въ Остзейскомъ краѣ. Не только ни одного дѣйствія, — ни одного движенія, ни одной мысли подобной, во всемъ русскомъ обществѣ, никогда не бывало, какъ и не есть. Какъ, съ чего, почему, можно было возымѣть подобную мысль, для меня непостижимо.

Честный, благородный лифляндскій помѣщикъ видитъ только себя, Нѣмцевъ, въ трехъ губерніяхъ, и не видитъ туземнаго племени: онъ имѣетъ духъ или ослѣпленіе жаловаться въ этомъ письмѣ на необузданность русской печати, и на запрещеніе возражать ей въ нѣмецкихъ газетахъ, издававшихся подъ цензурою господъ Ширренцовъ! на не допущеніе обвиняемыхъ даже оправдываться и уличать клеветниковъ въ безсовѣстной лжи.

А баронъ Паленъ лгалъ и клеветалъ? А докторъ Меркель лгалъ и клеветалъ?

Нѣкоторыхъ изъ называемыхъ клеветниковъ, почти всѣхъ, я знаю съ ихъ дѣтскихъ лѣтъ, не только юношескихъ и университетскихъ, и увѣренъ въ ихъ благородствѣ, въ чистотѣ ихъ намѣреній, въ ихъ уваженіи истины, въ ихъ искреннемъ желаніи всякаго добра Русскимъ, Полякамъ, Нѣмцамъ, Славянамъ, Европейцамъ, и всему человечеству. Они могутъ ошибаться, какъ всѣ мы, люди, ошибаемся, но обвинять ихъ такъ, какъ вы обвиняете, приписывать имъ какіе-нибудь злые умыслы, противъ кого бы то ни было, заднія мысли — нелѣпость, грѣхъ!

Возражайте намъ дѣломъ, а не словомъ, докажите намъ нашу неправду благосостояніемъ Латышей и Эстовъ, отрекитесь отъ.... г. Шпрена и аггеловъ его, — по крайней мѣрѣ отъ того, что они говорятъ теперь, — и мы обнимемся съ вами дружески и братски.

Самаго г. Шпрена мнѣ больно знать въ такомъ болѣзненномъ ослѣпленіи, и я отдѣляю въ немъ историка отъ зараженнаго остзейца.

«Нашему «нѣмецкому духу», заключаетъ неизвѣстный лифляндскій помѣщикъ, не нравится приведенная г. Погодинымъ пословица: худой миръ лучше доброй ссоры, — дружеское обниманіе съ кулакомъ въ карманѣ и грязью въ запасѣ для забрасыванія друга изъ-за уголка; правдолюбивая наша совѣсть сдружилась-бы со смысломъ, діаме-

трально противоположнымъ приведенному г. Погодинымъ, признавая «добрую ссору лучше худаго мира, и честную смерть лучше постыдной жизни.»

Совершенно согласенъ съ вами, и русская, не менѣе, покрайней мѣрѣ, нѣмецкой, правдолюбивая совѣсть, не употребить некогда приведенной по-словицы въ строгомъ смыслѣ: она сорвалась у меня съ языка въ минуту, когда я слышалъ, почувалъ глубокую, какую-то физиологическую, ненависть въ разбираемыхъ мною словахъ. Мнѣ противно вспомнить даже о тогдашнемъ моемъ отъ нихъ впечатлѣніи.

«Не взирая на неподлежащій сомнѣнію исходъ борьбы карлика съ великаномъ», оканчиваетъ свое письмо лифляндскій помѣщикъ, «борьбы, при которой не допускаются никакія орудія, руки, ноги и языкъ карлика связаны, и одной матеріальной силѣ и физической тяжести великана предоставлено дѣйствовать въ волю, правда, истина, святость исполненія клятвы и самая честь о сю пору за нами— и за насъ: въ этомъ убѣждаетъ васъ» и проч.

Нѣтъ, нѣтъ и нѣтъ, а доказательства смотри выше.

М. П.

Октября 28.

Объясненіе.

Г. Скрипичинъ написалъ письмо къ издателю газеты Nord, по извѣстію Биржевыхъ Вѣдомостей, (№ 295), въ коемъ одобряя мои статьи, помѣщенные въ «Голосѣ» противъ профессора Ширрена, онъ упрекаетъ меня за то, будто я, въ прибавленіи къ своимъ статьямъ, сказалъ утвердительно, «что г. Ширренъ выражалъ исключительно личныя свои мнѣнія, опровергаемыя большинствомъ его соотечественниковъ»; и будто я далѣе сказалъ: «это большинство торжественно отрекается отъ мнѣній г. Ширрена и отвергаетъ ихъ». Г. Скрипичинъ требуетъ отъ меня доказательствъ этого положенія. Имѣю честь отвѣтить, что ни того, ни другаго, *въ такомъ смыслѣ*, я не говорилъ.

Я хотѣлъ поставить остзейское большинство въ необходимость отвѣчать мнѣ категорически: да или нѣтъ, то-есть или признать положенія г. Ширрена своими, или отъ нихъ отказаться.

(Считаю излишнимъ пояснять, для чего мнѣ нужна была, между прочимъ, такая дилемма).

«...Книга г. Ширрена ...*въпрямую*, осуждается большинствомъ», сказалъ я. «*Въ такомъ случаѣ пусть большинство торжественно откажется отъ нея, опровергнетъ ее, изъяснитъ глубокое свое сожалѣніе, что такая книга напечатана*».... Гдѣ же здѣсь утвержденіе,

спрашиваю, что большинство отрекается? Я требовалъ еще только отреченія, которое не произносится, слѣдовательно и проч.

Многоуважаемый г. Скрипицынъ извинитъ меня, что вмѣсто требуемыхъ имъ доказательствъ я представилъ другія, въ защиту и оправданіе моихъ словъ, понятыхъ неправильно; желаю, чтобъ онъ принялъ эти доказательства съ тою же благосклонностію, съ какою принялъ все мое письмо.

М. П.

P. S. Долгъ справедливости требуетъ прибавить, что я слышалъ уже о подобномъ недоразумѣніи еще двухъ уважаемыхъ мною лицъ. Не понимаю, чему приписать ихъ. Пусть откажется, пусть опровергнетъ, возскорбитъ и проч. говорилъ я. Какимъ оборотомъ рѣчи могъ бы я выразить яснѣе мою мысль, и крѣпче припереть къ стѣнѣ, по выраженію графа Бейста, почтенное сословіе? Еслибъ я думалъ, что оно отрекается, то зачѣмъ же бы мнѣ было вызывать его на отреченіе, на опроверженіе, на прискорбіе?

Надѣюсь, что симъ моимъ объясненіемъ удовлетворятся всѣ недоразумѣвавшіе.

1 Ноября.

ПРИЛОЖЕНИЯ.

П Р И Г Л А Ш Е Н І Е

КЪ ПОЖЕРТВОВАНІЯМЪ ВЪ ПОЛЪЗУ ПРАВОСЛАВНЫХЪ
ЦЕРКВЕЙ ВЪ ПРИБАЛТІЙСКИХЪ ГУБЕРНІЯХЪ.

«Послѣдуя примѣру Апостоловъ, которые не только располагали Христіанъ къ благотворительности, но и сами собирали милостыню въ пользу бѣдныхъ церквей (1 Кор.26, 1—3), молимъ васъ, братія, окажите посильную помощь бѣдной рижской епархіи. Эта епархія, недавно образованная по случаю обращенія лифляндскихъ крестьянъ въ православіе, имѣетъ нужду во всемъ— и въ святыхъ иконахъ, и въ богослужебныхъ книгахъ и священныхъ облаченіяхъ, и въ прочей церковной утвари; преимущественно же нуждается она въ храмахъ Божіихъ, ибо въ большей части ея приходовъ нѣтъ настоящихъ церквей, и богослуженіе по необходимости совершается въ частныхъ зданіяхъ, вовсе неприличныхъ для священнодѣйствій, напримѣръ въ домахъ военнаго поста, въ рабочихъ избахъ и сараяхъ!»

Такъ, четыре года тому назадъ, взывалъ ко всѣмъ сынамъ православной церкви бывший рижскій архіепископъ, высокопреосвященный Платонъ; такъ описывалъ онъ положеніе православныхъ храмовъ Божіихъ въ губерніяхъ Лифляндской, Курлянской и Эстляндской,—въ той окраинѣ обширной Россіи, гдѣ пачало

православія относится несомнѣнно къ XIII вѣку! Неизвѣстно, насколько щедры были пожертвованія, вызванныя этимъ голосомъ архипастыря; но къ сожалѣнію, положительно можно утверждать, что состояніе православныхъ храмовъ въ тѣхъ губерніяхъ съ той поры мало въ чемъ измѣнилось къ лучшему: церкви, по прежнему, помѣщаются въ наемныхъ, не приспособленныхъ къ тому зданіяхъ; по прежнему онѣ, по выраженію одного изъ тамошнихъ священнослужителей, «богаты только одинаковою бѣдностію» и носятъ на себѣ печать жалкаго, круглаго сиротства; по прежнему онѣ нуждаются во всемъ: въ иконахъ, въ облаченіяхъ, въ утвари, въ книгахъ... То богослуженіе, которое, въ утѣшеніе и назиданіе всей православной Руси, на всемъ протяженіи Имперіи, совершается такъ торжественно и открыто,—здѣсь, какъ бы пристыженное, прячется въ тѣсныхъ лачугахъ, едва примѣтныхъ, съ трудомъ отыскиваемыхъ, тогда какъ тутъ же рядомъ горделиво высятся лютеранскіе храмы, или красуется пышная синагога. Многія церкви зачастую не имѣютъ даже тѣхъ нѣсколькихъ конеекъ, на которыя можно было бы купить запрестольныхъ свѣчъ, или необходимыя просфоры и вино. Есть церкви, которыя чуть не ежегодно переносятся изъ одного зданія въ другое, и бывають вынуждены занять тѣ комнаты, гдѣ незадолго предъ тѣмъ помѣщался шинокъ, гдѣ совершилось самоубійство

Все это горькая истина. Для примѣра, вотъ на достовѣрныхъ данныхъ основанное перечисленіе нуждъ нѣкоторыхъ изъ православныхъ церквей:

1) *Туккумская* церковь (въ Курлянской губерніи). Здѣсь священнослужителямъ приходится отправлять богослуженіе въ разодранныхъ ризахъ,—въ ризницѣ

имѣется только одинъ стихарь, и когда, въ недавнее время, понадобился другой, то оказалось, что ни одна изъ православныхъ церквей въ Курляндіи не имѣеть лишняго, чтобы снабдить имъ на время туккумскую церковь. Не разъ случалось, что на престолѣ, по немѣннѣю на что купить свѣчи, возжигались простыя елейныя лампадки. Въ теченіе шестнадцати послѣднихъ лѣтъ, церковь семь разъ переносилась изъ одного наемнаго зданія въ другое и вынуждена теперь помѣститься въ домѣ, въ которомъ владѣлецъ его повѣсилъ, — вынуждена потому, конечно, что не кому другому было отдать этотъ домъ въ наймы. Полный недостатокъ во всемъ: между иконами самое видное мѣсто занимаетъ *литографированное* изображеніе свв. первоучителей Кирилла и Меѳодія; нѣтъ даже средствъ пріобрѣсти икону святителя Николая, во имя котораго церковь сооружена; нѣтъ иконы двенадцатыхъ праздниковъ; святцы православной церкви имѣются только за мѣсяцы сентябрь по январь; изъ сосудовъ крайне нужны: мурносица, сосуды для освященія воды и благословенія хлѣбовъ и др. Говоря короче, здѣсь не достаетъ всего, даже богослужебныхъ книгъ. Туккумскій приходъ одинъ изъ тѣхъ, гдѣ въ послѣднее время совершилось всего болѣе отпаденій отъ православія, не взирая на то, что оно водворилось здѣсь съ давней поры; причины этихъ отпаденій объясняются единственно бѣдностію туккумскаго храма и невозможностію для духовенства посѣщать всѣхъ прихожанъ, раскинутыхъ на большомъ пространствѣ. Чтобы помочь этому послѣднему неудобству, Туккумское православное братство (возникшее въ недавнее время), не смотря на ограниченность своихъ средствъ, устроило молитвенный домъ въ городѣ Тальсенѣ для прихожанъ

того уѣзда; голыя стѣны этого дома украшаетъ всего только одна икона, которую церковь удѣлила отъ своей бѣдности; затѣмъ не имѣется ни церковныхъ книгъ, ни одного стихаря, ни подсвѣчника, ни паникадила, ни колокола.

2) *Виндавская* церковь (въ Курляндской губерніи) еще бѣднѣе туккумской. Въ послѣднее время здѣсь возникла мысль объ учрежденіи приходскаго братства; съ этою цѣлью заведена особая книга, для выписыванія обязательныхъ для каждаго прихожанина жертвъ въ пользу церкви. Книга эта обошла всѣхъ, безъ исключенія, бѣдняковъ прихожанъ, отозвавшихся на сдѣланный къ нимъ призывъ полнымъ сочувствіемъ: оказалось, что все ихъ посильное пособіе церкви и причту доходить только до 5 р. въ годъ.

3) *Гольдингенская* церковь (въ Гольдингенѣ, Курляндской же губерніи), по бѣдности и недостатку во всемъ нужномъ для богослуженія, равняется съ туккумскою. Она тоже, въ теченіе семнадцати уже лѣтъ, помѣщается въ наемныхъ домахъ, а въ послѣднее время—исключительно только въ домахъ евреевъ, ибо между домовладѣльцами не евреями не нашлось ни одного, кто согласился бы дать ей пріютъ. Въ настоящее время церковь квартируетъ въ такомъ убогомъ еврейскомъ домикѣ, да еще стѣна объ стѣну съ хлѣвомъ, что если наберется человекъ десять молящихся, то въ ней, по тѣснотѣ и духотѣ, оставаться нельзя. А между тѣмъ въ томъ же Гольдингенѣ находятся двѣ богатыя синагоги, номѣщающіяся въ особомъ зданіи.

4) *Баусская* церковь снабжена при открытіи кое-чѣмъ изъ необходимаго митавскою церковью, извѣстною по своей бѣдности.

5) Также велики нужды *православнаго храма во имя Св. Николая*, освященнаго въ 1868 году; въ *Либавь*, величающейся богатствомъ иновѣрческихъ храмовъ, но гдѣ православная церковь доселѣ не имѣла особаго зданія. Ко дню освященія не было ни висячихъ лампадъ, ни паникадила предъ иконостасомъ, ни даже завѣсы къ царскимъ вратамъ; оба священника либавской православной церкви не могли участвовать вмѣстѣ при богослуженіи, потому что не имѣлось облаченія: въ продолженіе двухъ лѣтъ они поочередно облачаются въ одну и ту же ризу. Хотя, въ послѣднее время недостатки храма нѣсколько восполнены частными пожертвованіями, но не смотря на то, вновь воздвигнутая церковь такъ бѣдна, что не имѣетъ средствъ поправить купель, обратившуюся отъ времени въ рѣшето.

6) Православная церковь въ *Митавь* имѣетъ въ годъ кошельковаго сбора отъ 40 до 50 р. Въ этомъ заключаются всѣ ея средства, среди иновѣрческаго населенія.

7) *Куркундская* православная церковь (въ Перновскомъ уѣздѣ, Лифляндской губерніи) уже 12 лѣтъ помѣщается въ ветхомъ деревянномъ сараѣ, который въ настоящее время грозитъ разрушеніемъ: онъ покрявился на одинъ бокъ, крыша на сараѣ обратилась въ рѣшето: въ стѣнахъ щели въ два и три пальца, сквозь которыя пробираются снѣгъ и дождь; утварь, облаченіе и всѣ принадлежности богослуженія, по своей бѣдности, совершенно соотвѣтствуютъ наружному виду этой, болѣе чѣмъ убогой, церкви.

8) Прихожане *Тугаланскаго прихода*, той же губерніи, числомъ до 3000 человекъ, имѣютъ до сихъ поръ, вмѣсто храма, убогій молитвенный домъ, *длиною въ 4*

сажени, шириною въ 2 сажени 1 аршинъ. Такое крошечное пространство предназначено для молитвы трехъ тысячъ православныхъ прихожанъ.

Что сказано объ этихъ восьми православныхъ церквяхъ, то можетъ быть сказано и обо всѣхъ остальныхъ: всѣ онѣ «одинаково богаты только бѣдностію», потому что православные Латыши-прихожане сами бѣдствуютъ въ полномъ смыслѣ слова и положительно не въ состояніи помогать своимъ храмамъ. Поставленное лицомъ къ лицу съ болѣе численными иновѣрцами въ постоянной борьбѣ съ вѣронсовѣдными и національными предубѣжденіями, а вслѣдствіе того и съ тяжкою матеріальною нуждой, наконецъ разрозненное чуть не на отдѣльныя единицы, православное туземное населеніе въ прибалтійскихъ губерніяхъ томится сознаніемъ своего безсилія и безпомощности.

Безсиліе и безпомощность! И это въ предѣлахъ Русскаго государства, гдѣ Православіе является жизненною народною стихіей! Безсиліе и безпомощность тамъ, гдѣ за несчастными православными Латышами стоитъ болѣе полусотни милліоновъ православнаго русскаго народа! Такое противоестественное бѣдствование православія на одной изъ русскихъ окраинъ объясняется только тѣмъ, что вѣсть о томъ еще не дошла до свѣдѣнія русскаго общества, еще не проникла въ тѣ народные слои, откуда неоскудѣваемымъ источникомъ льются жертвы на созиданіе и украшеніе храмовъ Божіихъ, гдѣ связь единовѣрія сильнѣе и дѣйствительнѣе всякой иной внѣшней связи. Наконецъ, дѣлу благотворенія въ Россіи часто полагаетъ помѣху неудобство непосредственныхъ сношеній съ нуждающимися и недостатокъ способовъ, даже при общей готовности жертвовать, къ достиженію благотворительныхъ цѣлей.

Въ этихъ видахъ, нѣкоторыя московскія дамы, сочувствуя дѣлу православія въ прибалтійскихъ губерніяхъ и желая послужить ему по мѣрѣ силъ и возможности, рѣшаются предложить свое посредничество для доставленія бѣдствующимъ храмамъ Божиимъ всѣхъ тѣхъ пособій, которыми пожелаетъ облагодѣлать ихъ русская православная щедрость. Всякое приношеніе въ пользу православныхъ церквей, церковныхъ братствъ и школъ въ Лифляндской, Курляндской и Эстлянской губерніяхъ, доставленное по одному изъ нижеозначенныхъ адресовъ, будетъ немедленно передаваемо на мѣсто, а имена жертвователей и подробные отчеты въ употребленіи пожертвованій будутъ обнародываемы посредствомъ московскихъ газетъ. Въ полномъ упованіи, что такой призывъ не можетъ остаться безъ отзыва въ нашей православной Россіи, съ Божіею помощью приступаемъ къ дѣлу. Пожертвованія вещами и деньгами могутъ присылаться на наши имена, по слѣдующимъ адресамъ, а также и прямо въ редакцію *Московскихъ Вѣдомостей*.

Графиня Александра Сергѣевна Панина, на Большой Никитской, въ домѣ княгини Мещерской.

Княгиня Екатерина Алексѣевна Черкасская, на Пречистенкѣ, въ домѣ Толмачевой.

Софья Петровна Каткова, на Страстномъ бульварѣ, въ домѣ университетской типографіи.

Александра Николаевна Бахметева, на Малой Дмитровкѣ, въ домѣ Ханыковой.

Софья Георгіевна Крестовникова, на Собачьей площадкѣ, въ собственномъ домѣ.

Анна Федоровна Аксакова, на Большой Дмитровкѣ,
домъ Хлудова

Княгиня Марія Александровна Мещерская, на Никит-
ской, въ своемъ домѣ.

Дамы, желающія присоединиться и принять участіе
въ собираніи и отсылкѣ пожертвованій, благоволятъ
присылать свои заявленія на имя графини Александры
Сергѣевны Паниной.

Московскій Архипастырь, высокопреосвященный ми-
трополитъ Иннокентій, предложилъ московскому духо-
венству удѣлить по возможности отъ избытковъ москов-
скихъ церквей на нужды бѣдствующихъ православныхъ
церквей въ прибалтійскихъ губерніяхъ. Обращаемъ
вниманіе московскаго духовенства на вышенапечатан-
ное *Приглашеніе*. Нѣтъ сомнѣнія, что бѣдственное
положеніе православныхъ церквей въ прибалтійскихъ
губерніяхъ вызоветъ дѣятельную помощь со стороны
всѣхъ, кому дорого *Православіе*. По этому нельзя не
желать, чтобы извѣстность этого *Приглашенія* была
распространена по приходамъ какъ можно болѣе.

**Сборъ пожертвованій въ пользу право-
славныхъ церквей прибалтійскихъ гу-
берній.**

Извѣстія о бѣдственномъ положеніи православна-
го населенія этихъ губерній и прежде доходили до свѣ-
денія русскаго общества по разнымъ газетнымъ стать-
ямъ и корреспонденціямъ: но эти извѣстія были
отрывочны и не были соединены съ какимъ-нибудь
общественнымъ начинаніемъ въ пользу бѣдствующихъ.

Теперь, благодаря сочувствію московскаго общества, положеніе православныхъ въ прибалтійскихъ губерніяхъ достигло общественнаго сознанія, цѣльно обозначилось въ упомянутомъ *Приглашеніи* и вызвало въ Москвѣ, этомъ средоточіи православія въ Россіи, общественное благотворительное предпріятіе. Каждый получаетъ теперь возможность—оказать посильную помощь нуждающемуся краю.

Нельзя не отнестись съ сочувствіемъ къ этому дѣлу, нельзя не пожелать ему всякаго успѣха. Положеніе бѣднаго православнаго населенія въ прибалтійскомъ краѣ вполне заслуживаетъ дѣятельной помощи отъ русскаго общества. Эта помощь, какъ дѣло общественное, еще въ первый разъ будетъ обращена въ этотъ край. Для многихъ мѣстностей нашего отечества, въ видахъ вѣрнѣйшаго содѣйствія успѣхамъ православія, организованы болѣе или менѣе обширныя общественныя предпріятія. Такъ для распространенія православія въ дальнихъ предѣлахъ Сибири и для содѣйствія успѣхамъ тамошнихъ миссій учреждено миссіонерское общество, отнынѣ ввѣряемое руководству опытнѣйшаго миссіонера, московскаго митрополита Иннокентія; для возстановленія и распространенія православнаго христіанства на покоренномъ Кавказѣ существуетъ также особое, правильно устроенное общество; на западный край была уже обращена общественная русская благотворительность, и православныя церкви и школы того края болѣе или менѣе поддерживаются учрежденіемъ особыхъ кружекъ во всѣхъ церквахъ Россіи и т. д. Одинъ прибалтійскій край доселѣ еще оставался предоставленъ собственнымъ силамъ. Но положеніе православныхъ въ этомъ краѣ въ настоящее время выяснилось окончательно: православные жители

Лифляндіи, Курляндіи и Эстляндіи такъ бѣдны, что они не въ состояніи прилично устроить и содержать свои храмы. Попытки создать тамъ мѣстные общественныя предпріятія съ благотворительными цѣлями въ видѣ братствъ, обществъ и попечительствъ остались безуспѣшны и только еще болѣе доказали безсиліе мѣстнаго православнаго общества. Настоятъ потребность— и время уже удовлетворить этой потребности—образовать внутри Россіи общественное благотворительное учрежденіе въ пользу православныхъ церквей и школъ въ прибалтійскихъ губерніяхъ.

Предпріятіе московскихъ дамъ—помочь православнымъ прибалтійскихъ губерній—съ сочувствіемъ принимается всѣмъ, до кого только доходитъ напечатанное ими *Приглашеніе*, такъ что еслибы оно было роздано по приходамъ въ Москвѣ и внутреннихъ губерніяхъ,— благосостояніе православныхъ прибалтійскихъ церквей скоро и легко было бы обезпечено. Къ 1-му марта обществомъ было собрано болѣе 8000 р. и церковной утвари на такую же сумму. Впереди жертвователей стоятъ—Государыня Императрица, которой угодно было пожаловать 26 иконъ, и Августѣйшіе Дѣти Ихъ Величествъ, коими пожертвовано 900 р. Не перечисляя именъ другихъ жертвователей, скажемъ только, что извѣстный своими пожертвованіями въ пользу православныхъ церквей Ш. И. Четвериковъ представилъ семь полныхъ церковныхъ иконостасовъ. Общество, принимая для снабженія прибалтійскихъ церквей церковную утварь, само также озаботилось заготовленіемъ вещей, потребныхъ для совершенія богослуженія, и желая дать отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ, а вмѣстѣ нагляднѣе показать нужды церквей и болѣе распространить извѣстность дѣла, рѣшилось выставить всѣ

пожертвованныя и приготовленныя вещи для открытаго обозрѣнія всѣмъ желающимъ. Эти церковныя вещи выставлены въ настоящее время въ московскомъ университетѣ, въ актовомъ залѣ, и ежедневно привлекаютъ многихъ посѣтителей. По недавнему сообщенію въ газетахъ, церковной утвари имѣется уже на снабженіе 20-ти церквей. Но число церквей, нуждающихся во всемъ, простирается до 140.

Московскій архипастырь, митрополитъ Иннокентій, сочувствуя нуждамъ прибалтійскихъ церквей, предложилъ московскому духовенству оказать посильную помощь нуждающимся. Надобно ожидать, что духовенство приметъ такое предложеніе и послужитъ святому дѣлу своимъ благодѣтельнымъ посредничествомъ. Православные русскіе люди не только не тяготеютъ помощью бѣдствующимъ, пастырски предлагаемую имъ духовенствомъ, напротивъ очень часто принимаютъ подобныя предложенія съ признательностію ¹⁾

Когда положеніе нуждающихся такъ очевидно, что дѣло говоритъ само за себя, тогда не требуется никакихъ особенныхъ усилій, чтобы вызвать готовность на братскую помощь въ православномъ русскомъ человѣкѣ. Редакція *Православнаго Обозрѣнія* рѣшается предложить вниманію читателей извѣстіе о сборѣ пожертвованій въ пользу православныхъ прибалтійскихъ церквей въ одномъ изъ московскихъ приходоѡвъ—въ приходѣ Новаго Воскресенія на Остоженкѣ.

Въ первое воскресенье Великаго Пѣста, приходскимъ священникомъ Г. С.-И—мъ сказано было, при окончаніи литургіи, слѣдующее Слово:

---

¹⁾ Къ сожалѣнію, *Московскія Епархіальныя Вѣдомости* доселѣ не печатаютъ епархіальныхъ распоряженій.

«Братія! Въ настоящіе дни поста и молитвы мы намѣрены предложить вашему благочестивому вниманию и вашей братской любви святое дѣло христіанскаго милосердія. Постъ и милосердіе такъ соединены между собою, что одинъ безъ другаго быть не можетъ. Св. церковь заповѣдуетъ во дни поста воздержаніе для того, чтобы возможное при семъ сбереженіе отдавать нуждающимся и бѣдствующимъ братьямъ. Устами своихъ богомудрыхъ учителей церковь во дни постовъ всегда взывала и нынѣ взываетъ къ вѣрующимъ отъ лица Божія: «постъ, который Я избралъ, не состоитъ ли въ томъ, чтобы преломить свой хлѣбъ съ тѣмъ, кто голоденъ?»

«Широка заповѣдь христіанскаго милосердія и различенъ образъ милости. Въ настоящемъ случаѣ мы хотимъ указать вамъ на положеніе дѣлаго края въ нашемъ отечествѣ, извѣстнаго подъ именемъ прибалтійскаго, гдѣ православное народонаселеніе представляетъ огромную массу голодающихъ не тѣлесно только, но духовно, гдѣ православныя церкви терпятъ крайнюю нищету и часто лишены всего, что необходимо для отправленія православнаго богослуженія. Несмотря на далекое пространство, отдѣляющее насъ отъ нуждающихся братій,—мольба о помощи, нынѣ оттуда къ намъ обращаемая, такъ трогательна, что намъ усиленно надобно было бы заграждать слухъ вашъ, чтобы не слышать этой слезной мольбы.

«Какія убогія помѣщенія занимаютъ тамъ православныя церкви! Въ большей части приходовъ тамъ нѣтъ настоящихъ церквей или церковныхъ зданій: богослуженіе по необходимости совершается въ частныхъ зданіяхъ, верѣдко не приспособленныхъ и даже неприличныхъ для священнодѣйствія — въ простыхъ

избахъ и сараяхъ. То богослуженіе, которое, въ утѣшеніе и назиданіе всѣхъ православныхъ, на всемъ пространствѣ нашего отечества совершается такъ торжественно и открыто, тамъ укрывается въ тѣсныхъ лачугахъ, едва примѣтныхъ. Православные приходы, состоящіе тамъ нерѣдко изъ нѣсколькихъ тысячъ бѣдняковъ-прихожанъ, довольствуются иногда малымъ и убогимъ молитвеннымъ домомъ, не снабженнымъ и необходимою утварью. Притомъ и эти помѣщенія, отъ давности времени, по мѣстамъ пришли въ такую ветхость, что угрожаютъ разрушеніемъ.

«При такомъ положеніи, повѣстно, какъ скудны средства тамошнихъ церквей. Всѣ онѣ, по выраженію одного изъ тамошнихъ священнослужителей, «одинаково богаты только бѣдностію», не могутъ ни исправить своихъ помѣщеній, ни приобрести всего необходимаго для богослуженія. Не разъ въ тамошнихъ приходахъ появлялось желаніе — образовать мѣстные православныя братства, чтобы общими силами помочь общей нуждѣ: но при всемъ усердіи прихожанъ, при всей готовности бѣдняковъ жертвовать на поддержаніе своихъ храмовъ, общими силами едва могли они собирать въ теченіи цѣлыхъ годовъ нѣсколько малѣйшихъ лентъ.

«Вы спросите: какой же видъ имѣютъ православныя прибалтійскія церкви и какъ отправляется тамъ богослуженіе? Это — убогіе молитвенные дома, въ которыхъ нерѣдко можно найти не болѣе, какъ одну св. икону. Тамъ есть храмы, въ которыхъ не имѣется даже храмовой иконы. Въ церковныхъ ризницахъ нерѣдко имѣется тамъ не болѣе одного изветшавшаго облаченія, въ которое по нѣскольку лѣтъ поочередно облачаются священнослужители. Божественная литургія въ вныхъ храмахъ совершается тамъ при свѣтѣ простой

елейной лампадки, и по недостатку потребнаго для таинства—въ иные дни совѣтъ не совершается. Тамъ есть церкви, въ которыхъ иногда не имѣютъ возможности не только приобрести, даже исправить изветшавшей купели для крещенія младенцевъ. Тамъ одна церковь бѣднѣе другой, и ни одна не можетъ содержать себя въ потребномъ благоустройствѣ и подобающемъ святинѣмъ благолѣпіи. Бѣдные православные томятся въ чувствѣ своего безсилія и безпомощности.

«Братія! Долгъ *любви* христіанской не требуетъ ли отъ насъ поспѣшить на помощь братьямъ по вѣрѣ, которые терпятъ такія тяжкія нужды? Долгъ *спры* не налагаетъ ли на насъ священную обязанность содѣйствовать по мѣрѣ нашихъ силъ къ преуспѣванію православной вѣры въ этомъ нуждающемся краѣ? Нынѣ, въ день, посвященный *торжеству Православія*, да возжжется въ душахъ православныхъ огонь священной ревности о православіи, и каждый, любящій благолѣпіе Дома Божія, да сложитъ во глубинѣ сердца спасительный глаголь: *жалость Дому Твоему съльсть мя!* Мы не говоримъ уже о чести народнаго русскаго имени, которая помрачилась бы, еслибы мы внутри нашего православнаго отечества не нашли возможности помочь нуждающимся братьямъ.

«Итакъ, во имя вѣры и любви христіанской, предлагаемъ вамъ святое дѣло благотворенія въ пользу нуждающихся прибалтійскихъ церквей. Молимъ васъ, братія! окажите посильную помощь бѣднымъ церквамъ въ селеніяхъ бѣдствующихъ братьевъ. Православныя церкви нуждаются тамъ во всемъ—въ св. иконахъ, въ облаченіяхъ, въ церковной утвари, въ богослужебныхъ книгахъ. Вы тѣмъ удобнѣе можете послужить предлагаемому дѣлу, что нынѣ, исполняя христіан-

скій долгъ говѣнія, вы можете соединить благотвореніе съ вашимъ духовнымъ подвигомъ. Пусть всѣ, кто можетъ, займутся приготовленіемъ священныхъ вещей, потребныхъ для снабженія православныхъ церквей, и пусть понесутъ на себѣ это дѣло благочестія и любви, какъ подвигъ духовнаго послушанія, столь спасительный въ дни говѣнія. Братія! Желая нынѣ подвигомъ добрымъ подвизаться и благоугождати Богу, нынѣ наипаче *благотворенія и общенія не забывайте, таковыми бо жертвами благоугождается Богъ. Аминь.*

Желавшимъ ближе и подробнѣе знать о положеніи прибалтійскихъ церквей сообщено было самое *Приглашеніе* къ пожертвованіямъ, напечатанное въ *Моск. Вѣдомостяхъ* и *Правосл. Обозрѣніи*. Приношенія начались немедленно и продолжались ежедневно до праздника Благовѣщенія, послѣ котораго предположено было передать всѣ пожертвованія образовавшемуся въ Москвѣ благотворительному обществу, для отправленія по назначенію. Вотъ списокъ пожертвованій, поступившихъ до дня Благовѣщенія: св. иконъ принесено 49 (различной величины, въ томъ числѣ нѣсколько иконъ въ серебряныхъ позолоченыхъ ризахъ), запрестольный крестъ 1, 3 плащаницы, 2 хоругви, церковныхъ святцевъ два полныхъ собранія на 12 мѣсяцевъ (24 иконы), Евангелій въ окладахъ 4, напребстольныхъ крестовъ 4, священно-служебныхъ сосудовъ (потировъ, дисковъ, звѣздницъ, лжиць, копій и ковшей для теплоты) по 3, тарелочекъ 6, воздуховъ 40 перемѣнъ, литоновъ 6, губокъ для св. сосудовъ 6, ковчегъ для храненія Св. Даровъ 1, дароносиць для ношенія Св. Даровъ въ приходъ 3, кадиль 3, подсвѣчниковъ 6 мѣстныхъ и 4 малыхъ, лампадъ 1 большая и 2 малыхъ, священ-

ническихъ фелоней 7, епитрахлей 10, поручей 25 паръ, поясовъ 11, подризниковъ 3, діаконскій стихарь 1, орарей 3, напрестольная одежда 1, пелены 4, блюдо 1, сосудъ для благословенія хлѣбовъ 1, водосвятная чаша 1, кувшинъ для св. воды 1, кропиаль 2, полотенецъ 6, вѣнцовъ 3 пары, купель 1, приборовъ съ принадлежностями для крещенія 2, крестиковъ возлагаемыхъ на крещаемыхъ 1500 съ тесьмой, малыхъ образовъ 86 (мѣрою 2½ вершка, для раздачи по домамъ, въ томъ числѣ 50 кипарисныхъ), 50 священныхъ картинъ, сдѣланныхъ золотомъ и красками, фонарь для крестнаго хода, восковыхъ свѣчъ простыхъ и золоченыхъ 15 ф., служебниковъ, требниковъ, канонниковъ и часослововъ (новаго изданія) по 5 экземпляровъ. Цѣнность всѣхъ этихъ вещей простирается выше 1000 р. с. Всѣ жертвователи пожелали оставить свои имена въ неизвѣстности и сообщили только имена своихъ усопшихъ присныхъ для поминовенія.

Въ праздникъ Благовѣщенія всѣ пожертвованныя и приготовленныя вещи въ полномъ собраніи предложены были прихожанамъ для обозрѣнія. Предъ окончаніемъ литургіи сказано было священникомъ слѣдующее Слово:

«Въ первую недѣлю св. Четыредесятницы — въ недѣлю Православія, когда св. церковь воспоминаетъ и празднуетъ *торжество Православія*, мы рѣшились, братія! предложить вашему благочестивому вниманію положеніе цѣлаго края въ нашемъ отечествѣ, гдѣ Православіе еще не достигло до свѣтлаго торжества, гдѣ оно остается въ состояніи прискорбномъ, бѣдствующемъ, страждущемъ,—гдѣ при всей преданности православной вѣрѣ мѣстное народонаселеніе часто лишено возможности полныхъ духовныхъ утѣшеній:

этого край обнимаетъ нѣсколько губерній, извѣстныхъ подъ именемъ прибалтійскихъ .

«Предлагая вашему вниманію положеніе бѣдствующихъ православныхъ церквей въ этомъ краѣ, я думалъ, братія! поучать васъ ревности о православіи, — и вотъ вы отозвались такою глубокою, плодотворною ревностью по вѣрѣ, соединенною съ такимъ молитвеннымъ смиреніемъ, что превзошли мое отъ васъ ожиданіе: теперь уже не вы у меня, а я у васъ долженъ поучаться ревности о православіи. Я думалъ подвигнуть васъ на дѣло любви христіанской, на дѣло христіанскаго милосердія въ пользу страждущихъ, — и оказалось, что я самъ, сознавая все мое недостоинство, долженъ теперь принять отъ васъ живое назиданіе въ любви къ братьямъ по вѣрѣ, любви горячей, самоотверженной и смиренной. Возблагодаримъ Господа, давшего намъ новую возможность скрѣпить еще тѣснѣе связующія насъ узы вѣры, и по слову Апостола «соутѣшитися вѣрою общею — вашею же и моею.»

«Встрѣчая жертвы вѣры и любви вашей, братія! что скажу вамъ въ назиданіе? вмѣсто моего слабого слова, предложу вамъ слово приснопамятнаго ревнителя православной вѣры, покойнаго нашего архипастыря. Объясняя, что жертвующій на пользу церкви не только ничего не теряетъ, напротивъ дѣлаетъ великое приобрѣтеніе, по слову Христову «богатѣеть въ Бога», онъ говоритъ: «Богу во храмъ на его созиданіе или на обновленіе, или на содержаніе его въ потребномъ благоустройствѣ и въ приличномъ благолѣпнѣишней приноситъ часть богатства своего, иной посвящаетъ безкорыстный трудъ... Чтожь? Отдающіе такимъ образомъ свое богатство или свой трудъ Богу,

бѣднѣютъ ли они, или богатѣютъ? Словомъ Господнимъ говорю «богатѣютъ», какъ потому, что симъ образомъ благословляется прочее ихъ богатство, честно пріобрѣтенное, и благонамѣренный трудъ, такъ и потому, что принесенное ими не престаётъ быть ихъ достоинствомъ, поелику Богу присвоить оное не нужно, не теряется, поелику похитить у Бога не можно, а сохраняется въ невредимой предъ очами Божиими цѣлости для ихъ будущаго воздаянія.» Итакъ, братія! жертва христіанская—не потеря, а пріобрѣтеніе. Все гибнетъ на свѣтѣ,—не гибнутъ только дѣла христіанскаго милосердія. Жертва христіанская,—это—святое сѣмя, которое долго и долго еще здѣсь на землѣ приноситъ плоды добра,—сѣмя, изъ котораго растутъ тѣ святые дѣла, кои ходятъ вслѣдъ творящихъ ихъ, восходятъ на небо, и въ жизни загробной придутъ вслѣдъ васъ какъ умиловленіе за грѣхи.

«Братія! Вѣра возбуждаетъ вѣру По ревности къ вѣрѣ вы приносите жертвы въ пользу бѣдствующихъ православныхъ братій. Жертва вашей вѣры поддержитъ вѣру многихъ православныхъ, привлечетъ и обратитъ въ православіе многія души. Любовь вызываетъ любовь. Помощь единовѣрнымъ братьямъ, которую шлетъ имъ ваша любовь, съ какимъ радостнымъ восторгомъ будетъ принята бѣдствующими! Ваши жертвы будутъ орошены слезами умиленія и горячихъ молитвъ. Вотъ что пишетъ одинъ изъ тамошнихъ духовныхъ пастырей, благодаря за снабженіе утварью церкви, у бѣднаго престола которой онъ много уже лѣтъ отправляетъ божественную службу: «Нужно быть въ нашихъ мѣстахъ, нужно видѣть все нужны, все убожество наше—а отъ того и упадокъ духа, чтобы понять то благодарное чувство, которое охватило насъ при

вѣсти объ участіи, пробужденномъ къ намъ въ бѣлокаменной Москвѣ. Состояніе нашихъ церквей, школъ и приходовъ въ такомъ жалкомъ положеніи, какое представить невозможно живущимъ въ другихъ краяхъ православной Россіи: только рубище покрываетъ святыя наши храмы отъ алтаря до порога; въ школахъ—недостатокъ во всемъ, начиная отъ помѣщеній до русскаго букваря; въ приходахъ—нищета, голодъ и нагота; среди духовенства—счастливейшимъ считался бы тотъ, кто могъ бы умереть не оставляя въ наследство дѣтямъ неоплатныхъ долговъ. Двадцать три года мы боремся съ такою нуждою и не испытывали ничего радостнаго до той поры, пока первопрестольная Москва не обратила на насъ вниманія, не услышала нашихъ скорбей. Мы усердно молимъ всѣхъ и cadaго не оставлять начатаго святаго дѣла, пока не облагодѣются здѣсь православныя храмы, пока не создадутся православныя школы.»

«Посмотрите, братія! какіе святыя плоды вѣры и любви принесутъ жертвы на пользу православныхъ церквей въ томъ краѣ, куда онѣ теперь собираются. Православныя церкви тамъ очень часто остаются безъ иконъ: теперь онѣ украсятся св. иконами, предъ которыми будутъ возноситься обѣты и молитвы православныхъ. Но малому числу храмовъ, по бѣдственному ихъ положенію, даже по недостатку церковной утвари—тамъ иногда не совершается богослуженіе и самыя таинства: младенцы долгое время остаются безъ крещенія, больные не всегда получаютъ напутствіе... И вотъ благоустройство церковное, обезпеченное жертвами единовѣрныхъ, дастъ возможность—вездѣ и всегда немедленно подавать благодатное освященіе и духовное утѣшеніе вѣры требующимъ. Сколько душъ

будеть просвѣщено св. крещеніемъ! Сколько супружествъ будетъ освящено благодатію православнаго таинства! Сколько болящихъ и страждущихъ получатъ духовное утѣшеніе! Многіе не имѣютъ тамъ на себѣ крестовъ на персяхъ и св. иконъ въ домахъ своихъ. Знаменіе честнаго креста отвынѣ осѣнитъ тамъ многихъ и православная икона посѣтитъ и утѣшитъ дома бѣдствующихъ.

«Братія! мы празднуемъ нынѣ великій праздникъ Благовѣщенія. Да ознаменуется нынѣ этотъ праздникъ благою вѣстію, благимъ началомъ новыхъ благотворныхъ отношеній взаимной вѣры и любви православныхъ братій—благотворящихъ и нуждающихся. Святые жертвы отправляются въ нуждающійся край къ празднику праздниковъ—къ свѣтлomu Воскресенію Христову: будемъ молиться, братія, да воскреснетъ этотъ край къ новой духовной жизни, свободной отъ тяжелыхъ лишеній и страданій! Будемъ уповать, что Господь, богатый милостію и щедротами, ниспослетъ Свое небесное благословеніе и благотворящимъ и нуждающимся,— Ему же слава во вѣки, аминь.»

При заключеніи сбора пожертвованій прихожане показали новое усердіе. Никто не вышелъ изъ храма не сдѣлавши новаго посильнаго приношенія. Въ теченіи цѣлаго дня были приносимы св. иконы и различныя потребныя для церкви вещи во множествѣ, которыя остались не изчислены. Денгами собрано было 146 р. 64 к., изъ коихъ 20 р. дано на пострoenіе православнаго храма въ Туккумѣ прибывшему оттуда въ Москву сборщику діакову Соколову, а 126 р. 64 к. переданы одной изъ дамъ общества, живущей въ приходѣ, кн Е. А. Черкасской (супругѣ новоизбраннаго московскаго городского головы) для приобщенія

къ общему сбору въ пользу прибалтійскихъ церквей. Вся утварь передана также обществу московскихъ дамъ, по распоряженію которыхъ присоединена къ собранію церковныхъ вещей, поставленныхъ въ университетской залѣ.

Считаемъ долгомъ сообщить нашимъ читателямъ новое *Приглашеніе* къ пожертвованіямъ въ пользу прибалтійскихъ церквей отъ имени того же московскаго общества.

Приглашеніе къ пожертвованіямъ въ пользу православныхъ церквей прибалтійскихъ губерній.

Въ ноябрѣ мѣсяцѣ прошлаго года, нѣкоторые изъ московскихъ дамъ, особымъ воззваніемъ, напечатаннымъ въ 253-мъ *Моск. Вѣд.*, обратились ко всемъ православнымъ съ просьбою: оказать пособіе нуждающимся православнымъ церквамъ прибалтійскихъ губерній. Начинаясь съ замѣчательныхъ словъ бывшаго рижскаго архіепископа Платона, свидѣтельствовавшаго о крайне бѣдномъ и неблагоприличномъ положеніи православныхъ храмовъ,—воззваніе, объясняя это ихъ бѣдствование только тѣмъ, что вѣсть о немъ еще не дошла до свѣдѣнія русскаго общества, еще не проникла въ тѣ народные слои, откуда неоскудѣваемымъ источникомъ льются жертвы на созиданіе и украшеніе храмовъ Божіихъ,—оканчивалось приглашеніемъ: принять участіе въ пожертвованіяхъ въ пользу церквей, школъ и братствъ прибалтійскихъ губерній.

Воззваніе это, къ счастью, не прошло безслѣдно: не изъ одной Москвы, но изъ всѣхъ концовъ Россіи стали присылаться деньги и разныя церковныя вещи

въ такомъ щедромъ размѣрѣ, что дамы, подписавшія свои имена подъ тѣмъ воззваніемъ, имѣли къ началу мѣсяцу настоящаго года болѣе 8.000 р. въ своемъ распоряженіи и вещей не менѣе, какъ на такую же сумму. На эти средства, четырнадцать церквей Лифляндской и Курляндской губерній уже снабжены необходимыми для нихъ облаченіями, церковною утварью и книгами; три школы обезпечены въ своемъ существованіи на довольно долгое время; кромѣ того, нѣсколькимъ церквямъ, школамъ и церковнымъ братствамъ оказаны временныя пособія. Несмотря на такую обильную помощь, средства, данныя благотворителями, не истощены въ конецъ.

Такимъ образомъ, дѣлу благоустройства православныхъ церквей и школъ въ Балтійской нашей окраинѣ положено починомъ Москвы благое начало; но только —говоримъ это съ твердостію, но и не безъ горести —только начало: остается еще сдѣлать многое, очень многое. Дамы, предложившія свое посредничество для передачи на мѣста посильныхъ пожертвованій, получили нынѣ подробные списки вещей и утвари, въ которыхъ нуждаются лифляндскія православныя церкви; напечатать всѣ тѣ списки, перечислить все, что просить для поддержки церквей—нѣтъ никакой возможности: такъ многое нужно для того, чтобы дать имъ средства только отправлять богослуженіе съ должнымъ благообразіемъ, —для того только, чтобы поддержать Православіе, подавляемое многими обстоятельствами. Одинъ изъ тамошнихъ духовныхъ пастырей, благодаря за снабженіе всѣмъ потребнымъ церкви, у бѣднаго престола которой онъ много уже лѣтъ отправляетъ божественную службу, писалъ между прочимъ: «Нужно быть въ нашихъ мѣстахъ, нужно видѣть всѣ нужды,

все убожество наше — а отъ того и упадокъ духа, чтобы понять то благодарное чувство, которое охватило насъ при вѣсти объ участіи, пробужденномъ къ вамъ въ бѣлокаменной Москвѣ. Состояніе нашихъ церквей, школъ и приходовъ въ такомъ жалкомъ положеніи, какое представить невозможно живущимъ въ другихъ краяхъ православной Россіи: только рублище покрываетъ святыя наши храмы отъ алтаря до порога; въ школахъ—недостатокъ во всемъ, начиная отъ помѣщеній до русскаго букваря; въ приходахъ—нищета, голодъ и нагота; среди духовенства—счастливѣйшимъ считался бы тотъ, кто могъ бы умереть не оставляя въ наслѣдство дѣтямъ неоплатныхъ долговъ. Двадцать три года мы боремся съ такою нуждою и не испытывали ничего радостнаго до той поры, пока первопрестольная Москва не обратила на насъ вниманія, не услышала нашихъ скорбей. Мы усердно молимъ всѣхъ и cadaго: не оставлять начатаго святаго дѣла, пока не облагодѣются здѣсь православныя храмы, пока не создадутся православныя школы.»

Повторяя это мольбу, исшедшую отъ престола Божьяго, вызванную слишкомъ продолжительнымъ горемъ, — молимъ и мы въ свою очередь всѣхъ православныхъ: не остановиться на полдорогѣ, не прекратить своихъ пожертвованій на пользу церквей, школъ и братствъ прибалтійскихъ губерній. Мы не просимъ дать намъ средствъ къ построению новыхъ храмовъ, хотя въ нихъ и нуждаются тамъ едва ли не въ каждомъ приходѣ, — не просимъ, ибо знаемъ, что это слишкомъ тяжело для частной благотворительности; мы не общаемъ на жертвуемыя деньги открывать новыя школы, создавать церковныя братства, — ибо сознаемъ, что этого невозможно сдѣлать за тысячу

верствъ, ибо убѣждены, что все это прочно только тогда, когда зародится на мѣстѣ, возникнетъ само собою, безъ внушеній, хотя бы и самыхъ благонамѣренныхъ, издалека. Не дѣлая излишнихъ и невозможныхъ обѣщаній, мы, по прежнему, ограничимся дѣятельностію болѣе скромною: мы будемъ только поддерживать то, что уже существуетъ, — то, что уже есть.

По прежнему, не измѣняя нашей программы, мы просимъ всѣхъ и каждого: доставлять къ намъ посильныя пособія деньгами, церковными вещами и книгами на пользу православныхъ храмовъ, школъ и братствъ прибалтійскихъ губерній, — какъ бы ни казалось мало каждое отдѣльное пособіе: мы просимъ помнить нашу народную поговорку: «съ міра по ниткѣ — голому рубаха». Все присылаемое къ намъ будетъ немедленно передаваемо на мѣста: имена жертвователей и подробные отчеты въ употребленіи пожертвованій будутъ печататься въ московскихъ газетахъ; точно также, согласно желаніямъ жертвователей, будутъ передаваемы въ мѣстныя церкви имена лицъ, для молитвъ за здравіе или упокой ихъ. Еслибы кто пожелалъ принять на себя снабженіе всѣмъ нужнымъ одной или нѣсколькихъ церквей, то можетъ обратиться по одному изъ вышеозначенныхъ адресовъ, и немедленно получитъ подробный списокъ всего потребнаго для одной или нѣсколькихъ церквей со всѣми нужными указаніями; точно также, если бы кто возымѣлъ благое намѣреніе вступить въ число братчиковъ одного изъ мѣстныхъ братствъ, то изъ того же источника можетъ получить уставъ существующихъ братствъ и всѣ о нихъ свѣдѣнія.

Выписки изъ послѣднихъ газетъ.

— Въ *Рижскомъ Вѣстникѣ* извѣщаютъ, что Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу г. министра императорскаго двора, Высочайше соизволилъ пожаловать двѣ тысячи рублей на исправленіе православной церкви въ городѣ Гапсалѣ и одну тысячу рублей для состоящей при той церкви школы для русскихъ дѣтей—всего три тысячи руб (Бирж. Вѣд., № 189.)

— Государыня Императрица, какъ сообщаетъ *Прав. Вѣстн.*, Всемилостивѣйше изволила пожаловать рижскому кафедральному Петропавловскому собору одно архіерейское, шесть священническихъ и пять діаконскихъ облаченій, и тридцать стихарей для церковно-служителей и пѣвчихъ. По сему случаю совершенно было въ означенномъ соборѣ благодарственное молебствіе о здравіи Ихъ Императорскихъ Величествъ и всего Августѣйшаго Дома. (Совр. Изв., № 191.)

— Въ настоящее время существуютъ въ Ригѣ слѣдующія русскія общества: 1) прикащичье вспомогательное съ 1858 года съ 200 членами; 2) Николаевское купеческое, тоже вспомогательное; 3) акціонерное *Улей* съ 1863 г.; 4) русскій клубъ съ 240 членами; 5) русское благотворительное общество, устроившее дѣтскій пріютъ, въ новомъ домѣ, въ Московскомъ предмѣстьѣ, служащій образцомъ для Нѣмцевъ, и располагающее капиталомъ въ 34,000 р. сер.; 6) мужское пѣвческое и литературное общество *Баянъ* съ 1863 года—100 членовъ; 7) женское такое же общество *Ладо*, съ 150 членами; 8) русская типографія, управляемая ближайшимъ образомъ г. *Чешихинымъ*, редакторомъ *Рижскаго Вѣстника*; 9) православное Петропавловское братство, устроившее, мѣсяць назадъ, подъ наблюденіемъ священника Дреклера, инспектора семинаріи, изъ Латышей, на пожертвованія изъ Москвы, русскую элементарную школу для Латышей, на краю города, куда поступило 20 Латышей, 5 Русскихъ и 2 Эста, гдѣ учитъ теперь студентъ семинаріи Степановичъ; 10) рижская ремесленная артель болѣе чѣмъ съ 400 членами, наиболѣе трезвыми и нерасположенными къ препровожденію времени въ грязныхъ полпивныхъ и кабакахъ; 11) русскій банкъ, называемый третьимъ рижскимъ обществомъ взаимнаго кредита; 12) латышскій клубъ, построившій свой собственный домъ, переполненный членами изъ протестантовъ

и, вмѣстѣ съ новою газетою своею, редижируе мою г. Дирикомъ, не только не враждебный, но даже сочувствующій Русскимъ, хотя онъ и латышествуетъ, т. е. стремится къ какой-то латышской независимости, въ видѣ основанія, на примѣръ, школь съ преподавательскимъ латышскимъ языкомъ, и т. под. иллюзіямъ; 13) православная духовная семинарія, давно уже здѣсь устроенная, но помѣщаемая въ кое-какихъ наемныхъ домахъ, похожихъ на какіе-то сѣзжіе дворы и харчевни, на томъ основаніи, что городъ почему-то никакъ не соглашается ни уступить, ни продать надлежащаго количества земли подъ этотъ нелютеранскій разсадникъ образованія; наконецъ, 14) Александровская гимназія съ преподавательскимъ русскимъ языкомъ (пока 5 классовъ), съ 195 учениками, помѣщаемая на одной изъ главныхъ улицъ, въ наемномъ домѣ, за 4,000 р. въ годъ, и 15) женская Ломоносовская гимназія (4 класса) съ 130 воспитанницами (изъ которыхъ 116 православнаго вѣроисповѣданія), подъ непосредственнымъ наблюденіемъ г-жи Максимовской, поставившей гимназію выше всѣхъ нѣмецкихъ пансіоновъ. (Сов. Изв. № 293.)

— Въ «Рижскомъ Вѣстникѣ» пишутъ, что 5-го октября, 1869 года, было общее собраніе рижскаго Петро-павловскаго православнаго братства, на которомъ, въ концѣ засѣданія, было прочтано нижеслѣдующее письмо изъ Москвы В. П. Перцова:

«Изъ статей, помѣщенныхъ въ «Рижскомъ Вѣстникѣ», и по частнымъ свѣдѣніямъ, узнали здѣсь, въ Москвѣ, что Латыши, живущіе въ Ригѣ, обратились съ просьбою объ учрежденіи для ихъ дѣтей школы, которая не только дала бы имъ средства познать истинны православной вѣры, но и обучила бы ихъ порусски, дала бы имъ возможность—говоря ихъ же словами — «приобрѣсти любовь къ Русскому народу». «Умилосердитесь», писали Латыши, .. и все, чего они желали, состояло лишь въ томъ, чтобъ дать имъ возможность узнать Русскій народъ, услышать русскую правду о немъ.

Живое, горячее, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, скорбное слово Латышей не могло остаться незамѣченнымъ здѣсь, въ Москвѣ, такъ зорко и внимательно всматривающейся во все, что совершается въ искони русскомъ балтійскомъ поморьѣ. Москва должна первая отозваться на этотъ сердечный крикъ: на ней лежитъ вѣками наложенная, святая обязанность—быть сѣятелемъ православія и русской жизни. Отвѣтъ Москвы на призывъ Латышей передъ вами: Москва шлетъ вамъ 900 р., т. е. все, что нужно на годовое содержаніе школы, устраиваемой по просьбѣ Латышей. Примите эту скромную ленту отъ москвичей, не желающихъ объявить своихъ именъ, потому что, при даяніи посильной помощи, ими руководила не мысль—огласить себя, а чистое, вполне русское желаніе—помочь бѣдному Латышу, протирающему къ намъ свои руки, подать ему братски

руку, и помощью, собранною въ бѣлокаменной, дать ему возможность войти въ жизнь и мысль Русскаго народа. Я горжусь тѣмъ, что мнѣ выпала счастливая доля—быть посредникомъ въ этомъ случаѣ между Москвою и хотя отдаленнымъ, но близкимъ и сроднымъ намъ Латышемъ; я еще болѣе счастливъ тѣмъ, что могу завѣрить, что помощь Москвы не остановится на этомъ. Да процвѣтаетъ же новая школа, да будетъ она первымъ плодотворнымъ зерномъ, изъ котораго да разростется православіе, русское слово, русская мысль и русская жизнь..» («Голосъ», № 283).

Отрывокъ изъ рѣчи латышскаго священника, о. Дрекслера, при открытіи даровой эстонской школы въ Ригѣ.

«Вы просили духовныхъ пастырей, поставленныхъ Иисусомъ, чтобъ вамъ была дана возможность познакомиться съ ученіемъ православной церкви. И вотъ, слава Богу и благодаря всѣмъ милосердымъ Русскимъ, любящимъ нашъ народъ—ваше желаніе исполнилось. Для васъ безъ всякой платы учреждается школа, гдѣ ваши дѣти могутъ слушать истинное ученіе Христа Спасителя. Но человекъ живетъ не только духомъ, но и тѣломъ; ему здѣсь на землѣ нужно заниматься не только предметами небесными, но и земными; онъ долженъ быть здѣсь не только членомъ церкви Божьей, но и членомъ мірскаго царства. Поэтому, онъ долженъ стараться

быть годнымъ, истинно-христіанскимъ членомъ той семьи, того государства, къ которому онъ принадлежитъ. Я радуюсь, и каждому искреннему благожелателю нашего народа нужно радоваться, что вы приняли къ сердцу слова милостивѣйшаго, августѣйшаго Государя нашего, сказанныя имъ въ Ригѣ, что дѣйствительно хотите принадлежать къ единой, великой русской семьѣ, хотите говорить ея языкомъ и жить ея духомъ. Не думайте, что вы, при помощи одного только вашего языка, можете достигнуть высшаго образованія и обойтись въ жизни. Много вѣковъ народъ нашъ находился въ обученіи у такихъ людей, которые считаютъ себя учеными и называютъ себя носителями просвѣщенія. Но, впродолженіи столь долгаго времени, много ли написано латышски такихъ книгъ, въ которыхъ содержалось бы высшее просвѣщеніе! И гдѣ тѣ ученые истые Латыши, которые на латышскомъ языкѣ могли бы преподавать высшія науки въ школахъ нашимъ дѣтямъ? Къ сожалѣнію, ученыхъ истыхъ Латышей почти вовсе нѣтъ. Почти всѣ, называющіе себя учеными въ нашей странѣ, въ своемъ ученіи прошли черезъ чуждыя намъ руки, и, поэтому, почти всѣ они чуждаго духа, несоотвѣтствующаго духу нашего народа и нашего государства. А еслибъ мы захотѣли писать на латышскомъ языкѣ руководства для высшихъ наукъ, то сколько времени наши дѣти должны были бы ждать, какъ долго они не могли бы достигнуть высшаго образованія! Но доу-

стимъ, что мы могли бы достигнуть высшаго образованія на нашемъ языкѣ. Могли ли бымы обойтись съ однимъ нашимъ языкомъ въ жизни? Еслибъ мы захотѣли обходиться съ однимъ нашимъ языкомъ въ жизни, то намъ нужно было бы основать свое царство— а это то же, что еслибъ мизинецъ захотѣлъ жить самъ по себѣ безъ руки и тѣла, которымъ онъ принадлежитъ. Можетъ быть, нѣкоторые скажутъ: можно обойтись въ жизни съ нѣмецкимъ языкомъ; но развѣ мы живемъ въ нѣмецкомъ государствѣ? По истинѣ такъ много не плакали бы наши матери и сестры, при отправленіи нашихъ братьевъ на службу, еслибъ наши братья знали порусски. По истинѣ иной нашъ единоплеменникъ, находясь на царской службѣ, могъ бы заслужить высшей чести и счастія, еслибъ зналъ порусски. По истинѣ также каждый латышскій ремесленникъ могъ бы найти себѣ болѣе выгодное занятіе, еслибъ зналъ порусски. Равнымъ образомъ и тѣмъ, которые не идутъ въ военную службу и не занимаются ремеслами, было бы очень важно и полезно въ жизни, еслибъ они могли читать всѣ законы житейскіе на томъ языкѣ, на которомъ они пишутся, на которомъ они выходятъ изъ устъ законодателя. Поэтому, пока вы не знаете еще языка вашего великаго отечества, учитесь первоначальнымъ свѣдѣніямъ, какъ-то: читать, писать, считать и закону Божию, на латышскомъ языкѣ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, учитесь непременно русскому языку. Если вы будете знать

русскій языкъ, то, безъ большой траты времени и денегъ, въ состояніи будете достигнуть высшаго образованія, и высшихъ мѣстъ, и высшаго счастья, чѣмъ до сихъ поръ вы достигали въ своей жизни. Поэтому, не слушайте тѣхъ, которые думаютъ внушать вамъ духъ гордости — будто вы можете обойтись съ однимъ вашимъ языкомъ.» («Голосъ», № 265.)

—Въ «Рижскомъ Вѣстникѣ» описывается слѣдующимъ образомъ положеніе православныхъ школъ въ Эстолатышскомъ краѣ:

«Въ то время, какъ для лютеранскихъ школъ выстроены, почти повсюду, особые удобные дома, православныя школы помѣщаются въ наемныхъ, несоотвѣтственныхъ цѣли квартирахъ. Въ школу должно ходить 30 или 40 дѣтей, между тѣмъ, въ небольшой классной комнатѣ, съ однимъ или двумя низенькими окнами, бываетъ едва достаточно мѣста для 10 или 15 человекъ; по обыкновенію, гдѣ и есть мѣсто, тамъ недостаетъ свѣта. Притомъ, православныхъ школъ мало. Лютеранскія школы строятся по одной на каждыя 250 душъ прихожанъ, у православныхъ же совершенно нѣтъ возможности къ этому, по недостатку средствъ. Напримѣръ, въ дерптскомъ благочиніи нужно бы, по числу прихожанъ, болѣе 100 школъ, а на дѣлѣ ихъ считается только 46, въ томъ числѣ и плохія. Но и эти школы не

всегда удобно расположены по отношенію къ православному населенію, такъ какъ оно во многихъ мѣстахъ живетъ весьма разсѣянно между лютеранами. Бѣдность и неудовлетворительность школъ тѣсно связана съ бѣдностью православныхъ прихожанъ, изъ которыхъ немного хозяевъ, а большая часть бобыли или работники, для которыхъ трудно содержать дѣтей своихъ въ школахъ; бѣдный же православный приходъ не въ силахъ помогать имъ, а сельская община весьма мало, а чаще ничего имъ не помогаетъ. Православныя школы уступаютъ лютеранскимъ и по ничтожности содержанія сельскихъ учителей, вознаграждаемыхъ самимъ православнымъ обществомъ, для котораго устроена школа. Есть въ Лифляндіи учителя, которые получаютъ вознагражденія за весь учебный годъ только около 4 пуръ разнаго хлѣба, и ~~иногда~~ вознагражденіе учительскихъ трудовъ не превышаетъ 40 рублей... Можно ли за эти деньги имѣть порядочнаго учителя?.. Въ православныхъ школахъ ~~чувствуется~~ также недостатокъ въ хорошихъ учебникахъ на эстонскомъ языкѣ: до сего времени нѣтъ ни одной священной исторіи, нѣтъ ни одного сочиненія для объясненія богослуженія, для ознакомленія Эстовъ съ общимъ отечествомъ—Россією въ историческомъ и географическомъ отношеніяхъ и съ исторією православной церкви». Въ заключеніе «Рижская Газета» говоритъ: «Лютеранскія школы имѣютъ могущественную опору въ мѣстномъ дворянствѣ,

опору матеріальную и нравственную. Въ отношеніи къ православнымъ школамъ, правительство, самую силу вещей, вынуждено замѣнить, хотя до нѣкоторой степени, недостающую имъ поддержку мѣстныхъ высшихъ сословій. И дѣйствительно, еще въ прошломъ году назначено изъ государственнаго казначейства ежегодное пособіе православнымъ школамъ въ 10,000 р. Остается желать, чтобъ правительство, не ограничиваясь однимъ отпускомъ суммъ, приложило свою руку къ этому важному дѣлу; ни сколько, само собою разумѣется, не стѣсня полезной ревности и дѣятельности мѣстнаго православнаго духовенства, близко знакомаго съ нуждами народа. Понятно, что, при ближайшемъ участіи правительства въ положеніи православныхъ школъ, явятся новые источники для ихъ улучшенія, дѣло получитъ соотвѣтственный интересъ и явятся жертвователи на это полезное дѣло». («Голосъ», № 141.)

— Въ Лифляндіи, въ имѣніи Трейденъ, происходило и въ текущемъ году обычное собраніе учителей народныхъ школъ подъ предсѣдательствомъ главнаго начальника народныхъ училищъ, пастора Фонтъ-Клодта. Находившіеся въ сборѣ учителя латышскихъ народныхъ школъ осмѣливались на сей разъ поставить предметомъ своихъ совѣщаній важный вопросъ: соотвѣтственно ли съ современными обстоятельствами, чтобы *чуждому* нѣмецкому языку въ лифлянд-

скихъ народныхъ школахъ учились съ особеннымъ усердіемъ. Напрасно въ пользу нѣмецкаго языка приводили, что высшія училища въ краѣ почти всѣ нѣмецкія, — огромнѣйшее большинство собранія *высказалось рѣшительно противъ нѣмецкаго* языка, утверждая, что, пользуясь латышскимъ языкомъ, гораздо легче распространить образованіе между латышскими крестьянами, чѣмъ съ помощью нѣмецкаго.

Съ другой стороны намъ сообщаютъ въ видѣ слуха, что не только латышскія крестьянскія общины, но и двѣ эстонскія обратились къ балтійскому генералъ-губернатору съ просьбою, чтобы въ ихъ народныхъ школахъ (гдѣ разумѣется преподаваніе производится на эстонскомъ языкѣ), вмѣсто нѣмецкаго языка учили русскому. Какое на эту просьбу послѣдовало рѣшеніе, намъ еще неизвѣстно. (Моск. Вѣд., № 181).

— Въ настоящую минуту по всему побережью Курляндской губерніи, въ видахъ развитія торговаго флота, съ большими пожертвованіями отъ казны, устроивается десять низшихъ мореходныхъ училищъ, въ которыхъ обученіе будетъ происходить будтобы на латышскомъ языкѣ. Для желающихъ занять *высшія мореходныя степени* предполагается устроить въ Виндавѣ мореходную школу 2-го разряда и поддержать существующее уже въ Либавѣ училище мореплаванія. Въ этихъ двухъ

училищахъ преподаваніе будетъ, говорятъ, *на нѣмецкомъ языкѣ*. («Голосъ», № 231). Мы не вѣримъ этому извѣстію. Либава въ короткое время сдѣлается первокласснымъ портомъ. Если вмѣстѣ съ этимъ она будетъ нѣмецкимъ городомъ, то чрезъ всю Россію, отъ Одессы до Либавы, желѣзною дорогою протянется чисто иноплеменная жизненная артерія.

— Въ 1867 году было поселено въ казенномъ имѣніи г. Шафрановымъ, бывшимъ управляющимъ прибалтійскою палатою государственныхъ имуществъ, 46 эстонскихъ православныхъ семействъ. Эти несчастные, положившись на то, что имъ, согласно мнѣнію и г. Шафранова, контракты на арендованіе земель *должны* быть высланы безотлагательно, въ теченіи 1868 г., посѣяли, съ разрѣшенія его же, рожь на отведенныхъ мѣстахъ, но по выбитіи г. Шафранова контрактовъ не получали, а мѣстные лютеране не позволили имъ сѣять ржи, и когда православные приступили готовить весеннія поля, то у нихъ пареломали сохи и бороны, другихъ побили. Лютеране заняли эти поля и произвели посѣвы, вопреки тому, что дерптскій окружной судъ, выславъ, наконецъ, контракты, призналъ эти посѣвы собственностью православныхъ. Жалобы православныхъ привели къ новымъ побоямъ, убыткамъ и розгамъ въ волостномъ правленіи. Такимъ образомъ православные Эстонцы, поселенные на казенной землѣ, въ конецъ разорились, не имѣя, къ

тому же, сѣмень на весенніе посѣвы и не получивши сѣмень изъ общественныхъ магазиновъ. Всѣ эти указанія корреспондента до сихъ поръ не были опровергнуты балтійскою нѣмецкою печатью, вообще чрезвычайно скороспѣлою на опроверженія; теперь же рижскій корреспондентъ «Петербургской Нѣмецкой Газеты» приводитъ этихъ самыхъ Эстонцевъ, какъ примѣръ неудачности проекта о сосредоточеніи и поддержаніи православія въ Эстолатышскомъ краѣ и какъ образчикъ вредныхъ послѣдствій надѣла землю крестьянъ, поселенныхъ на казенныхъ земляхъ. «Казенное имѣніе Аросааръ — говоритъ онъ — уже съ 1867 года раздроблено на участки; священникъ получилъ свой надѣлъ, батраки свои участки, но мы не слышали, чтобъ эта мѣра, имѣющая видъ вознагражденія за переходъ въ православіе (инсинуація довольно безцеремонная), особенно содѣйствовала благообстоянію этихъ батраковъ; напротивъ, знаемъ, что именно православные аросаарскіе крестьяне получили пособіе изъ комитета благотворительности. Въ томъ же Феллинскомъ уѣздѣ лежитъ другое казенное имѣніе Вольмарсгофъ, въ которомъ надѣлъ земли можетъ быть произведенъ только по окончаніи регулировки, и крестьяне, слѣдовательно, должны ждать этого вождедѣннаго времени и ждутъ до сихъ поръ. Прошлою осенью регуляціонная комиссія окончила свои труды, но крестьянамъ не дали надѣла и земля осталась въ рукахъ прежняго арендатора;

считая землю уже своею, крестьяне прогоняют арендатора и его рабочихъ, прогоняютъ потомъ и судью и усмиряются только съ появленіемъ военной силы, но надѣла все еще не получили.» «Если представить себѣ—говоритъ корреспондентъ— что подобная процедура предстоитъ и по остальнымъ 300 казеннымъ имѣніямъ, то можно представить себѣ, какими глазами и съ какими чувствами батраки частныхъ имѣній должны взирать на счастье, вышавшее на долю батраковъ казенныхъ имѣній.» И пугливому или, вѣрнѣе сказать, лукавому корреспонденту эти 300 казенныхъ имѣній представляются 300-ми центровъ постоянныхъ волненій и несбыточныхъ надеждъ, на десятки лѣтъ *парализующихъ* рабочія силы страны. Все дѣло въ томъ, что прозрѣвающее эстолатышское населеніе, въ виду этихъ 300 центровъ, прозрѣетъ еще скорѣе и сознаетъ еще глубже, что вся его будущность въ скорѣйшемъ воспріятіи русскаго элемента и въ тѣснѣйшемъ сляніи съ нимъ. Къ тому же, въ рукахъ гг. помѣщиковъ вѣрнѣйшее средство потушить завистливое чувство въ своихъ батракахъ: стоитъ улучшить ихъ участь на столько, чтобъ имъ не приходилось завидовать батракамъ казенныхъ имѣній. Эти же аросаарскіе православные сдѣлались предметомъ вниманія и со стороны заговаривающагося фон-Бокка кведлинбургскаго, который выходитъ изъ себя по поводу пособія, выданнаго этимъ крестьянамъ изъ рижскаго комитета

благотворительности по указанію и просьбѣ г. лифляндскаго губернатора. Правительство, говорить рыцарь чести и добра, ввергло этихъ батраковъ, *надпломъ казенной земли*, въ положеніе людей умирающихъ съ голоду и не могущихъ дожидаться смерти (вѣчная, по миѣнію г. фон-Бокка кведлинбургскаго, проголодь), и это же правительство обращается къ лютеранскимъ общинамъ и лютеранамъ за пособіемъ, и кому же—*отщепенцамъ лютеранской церкви въ награду за ихъ косненіе въ апостазіи* (Livl. Beitr. Band II, Heft 6. S. 887—888. 1869 г.) Г. фон-Боккъ кведлинбургскій забываетъ о тѣхъ русскихъ деньгахъ, которыя пошли на пособіе Эстолатышскому краю, и которымъ вовсе не было назначено распредѣленіе ихъ сообразно исповѣданію нуждающихся. («Голосъ», № 206).

— *Ревельская Газета*, говорятъ *Моск. Вѣд.*, недавно съ торжествомъ объявила, что показанія *Эстляндскихъ Губернскихъ Вѣдомостей* невѣрны, такъ какъ въ Эстляндской губерніи не только 8,000, но 12,000 десятинъ земли перешли въ ~~сво~~ собственность крестьянъ, и что стало-быть въ Эстляндіи все обстоитъ благополучно. Но именно самая эта цифра свидѣтельствуетъ о чрезвычайно грустномъ положеніи означенной русской губерніи. Оказывается, что и теперь еще въ Эстляндіи менѣе *одной сотой доли* земли принадлежит Эстамъ,

то-есть тому племени, которое *одно* въ сущности имѣетъ право называться *населеніемъ* страны. Нѣмцы, составляющіе не болѣе пяти процентовъ эстляндскаго населенія, сами называютъ себя нерѣдко *пришельцами-колонистами*; но имъ принадлежатъ почти 2 милл. десятинъ земли, а Эстамъ 12,000 десятинъ, между тѣмъ какъ по крайней мѣрѣ 95 процентовъ эстонскаго населенія питаются лишь отъ земледѣлія, а изъ Нѣмцевъ по крайней мѣрѣ 80 процентовъ живутъ другими промыслами и занятіями. (Совр. Изв., № 228.)

— Отвѣчая на вопросъ одной петербургской газеты о томъ, почему мѣстные провинціалы подняли такую тревогу при основаніи «Рижскаго Вѣстника», газета эта пишетъ: «Издали оно кажется дѣйствительно страннымъ, и скромный листокъ, издающійся въ Ригѣ, является совершенно безцвѣтнымъ въ Петербургѣ. Мы и сами никогда не придавали значенія этой тревогѣ и, во всякомъ случаѣ, не приписывали ее непосредственной важности нашего изданія; но причина ея можетъ быть понятна только съ точки зрѣнія узкихъ провинціальныхъ воззрѣній, постоянно готовыхъ всѣхъ заподозрѣвать и видѣть повсюду враждебныя покушенія. Какая-нибудь самая умѣренная и скудная статейка, напримѣръ, о городскомъ устройствѣ, или о русскомъ языкѣ, неспособная обратить на себя чье-либо постороннее вниманіе, служить въ

Ригѣ предметомъ жаркихъ разговоровъ и представляется неслыханною дерзостію противъ понятій, обычаевъ и уставовъ, никогда не встрѣчавшихъ противорѣчія или осужденія на мѣстахъ. Извѣстная часть мѣстнаго населенія, погруженная въ свой провинціализмъ, была до такой степени увѣрена въ безгласной покорности здѣшняго русскаго населенія, до такой степени считала его вышколеннымъ на свой ладъ и такъ презрительно относилась къ жизненнымъ явленіямъ, совершавшимся у нея на глазахъ, что когда—въ довершеніе всего—явилась подъ бокомъ русская газета, заговорившая не по затверженнымъ нотамъ, то наши провинціалы увидѣли въ ней чуть не измѣну. Они никакъ не хотѣли понять, что, кромѣ ихъ интересовъ, есть другіе живые интересы, гораздо болѣе важные и существенные. Понятно, что самое возникновеніе русской газеты, безъ ихъ неизбежнаго вліянія и помимо ихъ воли, представилось явленіемъ, во всякомъ случаѣ, знаменательнымъ въ краѣ, гдѣ русскій языкъ, на основаніи существующихъ законовъ, не пользуется надлежащими правами ни въ судѣ, ни въ мѣстной администраціи». («Голосъ», № 251).
